

Целься в Луну

Александра Булгакова

Оглавление

Пролог	4
1 Вишневые сады	6
2 Как мы жили на м83	9
3 Старлайт Рок	16
4 Институт Исследований Лунной Поверхности и дальше	21
5 Лавандовые Поля и Голубая Луна	30
6 По другую сторону Луны	40
7 Тоннель	43
8 Вечная Роза	49
9 Земля	56
10 Сон	60
11 Листья Травы	63
12 Полет	64
13 Циановый Лес	71
14 Атлантида	79
15 Жаль, что тебя здесь нет	82
16 Опасения	87
17 Темнота	92
18 Долина Снежных Холмов	100
19 Ледяные озера	102
20 Зал Совета	112

21	Целься в Луну	117
22	Подвесная Терраса	122
23	Голубая Луна	130

Пролог

Из окон видны чарующие очертания Земли, а в пространстве витает безмолвная космическая музыка. Ее голоса никогда не прекращают звучать, расставляя все по местам, утверждая тебя в этом Мире.

Здесь все прекрасно: куда ни глянь – вокруг сплошные звезды. Виден и млечный путь, и бриллиантовая кожа Солнца, и волшебный холод Луны, и (да!) непрекращающиеся звездопады. Нет, я не тоскую по дому.

Синий кислород – лучшее изобретение нашей компании. Благодаря ему жители Земли обрели возможность с легкостью дышать вне своей планеты. Именно из-за использования синего кислорода время на m83 (как и на всей орбите) течет медленней, нежели на Земле, заметно отдаляя момент старения. Часы/минуты/секунды...земное время больше ничего не значит, важны лишь мгновения, пространство, Космос.

Прошло более пяти сотен лет с тех пор, как человек впервые ступил на Луну и около ста лет со дня основания «ЭСКМО». Всего за несколько десятилетий этим ребятам удалось создать то, к чему человечество стремилось на протяжении всего своего существования: ближние галактические участки открыты для всех, а «светлую» часть Луны может посетить любой желающий. Именно этим мы и занимаемся на m83: сканируем лунную поверхность, следим за безопасностью Луны и прилегающих к ней участков, способствуем продвижению экономики страны благодаря туризму.

Сейчас в доступе «ЭСКМО» 49% лунной поверхности, (17 из которых открыты для штатских). В их число входят кратерные парки, ледяные озера, циановые леса и васильковые поля. Луна примечательна своей естественностью. Здесь нет ни одного небоскреба, завода или аэропорта, все технические здания расположены на базах, примыкающих к Луне, отчего, не смотря ни на что, она все так же остается Луной.

Очарованные таким спокойствием, люди спешат к нам с наступлением выходных.

Обычно, дорога к Луне занимает 83 минуты, если воспользоваться нашими услугами. Самостоятельные же попытки требуют много больше времени, а, чаще всего, и вовсе не дают результата: трассы в космосе до сих пор отсутствуют (ввиду непостоянности последнего). Мы пользуемся лишь собственными маршрутами.

Мое присутствие на m83 длится около десяти земных лет, однако, мне оно видится втрое дольше. Сейчас я занимаю, возможно, высшую ступень своей карьеры на m83, какую я бы только могла себе позволить. Единственный человек, стоящий выше меня – Сенатор Денхольм Куинн, в чьем попечительстве находятся все легальные космические участки. Я встречаюсь с ним утром каждого вторника на еженедельном совете «ЭСКМО», куда обычно прибывают

доверенные лица восьми галактических баз, что являются ответвлениями корпорации, для привычного обсуждения вопросов безопасности, экономики и ее дальнейшего продвижения.

Меня зовут капитан Отэм Раст и я являюсь руководителем первой по величине космической базы, m83. Как я к этому пришла? Я целилась в Луну и оказалась среди звезд.

1 Вишневые сады

Тем утром я открыла глаза за пару минут до сигнала пробуждения. Вчерашний кофе, как всегда, стоял у постели нетронутым. Лениво протянув за ним руку, я слегка поежилась от утреннего холода, к которому мне так не удалось привыкнуть даже за десять лет жизни здесь.

«Нужно проверить термостат, - пронеслось в голове, - и поговорить с Корнуэллом».

Последнего мне особенно не хотелось. Существуют такие необходимые типы разговоров, совершенно не подходящих для начала выходного дня, и этот как раз не был исключением.

Ступая по холодному полу, я подошла к округлому окну, занимавшему практически всю стену, из которого открывался чудесный вид на наши трассы и, конечно же, саму Землю. Сознание упорно отказывалось просыпаться, но у меня не было на это времени.

Спустя час, кое-как приведя мысли в порядок, я стояла около ворот, ведущих к вишневым садам, и размышляла о том, как бы мне стоило изложить суть предстоящего разговора и с чего правильной будет начать.

Джуд Корнуэлл был одним из первых инженеров, работающих с лунной поверхностью и старшим обитателем м83. Прежде он никогда не называл своего возраста, но, сопоставив даты, можно было с легкостью предположить, что тот уже давно перевалил за сотню. Для человеческого организма время здесь течет гораздо медленней земного, так что выглядел Корнуэлл лет на шестьдесят. Еще задолго до моего рождения срок его двадцати пяти летнего контракта истек, но Корнуэлл не вернулся на Землю вместе со своими сослуживцами, а проявил инициативу остаться, дабы консультировать молодых последователей. По сути, среди нас Джуд был единственным, кто видел весь путь зарождения лунной жизни своими глазами, оттого его помощь была неоценимым вкладом в модернизацию оной. Проблема заключалась в том, что старик провел здесь практически втрое больше положенного по контракту времени. На этой почве между властями штатов и сенатором Куинном назревал скандал, которого последний всеми силами старался избежать.

По окончании минувшего заседания ЭСКМО, сенатор ясно дал понять мне, что Корнуэлл в любом случае будет вынужден покинуть базу, иначе мы окажемся втянутыми в политический конфликт. Будучи капитаном м83, я отлично осознавала, что сейчас моей первой задачей было всеми силами воспрепятствовать этому, так что чем бы ни руководствовался Корнуэлл, оставаясь здесь все это время, вскоре ему предстояло вернуться домой.

– Доброе утро, Капитан.

Я обернулась и увидела приближающегося ко мне Корнуэлла. Он, как обычно, рассеяно приветствовал меня своей старческой улыбкой.

Перекинувшись с ним парой привычных фраз, я предложила немного прогуляться.

Мы неспешно шагали вдоль цветущих деревьев, удаляясь вглубь сада. Пурпурные лепестки Сакуры игриво парили в воздухе. Несколько, покружив, задержались на плече моего спутника.

– Подумать только... – протянул он, разглядывая один из лепестков так, словно видел его впервые. – Сложно представить, что меньше века назад это место было абсолютно лишено жизни, и я стоял здесь среди той пустоты в компании друзей, которых уже давно нет, так же, как стою сейчас с тобой, и вспоминал о вишневом саде у моего дома...

Мне подумалось, что это был удачный для того, чтобы перевести разговор в нужное мне русло, как вдруг Корнуэлл замолчал и коснулся моего плеча.

Подобное поведение обескуражило меня, но прежде, чем я успела что-либо ответить, он произнес:

– Я знаю, о чем ты хочешь поговорить со мной, Капитан. Мое время уже давно пришло.

Я кивнула.

– Боюсь, что так.

– Я и без того слишком здесь задержался, да и консультант из меня так себе. Ничего я не смыслю в современных технологиях, – он все так же рассеяно улыбался.

– Могу я узнать настоящую причину? – неожиданно для себя спросила я.

– Причину чего?

– Почему Вы все еще здесь?

В этот момент Корнуэлл вдруг показался мне невероятно беспомощным. Пауза слишком затянулась, и мне показалось, что на этом наш разговор будет окончен.

– Мне больше не хочется возвращаться назад, – наконец сказал он. – Я не был дома так давно, что сомневаюсь, стоит ли мне вообще называть Землю своим домом.

– Если все дело и впрямь из-за нелюбви к развивающимся технологиям, поверьте, здесь их ничуть не меньше.

– Нет. Дело совсем не в этом, – еще одна пауза. – Скоро мне исполнится сто двадцать один год, на Земле столько не живут. Я просто невероятно сильно боюсь возвращения и того, что непременно последует за ним.

Теперь уже я не находила, что и сказать. После его слов все мои мысли спутались.

«Страх? – думала я, – Но как он может чувствовать страх, проведя на м83 так много десятилетий?»

Этот вопрос не выходил у меня из головы, ведь подобной действительно было чем-то невозможным. Благодаря синему воздуху, мы практически не ощущали эмоций, будучи вне Земли, и с каждым годом его влияние только усиливалось.

Корнуэлл определенно застал меня врасплох, а я по-прежнему не находила нужных слов. Он, казалось, понял это, и, не дожидаясь моего ответа, продолжал:

– Все эти годы я невероятно тосковал по дому, и все, чего мне хочется, это вновь оказаться на своей улице, увидеть родные улыбки. Но вряд ли кто-то ждет меня там, ведь теперь я одинок. Наверное, стоило вернуться назад вместе с остальными, но мне предложили продлить контракт, и я ухватился за первую же возможность задержаться. Но кто знал, что мой путь домой окажется столь долгим?

Я увидела, что глаза старика покраснели, словно от ветра. Я постаралась собрать все свое понимание в горстку нужных слов.

– Послушайте, Джуд, Вам нечего бояться. Стоит лишь сделать правильный выбор, и Вы сможете вновь вернуться к вещам, о которых так тоскуете. В любом случае, я постараюсь сделать так, чтоб Вам позволили задержаться здесь ровно только, столько понадобится для подготовки к возвращению.

Корнуэлл молча протянул мне ладонь, и я вдруг почувствовала, какие уставшие и слабые теперь у него были руки. После чего я уже более спокойно добавила:

– Мне совсем не хотелось начинать этот разговор, но дело в том, что власти очень взволнованы. Сенатор Куинн лично просил меня об этом. Вам ведь давно полагается быть на отдыхе.

Мой собеседник понимающе кивнул.

– Спасибо тебе. За все время, проведенное на базе, я трудился под началом тринадцати капитанов. Ты единственная, кто проявил сочувствие. Теперь я вижу, что Луна не влияет на тебя так, как на остальных.

Всю дорогу до м83 я размышляла о его последних словах и не никак не могла решить, стоит ли воспринимать их всерьез. Всем известно, что, проведя некоторое время около Луны, людям приходится дышать синим кислородом, из-за которого они постепенно остывают, ведь м83 – неподходящее для чувств место. Возможно, частично в этом и заключается успешность нашей работы: разум остается чистым, что позволяет всецело сконцентрироваться на общем деле во благо нашей страны.

Корнуэлл же проявил этим утром немалую эмоциональность, которая удивила и одновременно насторожила меня. Тогда я решила, что стоит спросить его об этом до того, как Джуд вернется на Землю.

2 Как мы жили на м83

Если однажды вам захочется повидать Луну такой, какой вижу ее я, непременно воспользуйтесь услугами нашей транспортной компании. Добраться до этого места в одиночку сейчас практически не представляется реальным. Из-за постоянного перемещения звезд, строительство космических трасс и по сей день является невозможным, а, следуя нашими маршрутами, вы окажитесь в нужном месте спустя всего восемьдесят три минуты.

Глядя в иллюминатор пассажирского корабля на протяжении первого часа, можно увидеть лишь бесконечно мелькающие вокруг звезды, но по мере окончания пути открывается невероятно сказочный вид. Таким образом работают наши отражатели: увидеть базу возможно только за несколько минут до снижения. Сначала вы заметите лишь лиловый луч, пересекающий звездное небо, приближаясь к которому различите и саму поверхность, усыпанную уютными коттеджными домиками, что словно явились из далеких 1950-х. Их численность вдвое превышает количество домов в среднестатистическом американском городке. Рядом находится здание туристического космодрома, его площадки и стоянки. Это и есть м83, точнее, часть ее, отведенная для туристов.

Сам лишь вид такого городка, зависшего в космосе, способен вызвать восторг даже у самого прихотливого обитателя Земли, однако, и он не сравнится с тем, что ожидает вас за пределами базы – с Луной.

Все это расположено по левую сторону м83 и заканчивается двумя масштабными мостовыми трассами, ведущими к Луне.

По другую сторону луча находится основная техническая часть м83, открытая лишь для наших сотрудников: блоки (ими являются здания для работников базы, насчитывающие несколько сотен этажей), Институт Исследования и Сканирования Лунной Поверхности, штаб м83, где были размещены площади для солдат, залы переговоров и пр.; транспортные стоянки, и еще один космодром.

Сам штаб представляет собой огромное стальное здание в форме эллипса. Он расположен поперек лучу и тянется через космическое пространство, практически соприкасаясь с поверхностью Луны. Остальное место отведено под два небольших моста. Первый ведет к открытой части Луны, занимающей 17%. Им может воспользоваться любой сотрудник м83. Второй – это дорога к другим 22% поверхности Луны, что уже есть в нашем доступе. Именно здесь докторами ежедневно проводятся исследования с целью внедрения жизни. Доступ ко второму мосту на базе имеют только инженеры, некоторые военные и я.

На м83 предусмотрительно нет пути, ведущего к закрытой части Луны – ее «темной» стороне, на которой проводится постоянное сканирование. Попасть туда можно лишь через надземный стеклянный тоннель, находящийся в исследуемой части.

Все это являет собой поразительный контраст с той половиной м83, что открыта для штатских. Здесь нет ничего хоть отдаленно напоминающего о доме, лишь угрюмые серые здания вокруг. Думаю, будь это Луной, так бы выглядела ее «темная» половина.

*

Обычное утро вторника. Я шагала вдоль шеренги выстроившихся солдат.

– Доброе утро, десант.

Все, как один, отдали часть, и я подумала, что не зря этих ребят готовят в Космической Академии целых пять лет. Рядовой Кэрролл доложил обстановку, и весь строй отправился завтракать. Все шло по плану, как и всегда.

После утренней проверки я прошла в правое крыло здания, где меня уже ждал Сириус.

Сириус Уайт занимал пост моего старшего помощника и заместителя. Он был младше меня года на два и провел здесь последние семь лет.

Мы зашли в одну из комнат отдыха и заняли столик у окна, из которого когда-то открывался вид на коттеджный городок. Сейчас весь обзор закрывали небоскребы, зовущиеся здесь блоками.

– Готова к совету, Отем? – прервал мои мысли Сириус.

Всего на мгновение я задумалась, после чего ответила утвердительно.

– Ты повременила с ответом, все в порядке?

Я кивнула.

– На прошлой неделе сенатор поручил мне одно внеплановое дело, и это навело меня на определенные мысли, – объяснила я, наполняя стакан соком.

– Но ты ведь все уладила?

– Да. С этим практически покончено. Я просто вспомнила, что хотела кое в чем разобраться.

Сириус понимающе кивнул. Я спросила, как обстоят дела со сканированием.

– Без изменений, – ответил спарпом. – Докладывают, что ничего нового не было обнаружено, только камни да дыры, как когда-то и на этой стороне. Через пару лет можно будет смело начинать строительство.

– Что ж, надеюсь, так и будет.

После завтрака я отправилась напрямик на стоянку, у входа к которой меня ожидал корабль с живописным названием «Лунная Волна», восемьдесят седьмого года выпуска.

– Прошлой ночью звезды были особенно непостоянны, – услышала я позади себя голос одного из наших зрителей. – Будьте внимательны, Капитан.

– Спасибо, Билл, – произнесла я, поднимаясь на борт. – Хорошего дня.

Завершив авторизацию и выбрав маршрут, я переключила управление на автопилот и откинулась на мягкую спинку кресла.

На протяжении своего (весьма короткого по местным меркам) пути я лениво наблюдала за проносящимися мимо огнями, думая о том, что вокруг нет никаких примечательных ориентиров и, не имея маршрута, заблудиться в открытом космосе было бы действительно легко.

«Три минуты до снижения» – возвестил меня привычный монотонный голос.

Корабль приближался к немыслимых размеров платформе, на которой величественно возвышались пять стальных зданий, прежде скрываемые отражателями – ЭСКМО.

«Минута до снижения» – и я отключила обратный отсчет.

ЛВ-87 на мгновение завис около центрального здания, где и проводились еженедельные советы, после чего вошел в один из туннелей и вскоре приземлился.

Я отключила систему и сошла с корабля.

Сейчас мне предстояло пройти вдоль всей внутренней стоянки до одного из лифтов. Подле себя я насчитала шесть кораблей, а значит, практически все капитаны уже прибыли. Я взглянула на свой браслет, но время еще было.

Шагая через безлюдную стоянку, я пожалела, что не прихватила плащ, ведь здесь было значительно холодней, чем на м83. Оставалось лишь посильней укутаться в шарф.

Прибыв на ЭСКМО впервые, я ужаснулась бесконечным лифтам и коридорам, и думала, что вряд ли когда-то сумею проделать этот путь самостоятельно. Для этого мне еще приходилось пользоваться своим браслетом.

С того дня прошло чуть более двух лет, и теперь я даже не задумывалась о том, куда сворачивала. Вскоре передо мной уже открывались громоздкие двери, ведущие в Зал Совета. Сенатор Куинн по обыкновению сидел во главе стола, скрестив перед собой руки. Шесть Капитанов тоже были здесь. Не хватало лишь Фостера.

– Капитан Раст, – произнес Сенатор, – Вы как раз вовремя. Мы начинаем через минуту.

Мы обменялись рукопожатиями, после чего я опустилась в кресло около Джеймса Дискейна.

– Кофе? – как всегда предложил тот.

– Можно.

Через несколько секунд Дискейн протянул мне чашку. Я лишь успела поблагодарить его, как дверь открылась, и в зал вошел Фостер. Извинившись, он поспешно занял место напротив.

Как и все советы, на которых мне довелось побывать, этот прошел совершенно спокойно и сенатор остался доволен полученными отчетами.

– Между прочим, – произнес он, просматривая данные о численности туристов за прошлые выходные, – в конце следующей недели на м83 прибудет новый сотрудник. В ходе экспериментальной программы.

– Еще один солдат? – уточнила я.

– Нет, – покачал головой сенатор, – инженер-астроном из Калифорнийского Космического Университета. Возможно, ему удастся разрешить проблему отсутствия лунных дорог. Планирует задержаться у вас на год. Это не вызывает осложнений?

– Никак нет.

– Тогда после собрания получите в свое распоряжение более детальную информацию об этом проекте и личное дело..., – он перевел взгляд на бумаги. – Его имя Старлайт Рок.

Немного погодя Куинн спросил, как обстоит дело с вопросом, о котором мы говорили неделей ранее, и я заверила его, что все улажено.

Дорогой назад я решила просмотреть полученные бумаги. Вновь передав управление автопилоту, я поднесла запястье с браслетом к панели управления и, выведя файлы на экран, принялась копаться в документах. Дойдя до личного дела Рока, мой взгляд непроизвольно задержался на фотографии последнего.

Старлайт Рок значительно отличался от всех тех, с кем мне приходилось работать все эти годы здесь, на м83. Его карие глаза, темные волосы и естественно смуглый тон кожи напоминали мне саму себя каких-то десять лет назад. Его внешность определенно была очаровывающей, в ней угадывалось что-то далекое и забытое, напоминающее о доме.

Откинув упавшую на глаза прядь волос, я перевернула страницу, когда электронный голос возвестил меня о предстоящем снижении.

*

Вечером следующего дня я стояла у окна своей комнаты, наблюдая за мирно дремлющей Землей, когда раздался звонок и один из солдат оповестил, что меня ожидают в комнате для отдыха под номером восемь.

«Той, что расположена в правом крыле здания» – уточнил он.

Войдя, я увидела силуэт старика, так же как и я за минуту до этого, смотрящего на Землю сквозь иллюминатор.

– Мистер Корнуэлл, – произнесла я, закрывая за собой дверь, – хотите что-нибудь выпить?

За эти несколько дней в нем, словно, произошла какая-то неуловимая перемена.

– Я лишь зашел сказать, что спустя две недели возвращаюсь домой. Как только юные помощники доктора Хартрайта закончат проект, за которым я сейчас слежу.

И тут я поняла, что навело меня на подобные мысли: взгляд его ясно голубых глаз уже не казался таким затуманенным и рассеянным как прежде. Мне вдруг стало интересно, каким цветом глаз Корнуэлл обладал на Земле. Возможно, серым...

Но я лишь сказала ему, что непременно доложу сенатору.

– Что ж, уже поздно. Не буду задерживать, Капитан, даже в молодые годы отдых не помешает, – с этими словами Корнуэлл направился к выходу.

– Постойте, – остановила его я. – Присядьте еще на минуту, мистер Корнуэлл.

– Всего лишь Джуд, Капитан, – улыбнулся он.

– Джуд, я хочу задать Вам еще один вопрос, прежде чем Вы покинете мою базу.

Инженер с интересом посмотрел на меня.

– Вам лучше меня известно, как жизнь у нас сказывается на людях, – начала я. – Дело в том, что я не могла не заметить неких метаморфоз, что произошли в Вашем поведении за последнее время. Не подумайте, что я упрекаю, но ведь для меня это просто не представляется возможным.

Какое-то время он смотрел на меня, не отводя взгляда, после чего произнес:

– Я очарован.

– Простите?

– Я очарован, Капитан, тем, что ты, наконец, заметила это, – видимо, я взглянула на Корнуэлла с недоверием, потому что он поспешил добавить: – Нет-нет, не стоит так удивляться. Я жил в страхе задолго до твоего рождения и мне практически не приходилось этого скрывать. У местных жителей невероятно низкий эмоциональный диапазон: они слышат текст, но не замечают интонации.

– Все это мне ясно, но я все еще не могу понять одного: почему это так и не коснулось Вас?

Глаза Корнуэлла сверкнули синим пламенем, и я вновь подумала, что никогда прежде не видела его таким.

– Я отвечу на твой вопрос, если ты ответишь на мой, – весело сказал он.

Я вскинула брови.

– Ладно, почему бы и нет. Что Вы хотите узнать?

– Для чего ты здесь? – тихо спросил Корнуэлл.

Меня удивил такой легкий вопрос, но ответ на него был еще более прост.

– Для того же, что и все остальные, конечно. Мой долг – помочь своей стране.

Корнуэлл явно выглядел разочарованным.

– Возможно, – говорил он, – ты еще не осознаешь настоящих причин, но пообещай, что дашь мне знать, когда поймешь.

И я пообещала, хоть и понимала, что едва ли мы снова встретимся после его возвращения на Землю.

*

Мой спутник поднес запястье к замку и мгновением позже мы вошли в небольшое помещение, расположившееся на двенадцатом этаже хмурого институтского небоскреба, именуемого пятым сектором.

Раньше я частенько бывала здесь. Размышляла о жизни и слушала игру Корнуэлла на рояле, что всегда стоял в дальней спальне.

Я откинула капюшон и осмотрелась – внутри было гораздо уютней. Здесь все выглядело так, словно я перенеслась на пару столетий назад. Мое внимание сразу же привлекло плетеное кресло, стоящее в дальнем углу комнаты, в последний раз я видела подобное лишь в детстве, в небольшой антикварной лавке на другой стороне моей родной улицы. Я медленно провела рукой вдоль соломенных перил, казалось, они могут развалиться лишь от одного моего прикосновения.

– Пойдем, я покажу тебе, – говорил Корнуэлл.

Взглянув на него, я увидела, что тот стоит около резной арки, вероятно, ведущей еще в одну комнату.

Я сделала несколько шагов в его сторону, и моему взгляду открылась небольшая ниша, что-то вроде подсобки, в центре которой стоял стеллаж, уставленный...

– Книги, – тихо произнесла я.

– Привез их из дома много лет назад, – объяснил Корнуэлл. – Тогда они еще не были такой редкостью. Укладывал в рюкзаки с одеждой, чтоб не растерять.

Я все еще не могла поверить своим глазам. Должно быть, на всей Земле сохранилось не больше книг, чем сейчас было передо мной.

Старик снял небольшое издание с полки и ласково провел по нему рукой.

– Сколько бы лет тебе не исполнилось, нет ничего лучше хорошей книги в руках.

– В этом и заключается ответ, – догадалась я, – Вы перечитываете их постоянно.

Джуд лишь улыбнулся и протянул мне небольшую потрепанную книгу. Мгновение поколебавшись, я взяла ее.

«Как же это непривычно – держать в руках текст», – пронеслось в голове.

– Сердца в Атлантиде, – гласило название.

– Прочти ее, – попросил Корнуэлл.

– Хорошо. Мне ведь когда-то тоже нравилось читать. Правда, я прежде никогда не держала в руках настоящую книгу.

Я вновь взглянула на Корнуэлла, казалось, он хотел добавить еще что-то, но никак не мог решиться.

– Послушай, – наконец начал он, – я не могу забрать все эти книги с собой, да и не вижу смысла.

– Хотите, чтобы я за ними присмотрела?

– Просто хочу оставить все это тебе.

– Что ж, обещаю найти для этого время, – сказала я, продолжая разглядывать книгу.

Широкая улыбка осветила лицо старика, на минуту лишив меня дара речи, ведь только сейчас я поняла, что, должно быть, не видела подобного все эти десять лет.

– О, я совершенно не волнуюсь на этот счет, – все еще улыбаясь, сказал Корнуэлл. – Стоит тебе открыть лишь одну, и ты не заметишь, как прочтешь остальные.

3 Старлайт Рок

Меня разбудил гул восторженных голосов, и я не сразу вспомнил, где нахожусь.

Открыв глаза, я взглянул в иллюминатор и увидел, что мы приближаемся к волшебному городку, зависшему на основании луча. Это место словно только-только перенеслось сюда со старых кинолент.

«Настоящий рай для поклонников эпохи Элвиса», - подумал я, и улыбнулся.

Сойдя с корабля, я сразу же заметил машущего мне солдата. Человека такой необычной внешности я видел впервые: черты его лица выдавали явное афроамериканское происхождение, однако кожа так и светилась бледно оливковым цветом.

Мужчина подошел ко мне.

– Приветствую на м83, профессор Рок, – кивнул он, протягивая руку. – Старший помощник капитана, Сириус Уайт.

Мы обменялись рукопожатиям, и Сириус повел меня за собой через немыслимых масштабов холл космодрома. Мимо пронеслась толпа смеющихся ребяташек, и я в очередной раз восхитился чудесами этого места.

Ступая вслед за Сириусом я то и дело задерживал взгляд на людях, работающих здесь. Мужчины и женщины с чуть ли не прозрачной кожей и невообразимого цвета глазами поразительно выделялись среди туристов и казались мне какими-то нереальными сказочными персонажами. Сложно было поверить, что когда-то все они прибыли с той же планеты, что и я сам.

– Мы с Капитаном решили, что для начала Вам удобней будет осмотреться на технической части луча, – сказал Сириус, когда мы уже практически пересекли холл космодрома. – После, если пожелаете, Капитан Раст лично покажет здесь все и расскажет об интересующих аспектах. Вы согласны, Профессор?

– Конечно. Признаться, я уже восхищен этим местом.

Лицо старпома обрело странное выражение, которое едва ли можно было принять за улыбку, но, кажется, он был вполне доволен моими словами.

Наконец, миновав пункт выдачи багажа, мы оказались около высоких стеклянных дверей, за которыми виднелось бесконечное количество лунного транспорта.

– Эти двери ведут к стоянке для гостей, – объяснил Уайт. – При выходе из здания туристам обычно предлагают занять один из кораблей, который, миновав мосты, вскоре доставит их на Луну.

Я попытался разглядеть за стеклом хоть что-то, напоминающее Луну, но из-за невероятно огромного количества людей это оказалось невозможным.

– Дабы попасть в коттеджный городок нужно воспользоваться вторым выходом, – Уайт указал на такие же двери, находящиеся в противоположной стороне здания. – За ним гости проходят регистрацию, после чего располагаются в одном из коттеджей. Видите эту железную дверь? Это вход для работников базы. Нам как раз туда.

Сириус подошел к сплошной железной двери, по левую сторону которой светился синий огонек. Я последовал за ним. Только старпом поднес руку к огоньку на двери, как та сразу же открылась.

– Доступ для всех сотрудников первого уровня, – сказал Уайт, пропуская меня вперед.

Я оказался в продолговатом хорошо освещенном помещении. По обе его стороны находилось несколько десятков стальных дверей, которые, как я понял мгновением позже, были лифтами. Подойдя к одному из них, мой спутник сделал то же движение рукой, что и прежде, и двери моментально разошлись.

На стене внутри была лишь небольшая голографическая панель. Уайт выбрал на ней нужную отметку, после чего дверь позади бесшумно закрылась, и лифт с невероятной скоростью унес нас вверх.

*

Пространство вокруг заполнялось миллиардами световых микрочастиц, от которых тускнело в глазах. Хотя мы и находились на улице, это место скорее напоминало сплошной космический военный корабль. Здесь не было никаких растений или даже рекламных щитов – одно лишь железо. Несмотря на масштабность базы, я чувствовал себя загнанным в угол, словно что-то мешало мне свободно вдохнуть.

Уайт обучил меня управляться с местным транспортом – небольшим бронзовым луноходом, слегка напоминающим водный скутер. Но стоило мне лишь сесть за него, и я тут же почувствовал себя лучше. Мой «скутер» несея вперед, с невероятной легкостью рассекая воздух словно волны. Мимо проплывали светящиеся строения небывалых размеров и форм. Где-то вдалеке, по левую сторону от меня, пробивались чарующие огни Луны.

Сбавив скорость, Сириус снизился, и я последовал его примеру. Мы остановились, и он указал на крайнее здание, являющее собой круглый купол из синего стекла.

– Институт Исследований Лунной Поверхности, – говорил старпом. – Внутри разделен на два яруса. В основном, здесь проводятся работы по части зарождения жизни на Луне. Все поля, леса, сады и озера, которые Вам там встретятся – это полностью заслуга наших инженеров. Еще один институт находится на дальней стороне Луны, но обо всем этом лучше говорить с капитаном.

– Ясно. А где находятся те, кто работает с маршрутами и космическими трассами? – спросил я, продолжая оглядывать стеклянный купол.

– В основном, на Земле, ведь маршруты давно проложены, а трассы и вовсе отсутствуют. Конечно, в штабе есть несколько человек, следящих за этим.

Я понимающе кивнул.

– Честно говоря, мы очень надеемся на Вас, Профессор. Лично мне в подобное верится с трудом, но если все пойдет по плану, это значительно облегчит работу, не говоря уже об экономической стороне проблемы.

– Я следил за звездами на протяжении тринадцати лет, и думаю, что у этого проекта действительно есть шанс, так что следующие двенадцать месяцев я намерен продолжить исследования, находясь здесь, – я старался говорить как можно убедительнее. – Конечно, существует еще множество факторов, которые стоит прояснить, но, пожалуй, мне удастся учесть их все за это время.

– Очень хорошо, – ответил Старпом, возвращаясь к своему луноходу. – А теперь пора в путь. Капитан Раст уже, должно быть, ожидает нас.

*

Благодаря своему размеру, здание штаба м83 заметно выделялось среди других строений, встретившихся мне на базе. Я оглядывал холодные стены корпуса, ожидая пока доложат о нашем прибытии. Как и снаружи, внутри царил идеальный порядок, здесь все было пропитано атмосферой общего дела.

Спустя несколько минут мое наблюдение прервал вошедший в зал солдат. Он был молод, как и многие здесь, а его внешность говорила о том, что на м83 он пробыл от силы пару лет. Каштановые волосы только начинали светлеть, приобретая кремовый оттенок. И хотя его глаза все еще оставались карими, радужка уже выглядела светлей обычного, тогда как кожа юноши не представляла собой ничего сверхъестественного.

– Капитан ждет Вас, – сообщил солдат. – Следуйте за мной.

Он вел меня лабиринтами бесконечно долгих и унылых коридоров, каждый из которых ничем не отличался от предыдущего, пока, наконец, мы не остановились у одного из лифтов.

– Здесь я должен Вас покинуть, Профессор, выше – вход лишь для сотрудников второго доступа. Лифт доставит Вас на последний этаж здания. При выходе сразу же увидите высокие стеклянные двери с гравюрой падающей звезды – кабинет Капитана.

– Благодарю, – сказал я, и, отдав честь, солдат удалился.

Уже поднимаясь, я пожалел, что прежде ничего не разузнал о капитане Раст. Понять людей с м83 представлялось мне нелегкой задачей, и хоть немного информации о моем новом начальстве сейчас совсем бы не помешало, а я ведь даже не знал имени этого человека. В конце концов, я успокоил себя мыслью о том, что с капитаном меня связывает лишь работа, (а свое дело я отлично знаю) – так я думал. И ошибался.

Верхний этаж выглядел более дружелюбно и напоминал офисы it- компаний, в которых мне приходилось бывать прежде. Я сразу же увидел дверь, о которой говорил солдат.

Не встретив никого из сотрудников, я постучал. Ответа не последовало. Тогда я отворил дверь и шагнул в кабинет.

Свет горел лишь у входа. Было непривычно приятно находиться здесь после чересчур освещенных коридоров.

Мгновением позже мне навстречу из полумрака вышла невысокая девушка лет двадцати, облаченная во все черное. Появление этого волшебного существа начисто лишило меня дара речи; еще несколько секунд я не мог отвести восхищенный взгляд от фарфоровой кожи и невероятной длины синих волос. Ее большие глаза цвета океана завораживали, напоминая мне саму Луну, какой я увидел ее впервые на старых снимках.

– С прибытием на м83, профессор Рок, – произнесла девушка; ее голос был низким, а слова, как и у всех здесь, звучали мягко и монотонно. – Меня зовут капитан Отем Раст.

Она протянула мне руку, и я ответил тем же, удивляясь, какими холодными были ее пальцы.

Глядя на нее, я пытался определиться настоящий возраст капитана, гадая, сколько времени она провела здесь.

– Все в порядке? – услышал я, и вдруг понял, что за все время не произнес еще ни слова.

– Простите, Капитан, я немного удивлен, ведь Вы так молоды, а я ожидал увидеть сидящего старика, – сказал я, и сразу же пожалел об этом, но девушка, казалось, ничуть не смутилась.

– Время здесь течет иначе, – ответила она.

Я перевел взгляд и принялся осматривать ту часть кабинета, что не была скрыта темнотой. Капитан зажгла небольшой торшер и предложила мне присесть.

– Старший помощник сказал мне, что Вы уже немного осмотрелись у нас..., – начала она.

– Да, он показал мне большую часть базы.

– Не думаю, что увиденное привлекло Вас, но, боюсь, что без Вашей помощи нам не обойтись, так что я хочу показать обратную сторону медали.

– Я с удовольствием увижу ее, Капитан.

– Между прочим...

Отем отворила ящик стола, и протянула мне небольшой бархатный футляр. Открыв его, я обнаружил внутри лишь тонкий ободок из черного металла, идентичный тому, что я видел на руке старпома.

– Ваш браслет второго доступа. Наденьте на левое запястье и не снимайте до конца своего пребывания на м83.

Надев браслет, я заметил, что на нем зажегся синий огонек, такой же, как на всех дверях здесь.

– Отлично, – кивнула Отем, вставая. – А теперь пойдете.

Я последовал за ней по просторному кабинету, и, миновав несколько арок, мы вышли на открытую подвесную террасу, которую освещало множество крошечных фонарей, зависших в воздухе. От увиденного у меня перехватило дыхание, и на мгновение я осознал, насколько прекрасна может быть Вселенная. Прямо под нами раскинулся крохотный городок. Укрытый вечерними огнями, он тянулся через все пространство впереди нас, исчезая где-то в далеком сумраке. По правую сторону возвышались величественные и при этом утонченные мосты, по которым молниеносно проносились бесчисленные огоньки, вероятно, космический транспорт.

Вокруг все купалось в лиловых отблесках луча, а окончательное волшебство этой картине предавали синие огни луны, расположенной в невероятной близости от нас.

Здесь все выглядело нереальным и неописуемо прекрасным. Мне вдруг захотелось провести вечность на этой самой террасе, не сводя глаз с открывающегося вида.

– Мы стоим в самой высокой точке м83, – слова доносились словно сквозь сон. – Что скажете, Профессор?

– Это волшебно, – тихо ответил я и, переведя взгляд на Отем, заметил тень улыбки на ее лице.

– Признаюсь, еще вчера я не был полностью уверен в правильность своего решения, однако то, что я сейчас вижу, говорит мне обратное.

– Что ж, я верю, что Вы не ошибаетесь, – произнесла Отем.

– Без сомнений, Капитан.

В ее глазах так явственно отражался лунный свет, словно она сама была неотъемлемой частью этого места, и я подумал о том, чего лишены живущие здесь люди, ведь вряд ли со временем они не переставали осознавать, среди какой красоты находятся.

И в этот же миг я понял, что проложу трассы, чего бы мне это не стоило. Каждый должен увидеть этот сказочный мир.

– В таком случае, этим вечером можете спокойно отдыхать, а завтра Вам предстоит нелегкая работа.

– Трудности всегда неизбежны в самом начале, – улыбнулся я. – Я ждал этого.

– Очень хорошо.

Я вновь обвел взглядом открывающийся с террасы вид. Отем спросила, где бы я предпочел разместиться: в штабе, или в одном из секторов. Я ответил, что штаб меня вполне устроит, надеясь, что смогу наблюдать этот чарующий пейзаж со своей комнаты.

– Тогда я дам распоряжение подготовить для вас одну из комнат здесь, наверху, – произнесла она, возвращаясь в кабинет.

– Благодарю.

– Оставайтесь пока на террасе, если хотите, за Вами поднимутся.

– Доброй ночи, Капитан.

– Доброй, Профессор, – и она вновь растворилась во мраке кабинета.

4 Институт Исследований Лунной Поверхности и дальше

Пробыв здесь около недели, я все так же не мог оторвать восхищенный взгляд от прекрасных видов м83. Отведенная мне комната находилась всего несколькими этажами ниже подвесной террасы и была расположена точно под ней, так что я часами мог стоять у окна, не сводя глаз с коттеджного городка и того, что дальше.

Следующим утром после моего прибытия я проснулся неестественно рано, и обнаружил, что проспал всего три часа. Странно, но желания продолжать сон я совсем не чувствовал, (наверное, так сказывалась смена климата – здесь было гораздо холодней) потому я сразу же поднялся и решил немного прогуляться по м83. До встречи с докторами из ИИЛП оставалось еще более четырех часов.

Позавтракав, я спускался вниз, ощущая небывалый прилив сил, казалось, мне предстояло что-то новое, неведомое прежде, и сейчас я наконец оказался там, где мне действительно следовало быть.

В холле я столкнулся со Старпомом. Он, должно быть, был немного взволнован чем-то, но тогда я не придавал этому особого значения ввиду своего расположения духа, да и сложно было правильно понять эмоции этих лунных людей.

– Вы сегодня рано, Профессор, – протянул руку Уайт, и мы обменялись рукопожатиями.

– Решил немного осмотреться, пока еще есть время.

Он резко кивнул, и зашагал дальше. Уже выходя из здания, до меня донеслись обрывки фраз из разговора Старпома с одним из солдат: «Нет нужны тревожить капитана в такую рань...пока мы не найдем...оставим это на время...»

Не без труда мне удалось отыскать нужную стоянку, пришлось практически обойти весь штаб, и только сев за свой новенький луноход, я вспомнил, что мог бы воспользоваться браслетом.

Стараясь подняться как можно выше, я поймал на себе удивленный взгляд смотрящего, и, весело кивнув ему, помчался вперед. Внизу бродили группы военных, некоторые из них встречались мне и около стоянок. Пролетая над зданием штаба, я взглянул на террасу, надеясь увидеть там капитана, но никого не обнаружил.

И вот я вновь остановился около здания института, удивляясь его масштабам и форме. Тогда еще с трудом верилось в то, что мне действительно предстояло здесь работать.

Обогнув ИИЛУ, я немного снизился, и оказался на дороге, по обе стороны которой располагались восемь небоскребов. Это были те самые сектора, в которых проживали мои будущие коллеги. Здесь, казалось, все еще было во сне, и я без особого интереса миновал

здания, когда вдруг заметил движение справа от себя. Я повернул голову, и увидел старика в одном из окон. Он приветливо махал мне рукой, улыбаясь словно ребенок. Я помахал в ответ, удивленный таким приятным проявлением эмоций.

Пролетев мимо небоскребов, я заметил небольшое стальное здание внизу, то самое, что вело к лифтам космодрома. Я оставил свой луноход около него и спустился вниз. В глаза тут же ударил искусственный свет коридоров, и я решил оставить попытки найти выход самостоятельно и воспользоваться браслетом.

Вокруг по-прежнему было пусто. Синие стрелки быстро привели меня к лифтам, и вскоре я с облегчением вздохнул, оказавшись посреди космодрома. Я вспомнил слова старпома о том, которые двери ведут к городку, и поспешил к ним. Меня все так же окружали группы туристов. Правда, сегодня их было гораздо меньше, чем прошлым вечером.

Работники космодрома показывали туристам дорогу. На фоне новоприбывших их кожа казалась особенно бледной. Посередине зала высился постамент падающей звезды лилового цвета. Такую же я видел на входе в кабинет капитана и еще нескольких дверях базы.

Я остановился около постамента и понял, что потерял из виду стеклянную дверь.

– Доброе утро, сер, меня зовут Элис. Я могу Вам помочь? – услышал я монотонный голо позади себя, а обернувшись, увидел девушку в синей форме с эмблемой падающей звезды. Должно быть одну из работниц космодрома.

– Да, я немного задумался, и потерял из виду двери, ведущие в коттеджный городок.

– Следуйте за мной. У стойки Вам нужно будет пройти регистрацию, это не займет много времени, после чего сможете выбрать себе коттедж с понравившимся видом...

Я улыбнулся.

– Вы меня не так поняли, я один из сотрудников м83.

Девушка взглянула на меня с недоверием, и я поспешно протянул ей левую руку. Увидев браслет, она сказала, что в нем можно задать любой маршрут, и я виновато улыбнулся.

Элис отвела меня в сторону от шумевшей группы туристов так, чтоб была видна противоположная часть зала. Я тут же заметил стеклянную арку и дверь, о которой говорил Уайт.

– Там находится стойка регистрации, – сказала Элис, – но Вам нужно пройти к другим дверям, – она указала на сплошную стальную дверь в углу, такую же как та, через которую я вошел.

Я поблагодарил девушку за помощь, и она поспешила к группе туристов, растерянно изучающих карту.

Как и снаружи, внутри это место было зеркальным отражением помещения, ведущего к космодрому.

Путь от космодрома представлялся мне более длинным, нежели оказался на самом деле, и какой же восторг я испытал, оказавшись на одной из улочек городка. За пару минут мне удалось добраться до перекрестка, возвышающегося на небольшом холме, с которого открывался вид на многочисленные дома, украшенные лужайками и небольшими садами. Стрелки на шпиле

указывали на распределение коттеджей. Вниз от него вели с десятков аллей, исчезающих в сказочных двориках. Вокруг все было пропитано атмосферой осени.

После шумного зала космодрома, здесь было непривычно тихо – должно быть, заселение еще не началось.

Быстрым шагом я спустился с холма. Под ногами шуршали лишь начинающие опадать листья; погода в городке полностью отображала происходящее на улочках нашей страны, и сейчас здесь стояла ранняя осень.

Дорога передо мной казалась бесконечной, но до начала рабочего дня по-прежнему оставалось немало времени, так что я неспешно бродил по городку, переходя из одного переулочка в другой. Благодаря покою и тишине, царившим здесь, я ощущал себя персонажем одного из старых фильмов вроде «Эдварда-руки-ножницы». На эти мысли меня натолкнули и аккуратно расположенные цветные домики, украшенные садами в викторианском стиле. Таких уже много лет не встретить на Земле. Мне подумалось, что создать такой уголок из прошлого стоило немалых усилий, и, гуляя здесь, я понимал гениальность этой идеи: после модернизации Земли за последние десятилетия, все вокруг выглядело более земным и настоящим, нежели дома.

Спустя какое-то время я вышел на главную улицу. Она пересекала дорогу, по которой я шел прежде, и тянулась через весь городок. По обе стороны улицы располагались уютные ресторанчики, а в самом центре был небольшой кинотеатр, из тех, что по вечерам крутили фильмы для влюбленных парочек, в обнимку поедающих поп-корн на передних сидениях машин.

Ресторанчики были еще закрыты, но я не удивился бы, обнаружив в одном из них музыкальный автомат.

Возвращаясь к слепящим лучам космодрома, я подумал, что непременно должен вернуться сюда в оживленное время.

Окончив прогулку, я выпил кофе в одном из ресторанчиков космодрома и отправился напрямик в Институт, но до этого успел поинтересоваться у официантки, когда же открывается коттеджный городок.

– Раньше гости посещали м83 каждые выходные, но теперь с каждым разом появляется все большее количество желающих увидеть Луну, так что экскурсии проходят практически каждый день, кроме понедельника, а магазины, кинотеатр и прочие заведения открываются уже после десяти утра, – ответила она.

– А понедельник здесь санитарный день?

– Вроде того.

*

У входа в Институт меня встретил худощавый юноша, представившийся ассистентом доктора Хартрайта – Джейми ван Дин. Он провел меня в здание и дальше по лестницам – в кабинет доктора.

Внутри ИИЛП представлял собой огромное помещение округлой формы, снабженное сотней лифтов и эскалаторов. Лестницы пересекали пространство повсюду и тянулись в самых

невоображаемых направлениях. Мы поднялись по одной из них на третий ярус, затем пересекли его по диагонали. На минуту Джейми заглянул в одну из приемных, дабы взять какие-то файлы для доктора Хартрайта, после чего мы вошли в стеклянный, как и все вокруг, лифт. Поднимаясь в кабинет, я наблюдал за происходящем внизу, удивляясь количеству людей в белых халатах: на каждый этаж приходилось около сотни специалистов, я и подумать не мог, что здесь задействовано столько сотрудников. Я также успел отметить, что вне зависимости от возраста, люди здесь не выглядели столь нереальными, как военные в штабе или работники космодрома. Практически все обладали бледной кожей и светлыми волосами, однако я нигде не заметил синих оттенков.

Как я узнал позже, дело было в том, что, в отличие от остального пространства базы, здание института было наполнено серебряным воздухом – последней разработкой компании, над которой пока продолжали работать. Это вещество никак не влияло на человеческие эмоции, но все еще продолжало видоизменять внешность, тогда как основной задачей этого изобретения было создание искусственного аналога кислорода.

– Вот мы и на месте, – прервал мои мысли Джейми, и мгновение спустя двери лифта отворились. Я мельком взглянул в глаза своему проводнику, они также не были синими, но при дневном свете зрачки казались невероятно светлыми.

Миновав еще несколько дверей, мы, наконец, вошли кабинет доктора Хартрайта, где все было сделано из синего стекла (включая стены). В центре комнаты располагался сенсорный стол, за которым, что-то оживленно обсуждая, сидели трое мужчин.

– А вот и Профессор Рок, – завидев меня, произнес один из них и поспешил на встречу, – Я доктор Хартрайт, рад знакомству, – мы пожали друг другу руки.

Хартрайт сразу же показался мне вполне добродушным человеком. Доктору можно было дать лет 27, однако фигурная борода немного прибавляла ему в возрасте.

– Признаться, я тоже.

Он указал на место напротив своего.

– Прошу, присаживайтесь.

Я кивнул, и опустился в мягкое белое кресло, а Хартрайт тем временем продолжал:

– Я работаю непосредственно я лунной поверхностью, а также заведую этим местом, – он указал на сидящего справа мужчину с высоким лбом и крепкого телосложения лет сорока на вид, – доктор де ла Круа, главный разработчик последних маршрутов, которые пока еще не вступили в силу, – он указал за мое запястье, – браслет, который Вы носите также его рук дело.

Мы обменялись рукопожатиями.

– А это доктор Штернбрер, специалист по внедрению в космическое пространство, – еще одно рукопожатие.

Штернбрер был высоким мужчиной лет тридцати типичной арийской внешности. Он обладал серыми глазами, молочно-белыми волосами чуть ниже плеч и, кажется, был единственным человеком на м83, носившим очки.

– Вы еще не имели возможности ознакомиться с чертежами наших маршрутов, Профессор? – спросил Хартрайт.

– Лишь частично. Мне высылали кое-что в лабораторию, но предупреждали, что это лишь отрывки...

– Конфиденциальность превыше всего, – протянул Штернбрер, – как всегда.

– Понимаю, – продолжал Хартрайт, – тогда сейчас самое время заняться этим. Артур ознакомит Вас с полным планом чертежей, но для начала мне хотелось бы еще раз услышать Вашу теорию. Я читал многие из Ваших работ, некоторые даже по несколько раз, но все же так и не нашел намеков на то, чем именно Вы планируете тут заниматься.

Я улыбнулся.

– Дело в том, что и мне приходится утаивать основную информацию от общественного доступа. Как Вы могли заметить, большинство моих работ поверхностны и направлены, скорей, на экскурс по астрономии. У меня не было возможности опубликовать свою теорию, сами понимаете, на Земле ею бы тут же воспользовались, так что основную идею я раскрыл лишь на собеседовании с сенатором.

– Вы говорили, что намерены фиксировать перемещение звезд, но ведь с этим невозможно управиться за год...

– Да и с нашей стороны неоднозначно предпринимались попытки, и с каждым разом звезды были все более непостоянными, – печально добавил де ла Круа.

Я вновь улыбнулся: сейчас им предстояло услышать ту самую мелочь, которую уже многие годы подряд упускали из виду все доктора, инженеры и даже астрологи. На самом деле, это был первый раз, когда я собирался изложить своим коллегам все до последней мелочи. Естественно, я испытывал волнение и пытался скрыть его за улыбкой.

– Я расскажу все по порядку.

– Только прошу, не упускайте ни единой детали, – улыбнулся Хартрайт.

Трое докторов заинтересованно смотрели на меня, ожидая рассказа, и, поудобней расположившись в кресле, я начал.

– Впервые я заинтересовался звездами еще в глубоком детстве. Отец подарил мне невероятно старую диск-карту звездного неба. До этого она принадлежала его деду. Отец говорил, что родом она то ли из Сингапура, то ли около него, а возраст карты насчитывал более восьми ста лет. Сделана она была из бамбуковой бумаги и представляла собой череду вращающихся дисков.

– Мне попадались такие карты, – задумчиво произнес Штернбрер, – не оригиналы, конечно.

– Хорошо, – ответил я, – значит, Вы имеете представление об этой вещи.

Доктор кивнул, и я продолжил:

– Карта практически выцвела. Она являла собой, скорей, историческую ценность: с такими уже много лет не работал ни один астролог или астроном. Сложно объяснить почему, но меня эта вещь словно очаровала. С того самого времени я стал интересоваться звездами.

Около двадцати лет я фиксировал перемещение звезд (семь из которых я делал это лишь на любительском уровне), и, как вы все знаете, с каждым годом становилось все трудней проследить какие-то циклы. Занятие это я начал еще будучи подростком. Со временем увлечение астрономией переросло в нечто большее и в итоге, когда, получив степень Профессора, я хотел продолжить работу, оказалось, что по статистике последних лет звезды были размещены столь хаотично, что это не поддавалось ни одной из моих, да и вообще каких-либо, трактовок. Проведя еще несколько месяцев в поисках ответа, я решил оставить эту идею. Так я переключился на свое второе дело – занялся инженерией. Я перебрался в Калифорнию и начал преподавать инженерное дело в Университете имени Юджина Сернана, а позже – и астрологию.

Прошло еще два с половиной года, а я все так же машинально фиксировал перемещение звезд, но уже не строил на этот счет никаких догадок, пока однажды, избавляясь от ненужного хлама, я не наткнулся на ту самую старую карту звездного неба.

– Ну, рад это слышать, – с облегчением вздохнул Хартрайт, – Я-то уж было подумал, что Вы нам так много о ней из сентиментальных побуждений рассказывали.

Я с трудом подавил смех, увидев искреннее удивление на лице де ла Круа, кажется, он не особо дружил с юмором.

– В общем, я отложил диск-карту на стол и продолжил наводить порядок. Вслед на ней я бросил на стол стопку собственных чертежей десятилетней давности, а когда с уборкой было покончено, я решил немного отдохнуть.

Теперь на столе передо мной лежала сингапурская карта с множеством вращающихся дисков, на каждом из которых было схематически изображено звездное небо. А рядом в куче лежали мои школьные чертежи. Сам не зная зачем, я разложил их в правильной последовательности, и, помню как сейчас, чуть не пролил на себя кофе от удивления: полное изображение моих схем абсолютно соответствовало небольшому отрезку старой карты.

Я вернулся обратно в университет уже с диск-картой, и тут же разыскал остальные свои чертежи. Как и предполагалось, все отметки совпали.

Я переводил взгляд на одного из своих собеседников на другого, все трое молчали, обдумывали мои слова.

– Моим глубочайшим заблуждением было предполагать, что с каждым годом звезды меняли свое расположение, ведь оказалось, что они все время движутся по кругу в одну и ту же сторону.

Первым заговорил Штернбрер.

– Все оказалось так просто и вместе с тем столь маловероятно, – тень улыбки промелькнула на его лице. – У Вас есть с собой эта карта? Мне бы хотелось сверить с ней и свои наблюдения.

– Да, я привез с собой оригинал, он был превосходно отреставрирован, но я подумал, что удобней будет ознакомить вас с цифровой версией.

Штернбрeнер удовлетворенно кивнул, и я принялся рыться в память своего браслета в поисках нужных файлов.

– Но, если звезды действительно движутся по кругу, мне все же не ясно, почему этого не заметили раньше, – сказал де ла Круа.

– Для этого потребовалась бы диск-карта, а если верить ей, звездам нужно ровно две тысячи лет и тринадцать дней дабы завершить свой цикл. А без карты это было бы очень сложно проверить... Боюсь, прежде никто просто не следил за небом та долго.

– Да и кому бы подобное пришло в голову! – добавил Харттрайт.

Загрузка была практически завершена, и мы все устремили свои взгляды на экран стола. Спустя мгновение на нем появилась карта.

– Интересно, – произнес Штернбрeнер, внимательно осматривая каждый отрезок поверхности. – Я и впрямь склонен поверить Вашей теории, Профессор.

Я не смог скрыть улыбку.

– Рад это слышать. Между прочим, здесь у меня также есть и все мои чертежи за последние двадцать лет, – я поднес руку к экрану и, убедившись, что мои коллеги закончили изучение карты, развернул следующую, – конечно, к самым старым нельзя отнестись с полной серьезностью, но и невооруженным глазом можно увидеть, что даже с ними все совпадает.

– Поразительно! – воскликнул Харттрайт, – Все сходится...

– Доктор Харттрайт, – в дверном проеме возник Джимми, – Вас уже ожидает мистер Корнуэлл. Он в приемной номер три.

– Спасибо, Джимми. Предложи мистеру Корнуэллу кофе, я сейчас подойду.

Ассистент кивнул и исчез в дверном проеме. Харттрайт поднялся.

– Ваша теория настолько увлекла меня, что я совсем забыл о прочих делах, – он широко улыбнулся, и, пожелав нам хорошего дня, поспешно удалился.

Де ла Круа тоже поднялся и повернулся ко мне.

– Я покажу Ваш кабинет. Там Вас уже ожидают последние планы маршрутов.

– Вы не возражаете, если я еще немного посижу над этими файлами, Профессор? – спросил Штернбрeнер, когда, вслед за де ла Круа, я уже направлялся к двери.

– Это копии. Оставляю их в Вашем полном распоряжении, – ответил я, и вышел из кабинета.

*

Очередное утро понедельника. Я поднялась немного позже обычного и, опустошив привычную чашку холодного кофе, села на кровати, скрестив под собой ноги. Рядом виднелась стопка оставленных Корнуэллом книг. Я разложила их перед собой и еще несколько минут рассматривала выцветшие политурки. Не зная, с чего начать, я подолгу оглядывала том за томом, вчитываясь в названия, пока, наконец, не остановила свой выбор на сборнике классического готического романа. На обложке книги была изображена крохотная фигура на фоне мрачного особняка, тени которого окутывали все вокруг, делая силуэт еще более

темным и неприметным. Тогда в голове впервые проскользнули странные мысли то ли о темной стороне Луны, то ли о самой базе, но я тут же отогнала их и развернула книгу.

«Граф Дракула, вампир» — гласило название первого романа, и, упав обратно на подушку, я углубилась в чтение.

Потеряв счет времени, я перелистывала страницу за страницей. Мне казалось непривычным, но при этом странно знакомым держать в руках книгу. Листая ее, я словно возвращалась к чему-то старому, о чем я каким-то невероятным образом забыла, а теперь вновь вспоминала. Я читала о дальних странах, темных дорогах и парках, залитых солнцем. Читала, и отчетливо видела лучи солнца, проникающие сквозь стекло в мою комнату, слышала шум ветра, качающего ветви деревьев и голоса морских волн — все те привычные вещи, что описывал Стокер, и которых никогда не было на м83.

Меня прервал сигнал дежурного, я бросила взгляд в уголок книги — «страница 217, ну ничего себе...» Сигнал повторился. Я нажала на синий огонек в центре браслета, и передо мной появилось лицо синеглазого парня в военной форме.

— В чем дело, солдат? — спросила я, прежде чем он успел что-то сказать. Хотелось опустить приветствия и поскорей вернуться к чтению.

— У меня для Вас сообщение от мистера Корнуэлла.

Его ответ меня удивил и как-то непроизвольно я произнесла:

— Правда?

Солдат с мгновенье поколебался, казалось, его тоже удивил мой вопрос.

— Так точно, Капитан.

— И что мистер Корнуэлл просил передать мне?

— Не могу знать, Капитан, — я удивленно вскинула брови, тогда солдат, наконец, добавил: — Это коробка, Капитан. Мне распорядиться, чтоб ее доставили к Вам в комнату?

Поразмыслив над его словами, я сказала, что скоро сама спущусь.

Закончив разговор, я взяла чашку с кофе и подошла к окну, не тому, что полностью повторяло вид на коттеджный городок, открывающийся с террасы, к другому, противоположному ему, из которого на меня смотрели блистательные огни Земли.

Не могу сказать, что огоньки казались мне заманчивыми, хотя с этого места Земля выглядела привлекательней, нежели была в действительности. Но я, все же, чувствовала какое-то слабое, еле уловимое влечение, глядя на эти огни. Возможно, таким образом на мне сказывалось чтение книг, но ведь описанных там вещей уже давно не было и на Земле, разве что в спрятанных уголках планеты... Теперь все мобилизовано, каждый квадратный сантиметр, потому-то люди так и спешат посетить Луну при первой же возможности.

С этими мыслями я спустилась в холл, где меня уже ждала посылка Корнуэлла. Дежурные как раз сменялись, когда я подошла к центральному посту. Один из них направился ко мне, держа в левой руке картонную коробку. Он отдал честь свободной рукой, и протянул мне посылку, но, не рассчитав сил, я чуть было не уронила ее. К счастью, солдат подоспел вовремя.

– Спасибо, – сказала я, на этот раз взяв коробку двумя руками. – Она кажется легче, чем на самом деле.

– Уверены, что не хотите, чтоб я поднял ее наверх, Капитан?

Но я лишь отмахнулась, размышляя о том, чем Корнуэлл решил удивить меня на этот раз. Еще книги? Я повертела коробку в руках – по весу тяжелая, могла бы вместить до тридцати экземпляров. Я еще раз осмотрела ее: ничего, только голубой стикер с моим именем.

«Что ж, посмотрим» – подумала я, выходя из лифта.

Я попыталась отворить дверь, но побоялась вновь выронить посылку, так что пришлось поставить ее на пол. Руки жутко болели, когда я дотащила коробку до середины комнаты, так что я решила открыть ее здесь. Разрезав ленты, я, наконец, заглянула внутрь. Сверху лежал конверт, из под которого виднелись... я не верила своим глазам – это были виниловые пластинки.

Я потянулась за кофе, и, сделав глоток, развернула письмо.

Дорогая Отем,

Мне хочется верить, что однажды снова встретимся в другое время и в другом месте, но я слишком стар, и, скорее всего, это мое последнее письмо. Тяжело оставлять тебя здесь совсем одну, ведь за все эти годы я привык заботиться о тебе как о родной дочери, но обстоятельства не оставляют мне выбора. Утешает лишь одно: когда я увидел тебя, с первой же минуты нашего знакомства, я понял, что когда-нибудь ты станешь капитаном, и сейчас, как и десять лет назад, я так же ясно вижу, что все это не напрасно.

Я хорошо помню твой первый день на м83, как ты восхищалась коттеджным городком и его окрестностями. В этом ящике все то, что когда-то поспособствовало строительству этого места. Многие годы назад я слушал эти старые пластинки и представлял волшебный космический островок, по-своему идеальный и столь далекий от всего, что происходит вокруг.

Конечно, здесь лишь малая часть, но ты всегда можешь найти остальное в моей старой квартире.

Когда ты прочтешь это письмо, я уже, должно быть, буду спускаться по корабельному трапу в одном из земных космодромов. Я никогда особо не умел и не любил прощаться, но сейчас я определенно точно смотрю на Луну, и знаю, что ты так же смотришь на меня.

Удачи, Капитан,

и пускай холод никогда не стоит на твоём пути

5 Лавандовые Поля и Голубая Луна

В гостиной моего родительского дома многие годы висела старая фотография в черной витиеватой раме. На ней изображалось лавандовое поле, выходившее далеко за пределы картины. В центре возвышался многолетний дуб, сквозь который пробивались первые лучи заката, а под дубом – скамейка. Выглядела она так, словно еще секунду назад была занята кем-то наслаждавшимся пейзажем, и пускай на всем снимке не было ни души, в нем неумолимо чувствовалось чье-то присутствие.

В детстве мне нравилось смотреть на это фото, представляя, какой Земля была прежде, до внедрения в космическое пространство. С каждым днем мир вокруг менялся до неузнаваемости, но этот небольшой клочек чего-то настоящего всегда был под рукой, висел над отцовским роялем. С такими мыслями я написал свою первую рапсодию, представляя себя сидящим на той самой скамье посреди лилового поля, в полном одиночестве и спокойствии наблюдающего закат. Сейчас такие поля можно встретить лишь в старых фильмах, но порой, еще ребенком глядя на этот снимок, я чувствовал себя особенным, словно мне было известно что-то, чего другие и не пытались понять.

Искусство уже давно исчезло из списка востребованных вещей, так что я и не думал всерьез зарабатывать этим на жизнь, к тому же меня всегда привлекали звезды. Но и тогда я не мог представить, что однажды действительно окажусь посреди всего этого волшебства.

Первые проведенные на Луне минуты казались мне приятно бесконечными. Не потому что они были длиннее обычного. Просто время здесь словно замерло и, шагая дорогами этого нового мира, ты растворяешься в нем и чувствуешь себя частью вечности...

Эти эмоции и вызвали в моем сознании детские воспоминания, стоило мне лишь сойти со своего лунохода. А позже я увидел их — лавандовые долины, такие же прекрасные и бесконечные, как мне всегда представлялось.

*

Прошло меньше месяца со дня моего прибытия, и мне уже практически удалось приспособиться к здешнему временному режиму. Минуты на м83 тянулись дольше, потому на сон обычно отводилось около четырех часов, а остальное время делилось на четверти.

Утром того дня я проснулся по сигналу будильника и отправился прямиком в ИИЛП. Моя теория была одобрена тридцатью тремя людьми – контрольной группой астрономов, астрологов, инженеров и докторов, с которыми я встречался и проводил митинги все это время. Параллельно этому я все время проводил за чертежами и планами трасс, пытаясь создать свои собственные, и к концу третьей недели мне даже кое-что удалось, теперь оставалось лишь самое главное.

Я прибыл в Институт как раз вовремя, чтобы еще успеть выпить кофе до начала рабочего дня, а после отправился в выделенную мне лабораторию. Здесь было все, что только могло мне понадобиться и даже больше. Теперь мне с трудом верилось, что еще месяц назад я днями сидел над картами в тесной комнатке, больше походившей на подсобку.

– Какой Вы пьете кофе, Профессор? – в дверях лаборатории появился Штернбрер. В руках он держал стеклянную пластину-поднос с двумя дымящимися стаканами.

– Черный. Просто черный.

– Я так и думал, – он протянул мне один из стаканов, – а я вот предпочитаю добавить всего да побольше.

Очистив рабочий стол, я отпил кофе и предложил Штернбреру сесть.

– Как продвигается работа? – спросил тот.

– Закончил все с час назад.

– Неужели?

Я кивнул.

– Рад слышать. Надо же... всего-то три недели прошло, – он улыбнулся.

– Да, но то, над чем я работал, все еще остается теорией. Вы зашли очень вовремя, Доктор. Мне нужна Ваша помощь, хотел обсудить это после обеда.

Штернбрер снял запотевшие от кофейного пара очки, и принялся протирать стекла.

– Я внимательно слушаю.

Я протянул ему график последних подсчетов.

– Пока все сходится, – осмотрев его, заключил Штернбрер. – Это ведь готовые результаты, можете смело направлять их дальше.

– Но прежде чем передать это выше, я бы хотел сам все протестировать.

Доктор удивленно поднял брови.

– Дело ведь серьезное, – добавил я, – хочу наверняка все проверить.

– Да уж тут Вы правы. Можно поднять этот вопрос на следующем митинге, не думаю, что кто-то будет против.

– Спасибо за это, но главное, что мне понадобится – это корабль.

– На м83 десятки тестовых кораблей, можете воспользоваться любым. А если не найдете нужной модели, всегда есть военные.

– Модель не имеет значения. Сейчас меня интересует только одна особенность: корабль должен быть пуст. Я имею ввиду, маршруты компании, путеводители и прочее – в нем не должно быть никаких отметок, а, насколько мне известно, все существующие корабли полны ими.

–...и почистить их никак нельзя, – Штернбрер понял мою мысль и ухмыльнулся. – Меня уже мутит от этой конфиденциальности.

Я решил пропустить его последнюю фразу.

– Придется отыскать «чистое» судно. Я самолично снабжу его последними звездными картами и сделаю круг от Луны до Земли и обратно.

Договорив, я взглянул на Доктора. Он прекратил протирать очки, и молча обдумывая мои слова.

– Нужно свериться с реестром, – наконец сказал Штернбрер. – Не уверен, что здесь вообще может быть подобный корабль, но мы это проверим.

– А если такого нет, Вы сможете спроектировать его для меня?

Его ответ не задержался ни на секунду.

– Смогу. Только я не могу быть уверен, что Совет одобрит подобное пренебрежение Вашей безопасностью. Даже если мы получим разрешение на подобный проект, нужна будет какая-то страховка.

– Я понимаю.

– Хорошо, а теперь расскажите мне подробно все, что потребуется для этой модели.

*

К концу третьей четверти того же дня я закончил все свои дела, связанные с планированием карт звездного неба, и успешно передал их в руки доктора Хартрайта. На данный момент было готово все то, что могло понадобиться для путешествия от базы до Земли и обратно. Поработать с самой Луной у меня пока еще не было возможности, а потому моим следующим шагом должно было стать исследование звезд с точки обзора непосредственно Луны и, конечно же, ее темной стороны.

Выйдя из здания Института, я зашагал напрямик к парковке, что находилась по другую сторону от входа, размышляя о том, как провести оставшееся время, ведь только что я закончил сложный проект и работать сейчас совсем не хотелось.

Уже приближаясь к своему лунному скутеру, краем глаза я заметил силуэт по правую сторону от себя и, обернувшись, увидел Капитана. Она стояла около одного из луноходов, глядя прямо на меня.

– Добрый вечер, Профессор, – произнесла она, направляясь ко мне.

– Рад Вас видеть, Капитан.

– Получила Ваш отчет сорок минут назад. Отличная работа, продолжайте в том же духе, и к концу следующего квартала о вашем труде станет известно всему миру, – она протянула мне руку, – Хотела поздравить Вас лично.

Немного смутившись ее слов, я неуклюже пожал ей руку.

– Благодарю, Капитан.

На мгновение она замерла, словно обдумывая что-то, после чего кивнула и, поправив воротник своего пальто, сделала еще несколько шагов вперед и села за управление моего лунохода. Я все так же продолжал стоять посреди парковки, не понимая происходящего. Тогда Капитан обернулась.

– Садитесь же, чего вы ждете? – я уловил тень улыбки на ее лице. – Давайте немного прокатимся.

Все еще будучи немного растерянным, я все же опустил на сиденье лунохода позади Капитана.

– Держитесь, Профессор! – крикнула она. Я вовремя успел обхватить ее талию, потому что мы тут же взлетели, и поднялись так высоко над землей, как я не поднимался еще ни разу.

Поток ветра несся навстречу, развивая ее прекрасные синие локоны, а расстояние между нами и базой все увеличивалось. Мы поднялись выше уровня здания штаба, и теперь я мог видеть все пространство вокруг и даже ту часть коттеджного городка, что при взгляде с подвесной террасы казалась мне исчезающей в тумане луча.

Прямо под нами блестел корпус института, отражая синие блики фонарей, позади возвышались темные силуэты зданий для персонала, а впереди светился аэродром, за которым мирно дремал туристический городок. В этот момент я видел Луну так ясно, как никогда прежде, но что более примечательно – мне был виден сам луч, основа, на которой держалось все это чудесное место. Раньше я мог видеть лишь его отблески на зданиях по вечерам, но сейчас мне открывалось нечто большее, и я видел все.

– Это невероятно, – сказал я, стараясь перекричать шум, создаваемый потоком воздуха.

– Подождите еще минуту, – услышал я в ответ, – Сейчас зажгут огни.

Луноход на мгновение замер над базой, после чего понес нас в сторону космодрома. Не отрывая взгляда от картины внизу, я с трудом успевал дышать, казалось, что весь мир вокруг нас замер ради этого момента. А потом зажглись огни, и, словно по велению чьей-то волшебной палочки, все вокруг осветилось. И это не был режущий глаза белый свет вроде того, что встречался мне в коридорах здания космодрома. Все пространство под нами было заполнено уютными теплыми огоньками, так напоминавшими мне земные. И стоило мне лишь подумать об этом, как Отем произнесла:

– Такое чувство, что мы кружим над самой Землей, не правда ли?

– Да, – ответил я, – все именно так.

Мы сделали небольшой круг над коттеджным городком, местами снижаясь над вечерними садами и лужайками, и остановились над главной улочкой. Сейчас я увидел, что это место было заполнено туристами, они радостно сновали по дорогам внизу. Некоторые сидели в барах и ресторанчиках, другие же собрались на главной улице у большого экрана в ожидании какой-то старой киноленты.

Капитан сказала что-то, но погруженный в свои мысли, я не услышал ее слов, и Отем повернулась ко мне.

– Они не видят нас, – повторила она, уловив мой взгляд, – Сейчас слишком темно.

– Все так счастливы, там внизу. Или, по крайней, мере выглядят таковыми.

– Через две четверти многим из них придется возвращаться домой к старым проблемам и бесконечной работе, – ответила Отем, – Что еще им остается, как не быть счастливыми?

Я непроизвольно поднял брови, но ничего не ответил, надеясь, что Отем этого не заметила. И я снова ошибся.

– Вы чем-то удивлены, Профессор?

– Простите меня, Капитан, но для жителя м83 Вы слишком проницательны.

Улыбнувшись, девушка опустила взгляд. Мне показалось, что она смутилась, а потому я постарался поскорей сменить тему.

– Этот городок – невероятное место. Определенно одно из самых прекрасных, что я когда-либо видел.

– Да, я подумала так же, впервые увидев его. Мой старый друг спроектировал это место около шестидесяти лет назад.

– Невероятно, – повторил я. – Возможно, я встречался с Вашим другом?

– Вряд ли. Он вернулся домой буквально сразу после Вашего приезда.

– Что ж, должно быть, это сложно – покидать такой прекрасный мир.

Она медленно кивнула и, казалось, вновь погрузилась в свои мысли.

Мне хотелось спуститься еще ниже и присоединиться к жизни внизу, но я лишь спросил:

– Куда дальше, Капитан?

Мне показалось, что что-то в ее голосе изменилось, и, взглянув на нее, я понял что. Теперь слова Отем звучали иначе, потому что она улыбалась.

– Для начала к мостам, – ответила Отем, возвращаясь к управлению луноходом, – ну а после – к самой Луне, разумеется.

*

Не снимая правую руку с пульта управления, я откинула с лица непослушную прядь волос и осмотрелась. Луноход приближался к одному из лунных мостов. Сегодня здесь было больше транспорта, чем в прошлый раз: выходные дни на Земле подходили к концу, и туристы спешили провести как можно больше времени, гуляя по местным долинам.

Из-за наплыва транспорта на спуске пришлось увеличить скорость, и Старлайт крепче обнял меня. Мы неслись вперед невероятно быстро, так что невозможно было различить силуэты. По обе стороны от нас виднелись лишь расплывчатые огни.

– Все в порядке? – спросила я, но не смогла разобрать ни слова из его ответа. Кажется, он был положительным.

Оставив позади мост, луноход вместе с нами погрузился в тоннель, который вел напрямик к Луне. С каждым мгновением она становилась все ближе, и голубые огни впереди нас принимали уже знакомые мне очертания.

Мы, наконец, оторвались от потока туристов, так что можно было сбросить скорость. Опустив взгляд, я наслаждалась пейзажем, раскинувшимся внизу. Уже который год я пролетала над этим местом, и с каждым разом оно казалось мне все более прекрасным, ведь мы приближались к лавандовым долинам.

Я опустила луноход около одной из тропинок, и, расстегнув ремень безопасности, повернулась к Старлайту. Он смотрел куда-то вдаль от меня, на долины, уходящие далеко вперед и старый дуб, многие годы растущий в этом месте.

– Вот мы и на месте, Профессор.

Он улыбнулся, все еще не отрывая взгляда от картины впереди. Сейчас над долинами стояли первые сумерки, и я видела, как их цветовая палитра отражалась в его карих глазах. Удивительно, как же сильно этот жизнерадостный молодой человек напоминал мне себя прежнюю. Десять лет назад я так же зачарованно смотрела на это место.

– Здесь всегда так красиво? – спросил Старлайт.

– Да, но на закате эти долины особенно очаровывают. Люблю временами погулять здесь, особенно теперь, если под рукой есть хорошая книга.

– Книга? – удивился он, и, переведя взгляд на меня, тут же улыбнулся – Вы имели в виду текст?

– Нет, книги, но я понимаю Ваше удивление.

– Чего я точно никак не ожидал встретить на м83, так это книги. Их-то и на Земле сейчас толком не найдешь.

– Да, это длинная история.

– Не расскажите?

– Один мой друг, любитель былых времен, оставил их мне перед возвращением домой.

– Тот самый друг, что создал коттеджный городок? – догадался Старлайт, и я кивнула. – Вы, должно быть, скучаете по нему.

– Не знаю, – честно ответила я, – временами да, но я уже давно привыкла быть одна, к тому же у него просто не было другого выбора, кроме как вернуться на Землю, тогда как мое место здесь.

– Это все звучит так печально.

– Вовсе нет, Профессор. Иногда ты просто должен делать то, что должен, и однажды светлое будущее окажется твоим настоящим.

После этих слов Старлайт посмотрел на меня как-то иначе, и мне вновь подумалось, что за всю свою жизнь я ни разу не встречала человека, собственное сходство с которым так сильно бросалось бы мне в глаза.

Он снова окинул взглядом долину.

– Нам пора идти, Профессор, если Вы, конечно, хотите успеть насладиться этим местом до наступления темноты, – поторопила его я, и наклонилась к нему, дабы расстегнуть ремни безопасности.

Внезапно Старлайт посмотрел прямо в мои глаза, и это заставило меня на мгновение затаить дыхание. За многие годы, проведенные на базе, мне не часто приходилось видеть на себе чей-то теплый взгляд, хотя, возможно, я просто не замечала этого раньше.

Он провел рукой по моей щеке, и прежде, чем я успела хоть как-то выразить удивление, коснулся моих губ своими. Это было так невероятно, словно поцелуй героев одного из тех черно-белых фильмов, что я когда-то любила пересматривать.

– Я мечтал об этом с самой нашей встречи.

Он улыбнулся, и я ответила тем же, все еще пытаюсь собраться с мыслями.

Старлайт поднялся, протянул мне руку, и мы молча зашагали вдоль лавандовой долины.

*

– Даже не верится, что оно не настоящее, – произнес Старлайт, глядя на золотые лучи солнца.

Мы сидели на плетеной скамейке, расположенной в самом центре долины. Солнце опускалось все ниже, приближаясь к линии горизонта и заливая теплом все вокруг.

– Все дело в отражателях... – начала я.

– Нет, не говори мне ни слова об этом, прошу тебя. Не хочу знать, чем картина перед нами является на самом деле. Здесь все в действительности выглядит гораздо естественней, нежели теперь на Земле, и мне не хотелось бы думать, что это всего лишь очередной технологический прорыв, – его ладонь накрыла мою, и про себя я отметила, какими горячими в этот момент мне показались его пальцы.

– Хорошо, Старлайт, – я улыбнулась.

– Твои руки такие холодные, – словно прочитав мои мысли, сказал он.

– Температура моего тела 81, 14 градус по Фаренгейту, – ответила я, и, встретив его удивленный взгляд, добавила: – Со временем к этому привыкаешь.

– К чему?

– Подобным метаморфозам. Поначалу их не замечаешь, а потом быстро втягиваешься. – я опустила глаза, – Влияние Луны меняет тебя до неузнаваемости, я ведь не всегда была такой.

Все так же не отводя свой теплый взгляд, Старлайт взял меня за руки и, поднеся их к лицу, поцеловал.

– Ты прекрасна, Отем, – сказал он.

*

Открытые для посещений туристами семнадцать процентов лунной поверхности схематически делятся на восемь секторов, в каждом из которых находится несколько таких чудесных мест,

и все они отвечают за определенное время суток, которое, в свою очередь, смещается каждую четверть.

Когда цветы лаванды опустились, а солнце исчезло за горизонтом, мы направились в сторону золотого парка, раскинувшегося через сектор от долин. Здесь всегда стояла осень. Солнце озаряло своим ласковым светом широкие кроны деревьев вокруг, придавая им еще больше красок.

Отставив верхнюю одежду около лунохода, мы опустились на пожелтевшие листья травы. Старлайт рассказывал мне о проделанной работе, своем восхищении звездами и о том, что ему непременно еще предстоит совершить. Конечно, мне уже было известно об этом все, но я не хотела прерывать его рассказа: этот голос меня успокаивал. Переполненные эмоциями, его слова звучали так по земному, и с каждой новой фразой я слышала в них все большее желание жить и следовать своей цели. В этот самый момент я поняла, что жизнь больше не выглядит застывшей на месте. Мне показалось, что даже голос моих собственных мыслей звучит теперь иначе, более выразительно и оживленно.

Вдалеке, расположившись на уютных скамейках, в тени среди сосен оживленно болтало несколько туристов, а еще дальше невысокая девушка в соломенной шляпке фотографировала улыбающегося мужчину с ребенком на плечах.

– В начале следующей недели состоится собрание, на котором решится вопрос о моем участии в тестировании, – говорил Старлайт. – Штернбреренер считает, что у меня неплохие шансы на этот счет.

Он вздохнул.

– Заручиться поддержкой главы строительного отдела – не так уж и плохо, к тому же, думаю, Доктор Хартрайт также поспособствует продвижению твоей идеи. Ты ведь говорил, он вполне добродушный.

– Да, он хороший человек, а вот на счет де ла Круа я не могу быть уверен, очень уж он хмурый тип.

– Вот как.

– Никогда не поймешь, что у него на уме. Мой отец называл таких пасмурными людьми.

Я улыбнулась.

– Здесь ведь все такие, Профессор.

– Да, не без этого, – Старлайт улыбнулся в ответ, – но только не в институте, там дела обстоят совсем иначе.

– Правда? – я удивленно подняла брови, и Старлайт кивнул.

– Ты разве прежде не замечала?

– Честно говоря, никогда не обращала на это внимания.

Он приобнял меня за талию, и, облокотившись на его плечо, я обратила взгляд к небу. Облака еще никогда не казались мне такими прекрасными; верхушки елей тянулись к ним, сплетаясь над нашими головами в золотой венок.

– Словно здесь есть абсолютно все, – произнесла я, не отрывая взгляда от картины, что была над нами.

– Абсолютно все, – согласился Старлайт, – такой идеальный маленький мир, ведь именно таким задумывал его твой друг. Хотел бы я с ним познакомиться.

– Думаю, у тебя еще будет возможность разыскать его с возвращением на Землю.

Старлайт ничего не ответил, а лишь крепче обнял меня, и я почувствовала касание его теплых губ около виска.

– За все эти годы я не единожды облетела Луну, и будь у меня возможность, я бы добавила только одну вещь – поля, полные алых роз.

– Неужели их здесь все еще нет? – улыбнувшись, спросил Старлайт.

Я покачала головой.

– Корнуэлл мечтал построить в седьмом секторе каменную башню, с которой бы открывался вид на поле из алых роз, говорил, что читал о подобном в одной из своих книг. Работал над полем многие годы, и все это время периодически видел эту картину в своих снах. Но розы так и не прижились на Луне, их не обманешь искусственным солнцем.

Старлайт, казалось, задумался о чем-то, после чего сказал:

– Тебе, должно быть, присуще хорошее воображение, раз, не смотря на влияние этого места, ты все так думаешь об этом поле.

– Дело не в поле, а в самом этом цветке, – ответила я. – Он очаровывал меня еще с детства, и, глядя на вазоны на соседском балконе, я думала о том, как однажды поселюсь в тихом далеком месте, где перед моими окнами каждое лето будут расцветать кусты роз. Удивительно, я ведь уже давно забыла об этом, и вспомнила только сейчас.

– Давно ты здесь? – спросил Старлайт.

– Немного более десяти лет.

На его лице проявилось удивление.

– И ты ни разу не задумывалась о том, чтобы вернуться? Хоть ненадолго.

– Никогда, – ответила я. – Я совсем не из тех, кто тоскует по дому.

Должно быть, тогда впервые за все это время я действительно задумалась о том, как бы сложилась моя жизнь, вернись я сейчас на Землю. Но я так и не нашла ответа на этот вопрос.

– Кажется, я совершенно не принадлежу к той жизни, – после небольшой паузы добавила я. – Ну, не чувствую я в себе ничего земного.

– Верю, – ответил Старлайт. – Когда я впервые тебя увидел, ты напомнила мне Луну, словно какое-то волшебное отражение этого места, а сейчас я понимаю, что без тебя Луна и вовсе не была бы Луной.

Что-то внутри меня словно на миг замерло после его слов, а затем затрепетало быстрее прежнего, и мне вспомнилось стихотворение о синей птице, которое я прочла в одной из книг Корнуэлла.

Я провела рукой по темным волосам Старлайта, и поцеловала его, вновь ощутив себя в одном из тех старых фильмов.

*

Когда я вернулся в свою комнату, последняя четверть подходила к концу, и я сразу же плюхнулся на просторную кровать. Это был первый раз, когда перед сном я не бросил взгляд на открывающийся за окнами вид, ведь все, о чем сейчас хотелось бы думать, было прямо в моей голове.

Спустя пару минут я уже погрузился в сон. Той ночью мне снилось полное роз поле, я брел по нему в поисках чего-то очень важного, а впереди меня ждал бесконечный алый закат. И проснувшись утром следующего дня, первой моей мыслью было: «А я ведь знаю эту книгу».

6 По другую сторону Луны

Первая четверть приближалась к концу, и, покончив с работой, я направлялся в лагерь. Думал подождать Джека. За последние сутки у меня возникло к нему несколько вопросов, но сегодня тот, должно быть, решил припоздниться. Дела можно будет обсудить и позже, а вот чувство голода за время ожидания только усилилось.

Я переоделся, и, аккуратно расправив форму, повесил ее в дальний угол своего шкафчика. Не знаю, к чему была вся эта щепетильность: кроме сменщика мне здесь мало кто встречался, так что, я делал это, скорей, автоматически.

«Хорошо, что они все же построили эту дорогу», - думал я, шагая по стеклянному тоннелю, ведущему к лагерю от самого тринадцатого поста. Коридор впереди меня был тускло освещен, что спасало глаза от возможности резкого света: фактически, эта часть Луны все еще была темной и, соприкоснувшись с чрезмерно ярким светом после полного рабочего дня, ты рисковал временно потерять зрение.

Когда-то, до постройки надземного тоннеля, нам приходилось носить массивные скафандры с кислородными рюкзаками и перемещаться по поверхности на луноходах. Не том подобии скоростных мотоциклов, которые на м83 называют луноходами, а настоящих стальных шестиколесных монстрах, которые весят добрых пять тонн. И, в отличие от тех луноходов, наши по-прежнему не могли подниматься над поверхностью. На этой стороне Луны такое еще попросту не нужно.

Лагерь находился в получасе ходьбы от тринадцатого. Это был последний и самый дальний пост, и, шагая по тоннелю, я то и дело бросал взгляд на остальные посты, расположенные на ледяной поверхности за стеклом. Иногда по пути назад мне встречались другие бурильщики, но не сегодня. В этот раз, ожидая сменщика, я пробыл на рабочем месте немного больше обычного, так что они, скорей всего, уже были далеко в конце коридора.

Царившая здесь тишина порой сводила с ума, а иногда наоборот приходилась весьма кстати, как, например, сегодня. Сейчас даже самый крохотный шум показался бы мне разрушительным, столь выжатым я себя чувствовал.

Добравшись до лагеря, я решил, что поем уже после пробуждения. Голод отступил, уступая место усталости, и я сразу же завалился в постель.

«Странно, он ведь никогда не опаздывал», - услышал я собственные мысли, и тут же забылся сном.

*

— Какого черта? — прохрипел я, и, оторвав лицо от подушки, протянул руку за сигаретной пачкой.

Надо мной стоял Райан Харди из двенадцатого. Вид у него был глуповато растерянный.

– Джек пропал.

Я прекратил рыться в ящике, и удивленно уставился на своего коллегу.

– Что значит пропал?

– Пропустил свою смену. И в лагере его нет. Они сейчас все кругом обыскивают. Военные. Что ты ищешь?

– Сигареты.

– Ты бросил курить семь лет назад, – ухмыльнулся Райан.

– Зря.

Я вздохнул. Старые привычки никуда не исчезают.

– Поднимайся, Джо, работа стоит. Нужно чтоб ты навестал там все.

– Ладно, но только сегодня. Не могу же я один следить за тринадцатым, – я устало потянулся и с неохотой направился в душ.

– Придется перебиваться так до конца недели, может из наших кто подсобит. Они пришлют нового человека к понедельнику, – бросил мне вслед Райан.

*

Вернувшись в тринадцатый, я приглушил освещение и проверил мониторы: никаких изменений после моего ухода. Пытаясь выяснить, что же произошло с моим напарником, я решил просмотреть предыдущий отчет Джека. В другие дни мы делали это раз в неделю, прежде чем направлять бумаги капитану. Обычно они отправлялись по внутренней связи, а раз в квартал к нам наведывались ребята старпома, бледная молчаливая армия, для полной проверки.

Мой взгляд скользил по, казалось, застывшим страницам отчета, не находя, ровным счетом, ничего нового: бурение участка С проходило без изменений. Еще несколько часов я следил за датчиками, составляя новый доклад, и периодически поднимал глаза на звезды.

Своим видом тринадцатый напоминал стальной подземный бункер с единственным небольшим окном в потолке, из которого был виден крохотный отрывок звездного неба. И вот я вновь смотрел на него, размышляя о том, куда же мог подеваться мой первый сменщик. Вряд ли бы он стал исчезать по собственной воле, еще и за год до пенсии. Нет, здесь определенно было что-то еще.

Когда очередная четверть подошла к концу, и я закончил свой доклад, какая-то еле уловимая мысль проскользнула в моей голове. Я вновь схватился за отчет Джека. Здесь было все верно, только вот последние данные вносились за час до окончания его смены, а старина Джек был не из тех, кто любил работать, задрал ноги на стол. Тогда я зафиксировал текущие показатели датчиков, и принялся отматывать их до последнего часа, указанного в отчете Джека. Действительно, все гладко, но вот к концу четверти был найден явный сбой. Что это, подземные толчки? Перепады давления? И почему Джек не внес их в отчет?

Если верить датчикам, эти толчки продолжались на протяжении двадцати минут. Показатели на аппарате измерения подземного давления росли, и к концу указанного времени стрелка стремилась далеко за пределы максимальной нормы. Я переписал координаты и сверил их с базой данных. Результат загрузился мгновенно, и я увидел, что указанный участок находился всего в десяти минутах езды от тринадцатого.

Кое-как мне удалось досидеть это смену, после чего я буквально понесся на нижний ярус нашего пункта, где провел еще какое-то время, пытаясь втиснуться в скафандр. Прошло больше пяти лет с того момента, когда мне в последний раз приходилось надевать его. Когда мне, наконец, удалось это сделать, я интуитивно заглянул в шкафчик Джека: его лунного костюма не было на месте. Затем я проверил кислород, надел шлем, и, выйдя из бункера, направился в сторону луноходов.

Шагая по лунной поверхности, я едва ли мог устоять на ногах. К счастью, стоянка находилась всего в нескольких шагах от тринадцатого пункта, и вскоре я с облегчением вздохнул, усевшись на один из луноходов.

Машина уносила меня все дальше от тринадцатого. Казалось, что с каждой минутой вокруг становилось только темней. Возможно, картина в моих глазах просто тускнела от внезапно нахлынувшего холода и постоянных скачков лунохода (земля подо мной была сплошь и рядом укрыта неровностями, а под колесами то и дело попадались замерзшие камни). Зубы начинали скрипеть от режущего тело холода, но я старался не отводить взгляда от карты с маршрутом. Сейчас нужно было сворачивать налево. Я присмотрелся, но ничего не заметил в темноте, когда луноход вдруг стремительно полетел вниз. Вскрикнув, я почувствовал во рту привкус крови. Кажется, я прикусил язык.

Луноход стоял прямо в центре одного из многочисленных кратеров, а я сидел на нем, по-прежнему не решаясь сойти. Температура здесь была в разы ниже по сравнению с поверхностью. Голова начинала кружиться, а вокруг была одна лишь тьма.

Я медленно поднял голову и сквозь замерзшее стекло скафандра увидел небо, покрытое тысячами звезд. В последний раз я видел их такими яркими, стоя около входа в Гайд-Парк в ожидании Лии, белокурой подруги моей молодости. Как давно это было? Лет десять назад... нет, двенадцать. Интересно, что сейчас с ней стало?

Словно стараясь привести мысли в порядок, я тряхнул головой и зажег лучи ближнего света. Находясь в этом месте, я чувствовал себя в некоем подобии вакуума, который забыли закрыть, и теперь дышать становилось сложнее. Тогда я принялся осматриваться вокруг. Как и везде, поверхность здесь была замерзшей и немного рыхлой после бурения. Никаких следов чьего-либо присутствия. Затем прошелся лучом по каждому сантиметру стен кратера – и здесь без изменений.

Теперь мне ничего не оставалось, как вернуть луноход обратно в тринадцатый, а после хорошенько выспаться. Но все мои мысли занимали внезапные нарушения давления под землей и, конечно, Джек. На все это должна была быть какая-то причина, или, хотя бы, объяснение. Не мог ведь он просто исчезнуть.

7 Тоннель

– Выглядишь устало, – заметил Сириус. Он сидел за столом моего кабинета, не сводя глаз с недавно полученных отчетов. – Ты сколько сегодня спала?

– Это не важно, отдохну на выходных, – отмахнулась я, и, закрыв окно, пересекла комнату, дабы вместе со старпомом склониться над бумагами.

Еще какое-то время мы молча просматривали страницу за страницей, после чего Сириус откинулся назад и устало протер глаза.

– Ничего я в этом не смыслю, – признался он.

«Помощь Корнуэлла была бы сейчас как нельзя кстати» – подумала я, и лишь пожала плечами. Мне и самой была чужда подобная работа, так что я с трудом могла разобрать указанные в отчете данные и сложить их в общую картину.

– Тот парень, – начала я, и опустила взгляд на бумаги в поисках имени, – Джоуэлл Блек...

– Бурильщик?

– Да, нужно поговорить с ним. Думаю, он сможет с легкостью объяснить все эти показатели и данные.

– Хорошо, – кивнул старпом, – сегодня же дам распоряжение.

– Нет нужды. Я сама могу переговорить с ним, у меня как раз есть дело на темной стороне, которое еще предстоит завершить, – и, поднявшись со своего кресла, я направилась в сторону выхода.

– Отем, – позвал меня Сириус. Я обернулась. – Надеюсь, сенатор Куинн в курсе твоих дел?

– Разумеется, – ответила я, и вышла из кабинета.

Исчезновение сотрудника тринадцатого пункта подняло на м83 немалую шумиху. Эта новость настигла меня воскресным утром, и вот уже вторые сутки я проводила без сна в попытках прояснить события того дня, когда Джек Метьюз пропал без вести. Сириус, конечно, неплохо мне в этом помогал. Его парни ни на минуту не прекращали поиски, но Совет состоится уже завтра, и если расследование не принесет результата, мне самолично придется объясняться с сенатором.

Спустившись на этаж ниже, я позвонила в дверь расположившейся под моим кабинетом комнаты. За стеной раздались шаги, и вскоре на пороге появился Старлайт. Одетый в потертые джинсы и наспех накиннутую рубашку, он, должно быть, только вернулся из ИИЛП.

– Отем, – на его лице засияла очаровательная улыбка, – а я уже начал думать, что ты меня избегаешь.

– На м83 намечаются проблемы, я могу войти?

– Конечно.

Старлайт отступил в сторону, и когда дверь за моей спиной опустилась, я продолжила.

– Один сотрудник пропал на прошлой неделе, и мы все еще не можем найти его, – я села в стоявшее у входа кресло, и Старлайт опустился рядом со мной. Он прижал меня к себе, и, увидев мою усталую улыбку, спросил:

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Виски. Но мой рабочий день еще не окончен, так что кофе тоже сойдет.

Поцеловав меня, Старлайт зашагал в сторону кухни, и пока он возился с кофе, я рассказывала о том, почему вскоре собираюсь отправиться на темную сторону Луны.

– Ты говорил, что хотел бы поработать и с той частью звездного неба, – продолжала я, – Можешь пойти со мной, если силы еще есть.

– Да, я совсем не против, – ответил Старлайт, протягивая мне чашку горячего кофе.

– Тебе нужно взять что-нибудь в институте?

– Нет, все здесь, – он улыбнулся и поднес указательный палец к голове.

– Хорошо, тогда можешь начинать собираться. И советую тебе одеться потеплей. Там стоит жуткий холод, не смотря на туннель.

*

Мы брели по стеклянному туннелю уже около двадцати минут. Погруженная в свои мысли, Отем шагала рядом. Ее бледные запястья скрывались в черном пальто, а шею укутывал вязанный шарф. Здесь было так тихо, что я с легкостью мог услышать ее на удивление ровное дыхание.

Окружающий меня холод напоминал о времени, проведенном в старом семейном гнездышке, тех его днях, когда первые хлопья декабрьского снега мягко ложились на замерзшие ладони, и все вокруг, казалось, было укрыто этим белым сном. Но тогда под снегом скрывались и звезды, а сейчас мне стоило лишь поднять взгляд к небу, дабы увидеть всю их безмолвную красоту.

Не преодолев и половину пути, я пожалел, что не взял с собой кофе, ведь пространство вокруг только и дышало холодом.

– Все-таки замерз, – произнесла Отем, и взяла меня под руку.

– Не представляю, как в этом месте можно работать.

– Там, куда мы направляемся, немного теплей, – улыбнулась она, – только вот жутко мрачно.

Наконец, среди царившей вокруг нас темноты, я начал различать силуэты зданий, сжавшихся у стен тоннеля.

– Это и есть второй институт? – спросил я, глядя на угрюмое стальное сооружение. В нем было не более двадцати этажей.

– Да, а за ним – тринадцать пунктов бурения. Пропавший Джек Метьюз работал на последнем из них.

Немного помедлив, я все же решился спросить:

– У тебя есть какие-то мысли на этот счет?

– Никаких, – призналась Отем.

– А что насчет пиратов? – спросил я, и, увидев на лице Отем улыбку, поспешно добавил: – Когда-то они не сходили с первой полосы новостей.

– Никаких новых объектов зафиксировано не было, да и внезаконники уже несколько лет не давали о себе знать. Все утихло после истории с «Алым Орионом», я тогда еще не была капитаном.

Я хорошо помнила это время. Около трех лет назад, когда лунный туризм только-только достиг пика своей популярности, вооруженная группа людей, прибывших на звездолете под названием «Орион» пыталась захватить коттеджный городок. Численность жертв превысила сотню, после чего пиратский корабль упоминался лишь как алый. В свете событий того дня смертная казнь вновь была узаконена, и участникам захвата была введена инъекция смертельной дозы барбитуратов.

– Вот мы и на месте, – сказала Отем, и я осмотрелся.

Мы стояли около стальной двери, ведущей к зданию института, а стеклянный коридор перед нами все так же тянулся на многие мили вперед.

Отем поднесла свой браслет к двери, и, пройдя авторизацию, мы вошли. Внутри практически не было света, но я тут же почувствовал в воздухе смену температуры, и вскоре с облегчением расстегнул пальто.

В тускло освещенном пространстве перед нами виднелась парочка лифтов и очередной коридор, уходящий вглубь здания.

– Снова лифты, – протянул я.

– Здесь везде сплошные лифты и коридоры, – улыбнулась Отем, – но все это с лихвой компенсируется природой по ту сторону Луны. Ты привыкнешь.

Я не мог с ней не согласиться.

Она вызвала лифт, и, приподнявшись на носочках, коснулась губами моей щеки.

– Поднимайся на последний этаж, там расположена обсерватория. Я поговорю со сменщиком Метьюза, и буду ждать тебя внизу, когда закончишь.

– До встречи.

Войдя в лифт, и хотел пожелать Отем удачи, но она уже исчезла за его закрывающейся дверцей.

Наверху не было ни души, и я с трудом мог различить очертания предметов вокруг. Темнота вызвала у меня ассоциации с открытым космосом, и это ощущение лишь усилилось, когда мне, наконец, удалось увидеть звезды.

Войдя в обсерваторию, и оказавшись под сияющим покрывалом звезд, я отметил про себя, что снаружи это место казалось мне намного меньше. В итоге мне все равно пришлось включить свет, дабы найти для себя рабочее место.

В самом центре зала был расположен немыслимых размеров сенсорный стол, а рядом – несколько кресел, не особо удобных на вид. Я подошел к столу, и, скопировав данные со своего браслета, вывел на экран последние карты звездного неба, сделанные мной. В той части, что отвечала за видимый с темной стороны Луны участок, все еще красовался немалый пробел.

– За дело, – произнес я, и погасил свет.

*

– Но почему Вы не упомянули об этом во время предыдущей беседы с нашими людьми? – удивленно спросила я, когда Блек закончил свой рассказ.

Он развел руками.

– Мне так и не довелось лично пообщаться с военными, – ответил Джоуэлл.

– Но в отчете также нет ни слова...

– Да, я составил его еще до того как мне пришло в голову отмотать счетчики.

– И Вы не потрудились тут же сообщить об этом?

Должно быть, я произнесла эти слова слишком строго, и, замешкавшись на мгновение, Блек принялся оправдываться.

– Закончив все дела, я тут же отправился спать. Пожалуй, это было неосмотрительно с моей стороны, но ведь я так и не нашел ничего объясняющего события той четверти. Простите, Капитан, я очень устал, – и, положив руки на стол, он опустил в них голову.

– Мы все здесь очень устали, – ответила я, и, попытавшись придать своему голосу более доброжелательный тон, добавила: – И мы также очень волнуемся.

– Но, боюсь, мне правда больше нечего добавить, – его голос звучал слишком измученно, и я решила, что пора завершить наш разговор.

– Я вижу. Но Вы ведь непременно сделаете это, если будет такая возможность, не так ли?

Блек медленно кивнул.

– Не сомневайтесь.

– Хорошо, тогда не вижу смысла Вас больше задерживать, – я протянула ему руку, и Джоуэлл пожал ее – В любом случае, благодарю за сотрудничество.

– Нет проблем.

– Кстати, как дела с новым работником?

– Все в порядке, Капитан. Парень не промах, согласился поработать сегодня за меня, а то я уже просто с ног валюсь.

– Очень хорошо. Тогда можете отдыхать.

– Спасибо, Капитан.

И он удалился.

Еще несколько минут я просидела за столом восьмой аудитории, сопоставляя в голове полученные факты и пытаясь привести мысли в порядок, после чего вслед за Джоуэллом направилась в сторону лифтов.

В мыслях возникали запомнившиеся строки из «Дракулы», которую я прочла еще совсем недавно, но со всей этой шумихой, поднятой вокруг исчезновения Метьюза, мне казалось, что это было тысячи лет назад. Подобно Джонатану Харкеру я брела темными коридорами, обдумывая предстоящий разговор с сенатором. На самом деле это был мой первый промах на должности капитана, и я совершенно не знала, что буду говорить.

В который раз я пожалела о том, что Корнуэлла нет рядом. На фоне этих мыслей к душе подкралась давно забытая дрожь. «Должно быть, это и есть волнение», – подумалось мне. Земные чувства, нахлынувшие на меня с новыми силами, в последнее время становились все более заметными. Возможно, дело было в Старлайте: его присутствие вызывало немало эмоций, словно, возвращая меня к жизни. А, возможно, Корнуэлл был прав, и я действительно отличалась от других обитателей м83. Так или иначе, но я больше не могла это игнорировать.

Не сбавляя ход, я связалась с Сириусом.

– Ты быстро, Капитан, – произнес он, – Есть указания?

– Нужно чтоб ты послал нескольких человек для детального обыска кратерной зоны около тринадцатого пункта. И пускай с вами отправляется кто-то из ИИЛП, знающий толк в бурении. Дай мне знать когда закончите.

– Хорошо, а координаты?

– Вышлю через минуту, – ответила я, и отключилась.

Сириус мне всегда нравился. Он был типичным представителем местного населения. Старательно служащий своей стране, он превосходно владел военными навыками, приобретенными в Космической Академии, а главное – не задавал лишних вопросов, если дело принимало серьезный оборот.

Дойдя до лифтовой площадки, я переслала Сириусу полученные у Блека координаты кратера и, прислонившись к стене, ждала Старлайта.

От усталости закрывались глаза, а мысли путались, я чувствовала как проваливаюсь в сон, но уже ничего не могла с этим поделать. К реальности меня вернул звук открывающегося лифта, и я поняла, что сижу на полу.

– Черт, Отем, ты в порядке?!

На лице Старлайта проступило беспокойство, он помог мне подняться.

– Все хорошо, я просто устала, – я обняла его, – пойдем.

– Уверена что ты в порядке?

– Однажды мне пришлось не спать более восьми суток, так что да, Стар, я в абсолютном полном порядке.

Он лишь вздохнул, и мы медленно зашагали обратно к базе.

– Есть новости? – спросил Старлайт, когда мы вошли в тоннель.

Я кивнула.

– Ситуация хоть немного прояснилась? Потому что ты не выглядишь воодушевленной.

– Дело приняло странный оборот, но от этого все стало лишь более запутанным, и, если честно я надеялась, что разговор с Блеком будет более продуктивным.

– И что теперь?

– Дождусь новостей от старпома, а после снова примусь за отчеты Метьюза, его личное дело... любые документы, какие только смогу отыскать, – я вздохнула. – Должно же здесь что-то быть.

Старлайт остановился и посмотрел мне в глаза.

– Ты отличный капитан, Отем, и я знаю, ты не опустишь руки, – говорил он, – но теперь для тебя самое время отдохнуть. Ты выглядишь очень вымотанной и вряд ли сейчас можешь что-либо сделать.

Старлайт был прав, отсутствие отдыха и вновь обретенное волнение как никогда давали о себе знать. К тому же у меня было непреодолимое предчувствие касательно зоны около тринадцатого: я знала, что они ничего там не найдут. К тому же, завтра мне, так или иначе, предстоял серьезный разговор с сенатором, и, за неимением других вариантов, оставалось только выспаться перед этим.

– Должно быть, ты прав. Сейчас я ни на что не гожусь.

Я вдруг вспомнила, что так и не спросила у Старлайта о его работе в обсерватории, и тут же поспешила сделать это.

– Постепенно заполняю пробелы, – ответил он. – Понадобится провести там еще несколько четвертей, и общий план будет в твоих руках.

– Что ж, учитывая обстоятельства, тебе еще не раз представится возможность посетить эту сторону Луны. Можно повысить приоритет твоего пропуска, если хочешь быстрее с этим покончить.

Старлайт улыбнулся и прижал меня к себе.

– Ну уж нет, – ответил он, – у меня совершенно нет желания в одиночку бродить по этим мрачным коридорам.

8 Вечная Роза

Казалось бы, этим вечером я была вымотана как никогда, но вот уже на протяжении второго часа не могла сомкнуть глаз. Мысли о пропавшем сотруднике не желали исчезать из моей головы, все никак не позволяя мне забыться сном. Тогда я решила дать себе еще полчаса, и, поставив одну из пластинок Корнуэлла, завалилась обратно в постель.

Доносившиеся с проигрывателя звуки музыки успокаивали. Вслушиваясь как можно лучше, дабы освободить голову от тревожных мыслей, я старалась припомнить хорошие моменты из своей жизни. Как оказалось, их было не особо-то и много: кое-что из детства, последний день в академии, начало работы на м83, но, так или иначе, все сводилось к Старлайту.

В день нашей первой встречи, лишь взглянув в эти полные энтузиазма глаза, я вспомнила себя прежнюю и ощутила чувство некогда утраченной близости. Так, словно мы уже были знакомы в другом, более радужном периоде наших жизней. Странное было чувство, но меня это не пугало.

Полчаса были на исходе, когда я услышала, как заиграла давно забытая мелодия Бостона, говорившая о «Более чем чувстве», и внезапно мои мысли прояснились. Почувствовав новый прилив сил, я мгновенно сложила проигрыватель и пластинки обратно в коробку, и, не замечая ее тяжести, спустилась на этаж ниже.

В коридорах штаба не было слышно ни звука, я знала, что единственным, кто мог мне встретиться по пути, был дежурный, находящийся в самом низу здания.

Я позвонила, и дверь почти сразу же отворилась.

– Не могу уснуть, – объяснила я. – Не против, если я побуду с тобой?

Старлайт улыбнулся и прижал меня к себе. На нем были только джинсы, и я почувствовала неловкость за то, что, возможно, вытащила его из постели.

– Я рад что ты здесь, милая. И прости, что я в таком виде, на этот раз тебе удалось застать меня врасплох, – говорил он, все еще не выпуская меня из своих теплых объятий.

– Ничего, Старлайт, мне это даже нравится, – рассмеявшись, ответила я.

Он улыбнулся, и заглянул мне прямо в глаза. В этот момент мне подумалось, что никогда прежде ни один мужчина не смотрел на меня так, как сейчас он.

– Что в коробке? – спросил Старлайт.

Я улыбнулась.

– Сейчас увидишь. Мой старый друг кое-что оставил для меня, прежде чем вернуться на Землю, – говорила я, распаковывая коробку. – Мне кажется, теперь я стала более чувствительна ко всему, что происходит вокруг.

Стар заинтересованно смотрел на меня.

– На протяжении последнего месяца музыка помогает мне справляться со всяческими переживаниями, – объяснила я.

После этих слов я увидела сияющие огоньки в глазах Старлайта.

– Ничего себе, – произнес он, разглядывая стопку пластинок, – Я могу взглянуть?

– Конечно, – улыбнулась я. – Помоги мне выбрать, что поставить.

Невероятно чудесно и приятно было наблюдать с какой искренней, чуть ли не детской радостью Старлайт держал пластинки в своих руках.

– Эту, – определившись с выбором, сказал он, и протянул мне «Шоссе Красных Роз» Маккартни и группы «Крылья».

– Хорошо.

Я поставила пластинку.

Старлайт принес немного виски, и мы расположились на уютном диване в центре комнаты.

– Винил совсем иначе передает музыку, ты заметил? – сделав глоток виски, спросила я.

– Да, я понял это еще в самом детстве.

– Удивительно замечать такие вещи только сейчас.

– Знаешь, почему я выбрал именно это пластинку?

Я покачала головой, не сводя со Старлайта глаз.

– Меня подтолкнул к этому твой рассказ о розовом поле, – он улыбнулся и, словно смутившись, продолжил: – На самом деле меня сразу же очаровала эта идея, и она не отпускает меня до сих пор. У меня даже был сон, в котором я неустанно прогуливался по полю, заполненному алыми розами. И эта книга...

– Темная Башня, – подсказала я.

– Да, я вспомнил, что читал ее многие годы назад.

– Я обнаружила ее в стопке оставленных мне книг. На самом деле я только начала читать ее. До этого хотела взяться за Коллинза, но, увидев обложку и это поле на ней, просто не смогла устоять.

– После этого сна, – говорил Старлайт, – я кое-что вспомнил. В этой книге описывался образ розы, растущей в мире хаоса, и при одном лишь взгляде на этот цветок сердце трепетало как никогда, а слезы наворачивались на глаза – настолько она была прекрасна... – он отставил стаканы с виски, и провел рукой по моей щеке и волосам, – И тогда я подумал о тебе, Отем.

Все еще не в силах произнести ни слова, я обхватила его шею и поцеловала губы, горячие как и его сердце.

*

Следующим утром я открыла глаза за полчетверти до начала совета. Еще никогда прежде я не чувствовала себя столь спокойно; все вчерашние проблемы отошли на второй план и даже теперь, когда мне совсем скоро предстояло объясняться с сенатором Куинном, это больше не тревожило меня, ведь я сделала все, что смогла.

Пластинка с розовым шоссее все еще наполняла комнату сладким шумом, но теперь ее звучание было намного тише. Какое-то время я просто лежала на груди Старлайта, наблюдая как окутанное сном, его тело вздымалось с каждым новым вдохом. На его лице, аккуратно над левым уголком губ и кое-где под бородой, виднелись небольшие родинки, и я мысленно удивилась тому, что не замечала этого прежде.

Решив выпить кофе, прежде чем отправляться на утреннее построение, я попыталась осторожно подняться с постели, дабы не разбудить Стара, но стоило мне только сделать это, как он глубоко вздохнул и, протонав что-то, открыл глаза.

– Привет, сладкая, – все еще сонным голосом произнес он.

– Доброе утро, – улыбнулась я. – Я как раз собиралась сварить кофе.

– Погоди, давай полежим еще немного, – попросил Старлайт.

Не будучи в силах отказать, я вернулась в его теплые объятия.

– Знаешь, – говорил Старлайт, медленно проводя рукой по моей спине, – тебе определенно не идет это имя.

Я удивленно подняла брови, спросив: «Почему же? Оно мне всегда нравилось.», но тут же улыбнулась, ведь и так знала ответ.

– Да, согласен, имя красивое. Но, как по мне, ты больше похожа на раннюю зиму, или рождественское утро.

Почувствовав, что краснею, я постаралась скрыть это, и тут же ответила:

– Не забывай, что я не всегда была такой как сейчас. Когда-то это имя действительно было мне к лицу, милый.

– Правда? – заинтересовался Старлайт, и, приподнявшись на локтях, внимательно посмотрел на меня. – А какой ты была?

Я пожала плечами.

– Совсем другой. В чем-то очень похожей на тебя.

– С карими глазами? – догадался Старлайт.

– Да, и к тому же у меня были каштановые волосы с золотым отливом. Так что я очень даже напоминала золотую осень, – я улыбнулась, и добавила: – Ну, и как ты можешь догадаться, я никогда не была настолько бледной.

– Надо же, – протянул Старлайт, – Мне и впрямь сложно представить тебя такой.

Я опустила глаза.

– Но уверен, – продолжил он, – если я когда-нибудь увижу тебя прежней, то непременно влюблюсь еще раз. Бесконечное количество раз.

Все еще краснея, я крепко поцеловала его, и Старлайт ответил тем же.

– Так как насчет кофе? – предложила я.

*

Старлайт отправился в ИИЛП, а я, заскочив к себе, наспех накинула форму, и как раз вовремя подоспела к построению.

Шеренга солдат выстроилась в огромном холле правого крыла здания штаба. Я неспешно шагала вдоль нее. Честно говоря, мне уже немного наскучило заниматься этим каждое утро. Сириус отлично справлялся с построением в мои выходные, и я уже давно подумывала поручить ему еще парочку дней в конце недели. Конечно, не столь важных как сегодняшний.

Зная Сириуса, я с уверенностью могла сказать, что он вряд ли стал бы отказываться. К тому же, желание дополнительно работать с его стороны в будущем самым что ни на есть положительным образом повлияет на выдвижение его кандидатуры на мой нынешний пост. Обычно старпомы не становились капитанами, а сменялись вместе или через несколько лет после ухода последних, но я всегда считала Сириуса Уайта идеальным приемником. За все годы, проведенные здесь, а также в Космической Академии я все еще не встретила более подходящего для этой должности человека, обладающего теми лидерскими задатками, которые имелись у Сириуса. При всем этом, они никогда не мешали его работе на должности ниже моей, и это являлось еще одним неоспоримым достоинством старпома.

По обыкновению, до мозга костей залегшем в моем сознании, я опросила десант об обстановке. Как и всегда, все мои предыдущие приказы оказались безукоризненно выполненными.

– Теперь о наболевшем. Что с кратерной зоной у тринадцатого? – спросила я, сейчас этот вопрос волновал меня сильнее всего. – Кто отвечает за обыск территории?

Светловолосый солдат с невозможно яркими серыми глазами сделал шаг вперед из первого ряда.

– Сержант Фостерс, Капитан.

– Докладывайте, Сержант.

– В прошедшие сутки на протяжении одной четверти указанная зона была подвержена обыску. Задействованы были четверо солдат, включая меня. Следуя Вашим указаниям, мы также прибегли к помощи двух специалистов по бурению лунной поверхности: докторов <хуйзнает> и <нухуйегознает>. В результате исследования, зафиксированные ранее датчиками толчки были подтверждены. Они взяли начало при семидесяти шести метрах под уровнем поверхности, и на протяжении небольшого отрезка времени достигли самой высшей и, казалось бы, невозможной точки – восемнадцати метров *над* уровнем поверхности. Об этом также свидетельствуют повреждения, оставленные на самой поверхности, которые Джоуэлл Блек, вероятно, и счел за следы бурения. В ходе поисков ни исчезнувший луноход,

числящийся под номером одиннадцать, ни сам Джек Метьюз, или какие-либо следы пребывания в указанном участке последнего, не были обнаружены.

Затаив дыхание, я ошарашено смотрела вперед себя, не будучи в состоянии вымолвить и слово.

– Я также передал Вам письменный отчет о вчерашних действиях, – добавил Фостерс. – Он уже на Вашем столе, Капитан.

– Большое спасибо за помощь, Сержант, – наконец ответила я, и, увидев ошарашенный взгляд солдата, тут же скомандовала: – Вольно.

На пути к выходу мне встретился Сириус. Он предложил позавтракать, но в этот раз я отказалась: мне всегда лучше думалось на голодный желудок, а сейчас как никогда важно было трезво мыслить. Тогда старпом в одиночку отправился в столовую, а я вышла на улицу.

Все еще шокированная последними новостями, я шагала в сторону стоянок. Вокруг все было прежним, но мне оно виделось в еще более серых тонах, чем можно бы было представить. В голове мелькнула мысль о том, что если бы здесь мог пойти дождь, он бы сейчас непременно пустился. Нет, не дождь – ливень.

Хоть мне казалось, что корабль двигался невыносимо медленно, на ЭСКМО я прибыла гораздо раньше обычного, и все оставшееся до совета время просто болталась на стоянке, не замечая здешнего холода.

Наконец, я услышала звук приближающихся кораблей, и напряженно вздохнула: пора подниматься в Зал Совета. Не желая сейчас болтать с кем-либо из капитанов, я ускорила шаг и вскоре первой появилась перед сенатором.

Мы обменялись рукопожатиями, и я решила, что правильней будет с глазу на глаз доложить ему об обстановке. Выкладывая все как есть, я старалась смотреть в глаза сенатору, но мой взгляд, то и дело, скользил в сторону собственных ботинок.

Закончив рассказ, я кое-как нашла в себе силы, и взглянула в глаза сенатору Куинну. К моему удивлению, его лицо оставалось все таким же беспристрастным.

– Дезертир, – наконец, заключил он.

Я постаралась как можно лучше скрыть свое удивление.

– Но у Джека Метьюза прекрасная репутация. И это при том, что ему оставался всего год до пенсии, – напомнила я.

– Дезертир, – не сводя с меня глаз, повторил сенатор.

– Но, сер, – не унималась я, – это противоречит фактам. И, к тому же, всем существующим законам физики. Как, по-вашему, ему удалось бежать? На луноходе?

– Послушайте, капитан Раст, я в этом деле намного дольше Вашего, и способен с полуслова раскусить дезертира. Знаю я таких парней. Сначала они показывают себя как истинно прилежных работников, а после бегут при первой же возможности. По окончании совета я сообщу о нем на Землю, и как только Метьюз объявится, а будьте уверены, он объявится, наши люди тут же его перехватят.

– А как же толчки?

– Всего лишь попытка запутать нас и не более. Вы ведь сами сказали, что они, якобы, достигли невозможной высоты. Тут-то Метьюз и прокололся. Уверен, при более детальном расследовании таких несостыковок окажется гораздо больше, чем Вы думали. Проверьте, все ли корабли на месте.

– Уже. Все они на базе, сенатор.

– Что ж, – протянул он, – тогда это могло быть и незарегистрированное судно. Узнайте, не велось ли в последнее время строительство новых кораблей.

– Только одного, сер.

– Подробней?

– Это тестовый корабль для Профессора Рока. Проект возглавляет доктор Штернбрер. Судно будет готово к концу следующей недели.

– Уверенны, что корабль не был готов ранее?

– Да, сенатор, – ответила я, – я проверила его наличие в Институте Исследований Лунной Поверхности.

– Хорошо. Считайте, что Вы передали это дело мне. Теперь можете забыть о нем и вернуться к своим привычным обязанностям, – он ухмыльнулся.

От этой улыбки мне стало как-то не по себе.

– Может, все-таки присядете, капитан Раст?

Я кивнула и молча опустилась в свое кресло. Через минуту дверь отворилась, и зал наполнился приветствующими друг друга капитанами.

Совет начался.

*

По окончании всей этой суеты, я была рада вернуться в свою комнату и провести вечер за чтением «Темной Башни». Доносившая из проигрывателя музыка ненавязчиво нарушала привычную тишину этих стен.

К середине вечера в дверь позвонили. Это вряд ли мог быть кто-то из солдат, обычно, они связывались со мной дистанционно. Должно быть, это Старлайт, решила я и, отложив книгу, направилась к двери.

Я не ошиблась, на пороге, спрятав одну руку за спину, стоял Стар.

– Ну, как ты? – спросил он, увидев мой расстроенный вид. – Сенатор плохо воспринял эту новость?

– Вовсе нет, – ответила я.

Старлайт удивленно вскинул брови.

– Но ты подавлена, – произнес он.

– Да, так и есть...

– Прежде, чем ты что-либо скажешь, я хочу подарить тебе это, – он улыбнулся и протянул мне прекрасную алую розу, помещенную под стеклянный колпак.

Этот его жест тронул меня до глубины души, и я все еще не могла поверить своим глазам.

– С ума сойти, Старлайт, – говорила я, не в силах отвести взгляд от красоты цветка. – Я очарована.

Он улыбнулся еще шире.

– Ведь я не видела роз уже больше...

– Десяти лет, знаю, – он взял мою руку и трепетно поцеловал ее.

Поставив цветок на столик рядом с книгами, я отвела Старлайта на кухню, и приготовив кофе, потянулась за бутылкой коньяка.

– Но как тебе удалось ее достать? – спросила я. – Это ведь вечная роза.

– Она со мной с самого детства, – говорил Старлайт, не выпуская моей руки из своей. – Стояла на старом дедовском рояле многие годы, и не раз придавала мне вдохновения. Теперь она твоя.

– Ты играл? – удивилась я.

– Да, в наше время это мало кого интересует, но меня всегда захватывала музыка. Как же мне этого здесь не хватает, – мечтательно произнес он.

– Но почему ты прекратил?

– Я никогда не прекращал, – улыбнулся Старлайт, взяв из моих рук чашку с кофе.

*

Ближе к ночи я рассказала Старлайту о разговоре с сенатором Куинном. Внимательно меня выслушав, он, к счастью, не испытывал всеобщего спокойствия.

– Тебе ведь тоже кажется это странным, не так ли? – спросила я.

– Абсолютно, – согласился Старлайт.

– Меня это очень беспокоит, и вызывает так много вопросов. Здесь явно то-то происходит. Вот только я никак не могу понять, что, а все вокруг словно не хотят открывать глаза.

– Послушай, милая, я полностью разделяю твое беспокойство, но, боюсь, мы оба здесь бессильны, так что нам не остается ничего, кроме как продолжить свою работу. Просто не забывай об этом.

Его слова успокоили меня, но только на время.

9 Земля

Уже который вечер подряд я усаживался в садовое плетеное кресло на заднем дворе своего дома в Кентуки, и с наслаждением наблюдал, как над городом сгущались первые сумерки. Радиоприемник, стоящий на веранде еще с самых незапамятных времен, передавал «Где-то за радугой» Томаса Ньюмана. Подобные радиопередачи сейчас были редкостью. Их слушал лишь небольшой процент земного населения, и, большей частью, это были такие же старики как я, всю жизнь скушающие по былым временам.

В моей руке покоился стакан бренди. Кубики льда в нем медленно покачивались в такт музыке.

Как же чертовски хорошо было, наконец, вернуться домой спустя все эти годы. Столь многое я потерял, находясь вдали отсюда, но сейчас для размышлений были вещи и поважней моего спокойствия...

И все же, насколько приятным было для меня находиться в этом загородном уединении. Стоило мне лишь сойти с трапа космического корабля, и я тут же почувствовал себя прибывшим на чью-то чужую планету. Вокруг все было столь мобилизовано... Для каждого ребенка в порядке вещей было иметь хотя бы одну галаграфическую модель солнечной системы, а от владелицы космической лавки напротив своего дома я узнал, что воздушные галактики в последнее время стали просто нарасхват.

Поразительно было наблюдать, как люди тянутся ко всему космическому, забывая при этом об истинно земных вещах. Откровенно говоря, я и сам когда-то стремился стать таким. На то были свои причины, но я все же никогда не прекращал ценить красоты простых вещей. А тогда, шагая по улицам, насквозь пропитанным искусственностью, я думал лишь о том, что наличие хотя бы одного деревца на целый квартал для этого мира – уже неплохо.

Человечество вымирало. Оно стремительно катилось к гибели, не замечая этого и с радостью падая в темную пропасть. Нет, численность населения оставалась прежней. Исчезали их души.

Каждое здание, что встречалось на моем пути, каждый диалог – все это отдавало невыносимой сухостью, но, войдя в свой сад через старую, скрипящую (точно как и раньше) калитку, я почувствовал облегчение – вот теперь я был дома.

У меня все еще оставалось одно незавершенное дело на Земле. Все те долгие годы вблизи Луны я ни на минуту не забывал об этом, но вот я здесь, и прошло уже более двух месяцев, а я все никак не мог найти в себе сил, дабы завершить начатое.

Конечно, я осознавал, что времени у меня оставалось не так уж и много. Было бы безумием это отрицать. Но пока я здесь и пока я жив, для меня существовали всего лишь две задачи, которые нужно было решить.

Опустошив стакан, я еще разок обвел взглядом улицу: на ней стало заметно темней, а кое-где уже загорались первые фонари.

Поднявшись, я направился к дому.

Сухие поленья тихо потрескивали в камине при соприкосновении с пламенем. Перекусив несколькими сырными тостами, я принес из дальней комнаты стопку фотоальбомов и, устроившись у огня, принялся рассматривать снимки. Сменяясь один за другим, они напоминали мне о годах, прожитых на Земле – самом счастливом времени в моей жизни. Вот я держу на руках Роуз, а Лили радостно размахивает бенгальскими огнями. А здесь уже Роуз постарше и вместе с сестрой помогает маме срезать головки одуванчиков для моего фирменного вина.

– Моя дорогая Амелия, – произнес я, осторожно проводя рукой по снимку жены, – как же сильно мне тебя не хватает.

Я взглянул на следующий снимок, и невольно улыбнулся. На нем семилетняя Роуз пыталась взять на руки Хенка, нашего пса. Мне отлично помнилось то утро. Мы с женой получили долгожданный отпуск и в первый же его день всей семьей отправились к морю. Путь был не близким, ведь уже тогда нетронутую корпорациями природу найти было крайне сложно, но оно того стоило, ведь уже спустя три дня мои девочки радостно плескались в пене серебристых волн.

Вместе с этими воспоминаниями пришли и другие. Те, что на протяжении многих десятилетий я старался запереть в самом дальнем уголке своего сознания, и вот теперь они вырвались наружу, заставляя мое сердце биться в тысячи раз быстрее. В голове мгновенно всплыли картины, навеки оставленные в моей памяти тем утром. Я видел обломки своего бьюика, разлетевшиеся по трассе. Рядом лежали тела моих девочек, в которых еще секунду назад теплилась жизнь. Столкновение отбросило их на несколько метров от машины, но это уже не имело значения.

Тошнотворный ком подступил к горлу, стало сложно дышать, и на мгновение мне показалось, что все закончится в эту самую минуту. Но я прокашлялся и, поднявшись на ноги, потянулся за шляпой и пальто.

Нужно было действовать, и прямо сейчас.

*

Бредя по унылому холлу Госпиталя Падших Ангелов, я подловил себя на том, что с каждой секундой все заметней замедляю шаг. Это место всегда вызывало в моей душе невыносимую дрожь и на протяжении многих лет являлось мне в кошмарах.

Мы все от чего-то бежим. Все время на м83 я скрывался от собственной боли. Теперь же наступило самое время взглянуть страхам в лицо.

Я подошел к стойке регистрации, за которой сидела девушка с бейджем, на котором виднелось ее имя: «Джинни».

– Могу я видеть пациентку из 113-й палаты? – как можно уверенней произнес я.

– Ваше имя? – спросила девушка, по-прежнему не отрываясь от компьютера.

– Джуд Корнуэлл.

Услышав мое имя, Джинни машинально поправила очки и ошарашено уставилась на меня своими зелеными глазами. Другой бы счел этот жест неприемлемым, даже оскорбительным, но я ее за это не винил.

– Присядьте, мистер Корнуэлл, – сказала она, взяв себя в руки. – Я пошлю за доктором Бёртоном.

– Стивеном Бертоном? – уточнил я.

Девушка посмотрела на меня с еще большим удивлением.

– Доктор Стивен Бертон отошел на покой двадцать лет назад, сер. Теперь Вашим делом занимается его сын, Орландо.

– Благодарю, – ответил я, и присел на белоснежный диван, стоящий около восточной стены.

Несмотря на позднее время, доктор появился гораздо быстрее, чем я предполагал. Он был высок, подтянут и выглядел лет на сорок, хотя в его каштановых кудрях уже виднелись первые проблески седины.

– Доброй ночи, мистер Корнуэлл, – он протянул мне руку.

Я облегченно вздохнул, заметив, что доктора вовсе не ошеломило мое появление. Он вел себя так естественно, словно я навещал его в госпиталь каждые выходные.

– Отец говорил мне о Вашем деле. Давайте пройдем в мой кабинет.

– Хорошо, – ответил я, – Но для начала можно мне к ней?

– Конечно. Вас провести?

Я горько улыбнулся.

– Не стоит, доктор, я все еще помню дорогу.

И поднявшись, я на ватных ногах зашагал навстречу самому жуткому из своих кошмаров.

*

Глубоко вздохнув, я вошел в палату.

Роуз неподвижно лежала на белоснежных простынях около прикрытого окна. Она выглядела такой же спокойной и красивой, какой я оставил ее здесь семь десятилетий назад.

Стараясь подавить слезы, я сжал ее хрупкую руку в своей ладони.

«Мы все от чего-то бежим», – неустанно повторял голос в голове, и словно стараясь перекрыть его, я произнес сквозь слезы:

– Я вернулся, дорогая.

... и не узнал звук собственного голоса.

Столь многое мне хотелось сказать ей, но я больше не смог вымолвить и слова, так что я устало опустился в одно из кресел и, не выпуская руки Роуз, в тишине слушал ее еле уловимое дыхание.

Несмотря на свой преклонный возраст, я еще никогда в жизни не чувствовал себя настолько старым и беспомощным как в этот самый момент. Прежние деньки остались далеко позади, где-то за радугой и ясным небом. Пора было взглянуть реальности в лицо.

Напоследок поцеловав дремлющую Роуз, я провел рукой по ее седым волосам.

– Я найду тебя где-то за радугой, дорогая. В стране с ясного неба и сбывшихся надежд.

*

– Вы уверены в своем решении? – спросил доктор Бёртон.

Я кивнул.

– Что ж, если хотите знать мое мнение, Вы не ошибаетесь. Деньг, что Вы высылали на протяжении последних лет, хватило бы на строительство еще одного госпиталя, – продолжал он, – но, к сожалению, в случае Вашей дочери мы бессильны.

– И я готов отдать все до последнего, если бы это только могло помочь ей проснуться, – сказал я, стараясь не поднимать покрасневшие от слез глаза.

Доктор Бертон ничего мне не ответил. Он лишь поднялся со своего кресла и, подойдя ко мне, понимающе положил руку на мое плечо.

– Тогда пройдемте в палату, – наконец произнес он.

Я вновь кивнул и мы зашагали по ярко освещенному коридору.

10 Сон

Я по-прежнему стояла около круглого окна своей комнаты, круглосуточно передающего заманчивые земные огни. Не помню, как долго я пробыла здесь, возможно, всего час, или целые сутки... Я уже давно потеряла счет времени. Картина перед моими глазами была столь чарующе прекрасна, что я готова была не сводить с нее глаз веками.

Откуда-то издалека непрерывно доносилась безмолвная космическая музыка. Она касалась моей души, словно ледяная капля в жаркую летнюю ночь, наполненная приятным током, и пронизывала каждый сантиметр пространства вокруг. Казалось, музыка была внутри меня самой. Было странно и не совсем понятно, как такое могло происходить, но мне не было никакого дела до этих пустых вопросов. Единственным моим желанием сейчас было находиться на этом самом месте, вглядываясь в бесконечную темноту звезд, среди которой невидимо вращалась моя родная планета. И каждый раз это зрелище заставляло сердце на миг замирать, а после – стучать пуще прежнего.

В голове пронеслась еле различимая мысль о Розе Роланда. Это определенно могла быть она, ведь время способно преобразить все до неузнаваемости, так почему бы и нет?

Внезапно я заметила новые огоньки, появившиеся на самой поверхности Земли. Несоразмеримые с предыдущими, невероятных размеров вспышки света продолжали мелькать и разрастаться сплошь и рядом. Но мне совсем не нравился этот свет: он был чужим, холодным, и вызывал необъяснимое отчаянье в моей душе. И, все же, что я могла поделать, будучи здесь, за тысячи километров от Земли?

А вспышки тем временем продолжались. Они затмевали все вокруг себя с такой скоростью, что теперь неохваченные ими участки предрасслаивались в редкие пятна, безвозвратно исчезающие с каждой секундой. И тогда я поняла, что это были взрывы, поглощающие все на своем пути.

От собственной беспомощности становилось сложно дышать, а сердце раз за разом разбивалось на части, но, словно парализованная я, затаив дыхание, продолжала стоять у окна с широко раскрытыми глазами.

Мелодия космоса также утратила свою красоту, она беспощадно гудела, пронзая своими ядовитыми иглами даже воздух, в то время как с полотна Земли пропало последнее нетронутое вспышками пятно. Вскоре и сама Земля обратилась сплошным огненным шаром, на миг зависла в воздухе, а после осветила своим пламенем все вокруг, и навсегда исчезла в темноте ночи.

Внезапно я услышала чей-то пронзительный, преисполненный болью крик. Он звучал совсем близко, но, оглянувшись по сторонам, я с удивлением отметила, что рядом никого нет. Крик продолжал звучать. Сквозь него я услышала встревоженный голос Старлайта. Он непрерывно

повторял мое имя. Мгновеньем спустя я почувствовала, как кто-то коснулся моего плеча, открыла глаза, и поняла, что это кричу я сама.

– Отем, дорогая, очнись, – говорил Старлайт, и, увидев, что я проснулась, прижал меня к себе.

Немного отдышавшись, я обняла его в ответ, и вскоре почувствовала, что теплые руки Стара гладят мои волосы.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

Я изо всех сил постаралась улыбнуться.

– Да, в полном, как и всегда. Всего лишь дурной сон.

*

– Проходи, – улыбаясь, произнес Штернбрер, и исчез в дверном проеме.

Последовав за ним, я оказался в просторном купольном зале верхнего яруса института. Несмотря на его внушительные масштабы, здесь было практически пусто. Лишь в самом центре меня ждал новенький блестящий звездолет. Он был небольшой, по сравнению с теми, что я видел прежде.

– А вот и он, – ликующе произнес Штернбрер, и перекаывая догоравшую сигарету из одного уголка рта в другой. – Моя последняя модель. В своей компактности он не уступает автомобилю класса J, хотя начинка та же, что и в военных кораблях.

– Потрясающая работа! – воскликнул я, осматривая блестящий корпус судна.

Штернбрер шутливо поклонился.

– Постой, с советом точно не возникло проблем?

– Можешь даже не беспокоиться на этот счет, – отмахнулся он. – Они всего-то настояли на стандартных мерах безопасности, как я и думал.

– Каких же?

– Вместе с твоими картами я снабдил систему контактами всех сотрудников базы и проверил, работает ли связь.

Я согласно кивнул.

– А теперь взгляни-ка на это, – Штернбрер указал мне на надпись, выгравированную на передней панели корабля.

– РокСтар, – прочитал я, и широко улыбнулся. – Ну, ничего себе, не знаю, что и сказать. Спасибо, Август, – я горячо пожал ему руку.

Штернбрер облокотился на корпус корабля и закурил очередную сигарету.

– Не можешь дождаться полета? – подмигнул он.

*

Прислонившись к окну, Отем заворожено смотрела на сияющую вдали Землю.

– Уже совсем скоро ты будешь там, – тихо произнесла она и улыбнулась.

Подойдя ближе, я увидел в стекле отражение ее прекрасных глаз. Но, все же, я не мог не заметить скрывающейся за всем этим печали. Со мной Отем действительно стала более чувствительной, а значит, прятать эмоции для нее теперь также было трудней. Хотя тень печали в ее глазах была так заметна, я подумал, что, должно быть, девушка еще сама не догадывается, насколько это очевидно.

Все так же, не оборачиваясь, Отем впитывала взглядом земные огни, когда я обнял ее за талию и коснулся губами фарфорового плеча. Тогда она вновь улыбнулась и, обняв меня за шею, нежно поцеловала.

– Ты тоскуешь по дому? – спросил я.

Она вздохнула и немного повременила с ответом.

– Скорей всего, я должна ответить «да». Но правда в том, что на самом деле у меня просто нет на Земле ничего, по чему я могла бы тосковать, Старлайт.

Я не знал, что и сказать.

– Знаешь, – продолжала Отем, – когда я только прибыла на м83 и впервые встретила с Корнуэллом, главным инженером этого места, он спросил, от чего я бежала. Ведь, по его мнению, все, кто решает провести здесь хотя бы десятилетие, напроосто скрываются от чего-либо. А я ответила, что это не так, и солгала, – она печально улыбнулась, – тогда мне еще под силу было сделать это.

– Значит, тебе что-то мешает вернуться?

Отем задумчиво кивнула.

– Долгое время мне было сложно осознать это. Ты первый кому я призналась.

– Но прошло так много времени, – произнес я, – Разве это не должно было хоть что-то изменить?

– Не знаю. Года прошли на Земле, а здесь время для меня словно замерло, и я понятия не имею, что ждет меня за пределами базы. Но, скорей всего, мне просто не к чему возвращаться.

К сожалению, для меня время не стояло на месте, и я знал, что скоро должен буду покинуть ее, пускай и ненадолго. Но сейчас мне было невероятно сложно выпустить любимую из своих объятий, так же, как и поверить в то, что такой волшебный человек как Отем действительно может быть столь одинок.

Все же, я всем сердцем чувствовал это.

– Уже назначен день для полета? – словно прочитав мои мысли, спросила она.

– Двадцать девятое января.

– Так у тебя есть еще несколько недель, – улыбнулась Отем. – Волнуешься?

– Несомненно. Чертовски волнуюсь, если честно. Я ведь никогда прежде самостоятельно не летал. Но я также очень жду этого момента, так что все это время проведу в тренировках.

11 Листья Травы

Страницы «Листьев Травы» приятно шуршали под моими руками, когда я переворачивала их одну за одной. Темно зеленый томик был прочитан ровно наполовину. Теперь, что бы не случилось, я всегда возвращалась к чтению. Меня это успокаивало, унося мысли далеко-далеко, тем самым приводя содержимое головы в порядок.

Мне нравилось то, о чем писал Уитмен, хотя многие из этих строк были мне не совсем понятны. Казалось, без предыстории здесь не обойтись. Постепенно, тщательно вчитываясь в каждое слово, я приблизилась к поэме с кричащим названием: «О, капитан мой, капитан», но прежде чем я успела прочесть ее, кое-что привлекло мое внимание. Нет, это было даже не само название. Внизу на полях, сразу под текстом, я увидела несколько строк написанных мелким слегка закругленным почерком, в котором тут же узнала руку Корнуэлла.

О, Капитан мой, Капитан,

Столь многое мне хочется сказать тебе, но это рискует поставить под угрозу не только твою карьеру, но и жизнь, а посему я готов попридержать коней, но лишь на время.

Вспомнив об этом стихотворении перед тем, как отдать тебе книги, я не смог удержаться. На этой странице ты найдешь номер, соответствующей ячейке камеры хранения, что находится в туристическом космодроме. Там тебя ждет еще одно и, на этот раз, действительно последнее письмо. Пароль для доступа к нему также скрыт на этой странице. Для того, чтоб узнать его, тебе достаточно лишь вспомнить тайну золотого жука. Но я настоятельно прошу тебя не делать этого вплоть до последнего момента, потому что только так ты сможешь уберечь себя. Поверь мне, дорогая, когда настанет время, ты поймешь меня так же хорошо, как понимала и множество раз до этого.

На этом запись обрывалась. Я прочла ее дважды, дабы убедиться, что ничего не упустила, а после в замешательстве села на кровати. Еще недавнее желание на протяжении всего вечера наслаждаться поэзией как рукой сняло. Хотелось бросить все и поскорей отправиться на космодром. Но я твердо решила прислушаться к Корнуэллу и в этот раз: прежде он никогда не подводил меня.

Так я и просидела весь остаток вечера, размышляя над запиской и думая, стоит ли мне выходить из комнаты, пока, в конце концов, не уснула, забыв погасить свет.

12 Полет

Всю прошлую ночь я долгое время не мог уснуть из-за возбуждения, нахлынувшего на меня в канун предстоящего полета. Отем мирно спала рядом, положив руку на моей груди, тогда как я просто наслаждался ее присутствием и предвкушал наступающий день.

Несколько лишенных сна часов казалось мне до невозможности затянувшейся вечностью и проведя таким образом еще какое-то время, я вынужден был признаться самому себе в том, что уже вряд ли смогу уснуть этой ночью: слишком уж я перевозился. Теперь нужно было успокоить нервы и постараться отвлечься.

Лучше всего меня удавалось отвлечь Отем, но так как она уже давно спала, я обратил свое внимание к другим вещам, не раз спасавшим меня в подобных ситуациях. Обычно, это была работа над звездными картами, и, конечно, музыка.

Стараясь не потревожить Отем, я бережно убрал ее руку, и окончательно встал с постели.

За окном стояла умиротворяющая картина, и, глядя на россыпи звезд, я думал о том, что уже спустя несколько часов окажусь среди них.

Усевшись как можно дальше от кровати, я запустил свой браслет. После нескольких секунд загрузки в пространстве передо мной возник невидимый экран, на котором с невероятной правдоподобностью отображался мой проект: сияющие трассы, тянущиеся от Земли к Луне и обратно, зависли среди тысячи звезд. Предполагалось, что их ширина достигнет около 80-ти метров, но ввиду того, что (благодаря моим картам) путь к Луне, прежде длившийся 83 минуты, теперь должен был стать заметно короче, что уже никак не вязалось с названием компании, я решил добавить к ранее запланированной ширине дороги еще несколько метров. Таким образом 83 минуты превратились в 83 метра.

Края моих дорог в космическом пространстве определялись бесконечным количеством голубых огней размером с телефонную будку, установленных через каждые 5 метров. Увидев их однажды на моем макете, Отем сказала, что они напомнили ей сверчков из какого-то старого мультфильма. С той поры дорожные огоньки стали зваться сверчками.

Я разглядывал план дорог и с замершим сердцем осознавал, что теперь это нечто большее, чем просто мечта. Если сегодня все пройдет гладко, уже с началом третьей четверти начнется строительство.

Эти мысли немного успокаивали, и вскоре я перешел ко второй части своего проекта. Той, которую еще предстояло доработать – отрезок маршрута и частичка звездного неба, берущие место непосредственно за той частью Луны, которую было принято называть светлой.

Вот передо мной предстала совсем иная, веющая холодом картина темной половины. В этот момент я подумал о несчастном Метьюзе, с которым никогда прежде-то и не был знаком, и

искренне пожелал тому (вопреки здравому смыслу) оказаться дезертиром. Ведь иначе...сложно было представить его дальнейшую участь.

Свет от голографической проекции моего браслета падал на постель, и я заметил что Отем пошевелилась. Тогда я уменьшил изображение до минимально приемлемого для работы с ним, но это не особо помогло, а потому мне пришлось на время свернуть работу. Немного подумав, я решил переместиться в комнату отдыха, а после, возможно, немного пройтись.

Одевшись, я взял пальто и направился к выходу, но на половине пути остановился и взглянул на сладко дремлющую Отем. Мне вдруг захотелось оставить ей записку. Удивительно... В смысле, ну кто теперь занимается подобными вещами, когда различные устройства моментальной связи всегда при тебе? Но я лишь отмахнулся от этих так себе аргументов.

Ручка для <сенсорного?> стола у меня была. Она отлично подходила и для бумаги. Единственной сложностью оказалось найти хоть какой-нибудь лист. Этой ночью мы остались в моей комнате, и я вообще не был уверен, что где-то здесь может быть что-то подходящее. Пришлось перерыть все свои вещи, но в итоге я кое-что нашел. Передо мной лежали два снимка. Один из них – мое первое фото луны – был со мной с тринадцати лет; я сделал его, будучи совсем ребенком, так что изображение было немного нечетким. Другой, прибывший вместе со мной из Страны Садов – той части Парижа, что по-прежнему сохраняла свой цветущий вид. Мне довелось побывать там чуть менее года назад – деловая поездка, темы которой я уже совсем не помнил, зато восхищение от увиденных в тот день красот надолго поселилось в моей памяти.

Поколебавшись немного и сравнив обе фотографии, я, все же, выбрал вторую, и, перевернув ее, написал на обратной стороне:

Всю ночь не мог уснуть из-за предстоящего полета,

решил немного поработать.

Буду в комнате для отдыха,

а позже, возможно, прогуляюсь в городок.

Я уже давно поглядываю на тот кинотеатр.

Стар

Я отложил ручку и перечитал записку. Уже собирался опустить фото на одну из подушек около головы Отем, но тут же взял ручку обратно, и чуть выше своего имени дописал: «Люблю тебя».

Затем я положил карточку куда и собирался, и вышел из комнаты.

*

Новый день встретил меня запиской Старлайта. До полета оставалась всего четверть, но, несмотря на повисшее в воздухе волнение, я чувствовала себя абсолютно спокойно. Должно быть, таким образом на мне сказывался длительный и здоровый сон.

Выйдя из душа, я отложила завтрак и распитие кофе на террасе (ставшие уже традиционными в выходные дни), и отправилась на поиски Старлайта. Его записка навеяла на меня некое

чувство ностальгии. И хотя я никогда не жила во времена, лишенные технологического обилия, мне вдруг показалась совершенно неправильной мысль просто позвонить Стару. Хотелось прогуляться по солнечным аллеям городка, и, немного замерзнув, найти его сидящим в небольшом кинозале.

Но я застала его спящим в зале отдыха. Вокруг не было ни души. Только полуметровая проекция Луны вращалась под потолком в самом центре помещения. Старлайт же дремал за столом, уронив голову на руки.

Я осторожно коснулась его плеча, и Старлайт тут же преподнял голову.

– Который час? – с затуманенным взглядом спросил он. – Я все пропустил?

Я не могла не улыбнуться.

– Еще практически четверть до полета.

Старлайт пробурчал что-то невнятное. Мне показалось, что сейчас он снова отключится, но нет, за этим последовала попытка встать на ноги.

– Тебе нужно привести себя в порядок, милый, – произнесла я. – Скоро здесь появятся остальные.

Под остальными я подразумевала своих ребят, возвращавшихся с очередных утренних поисков. Сейчас Сириус не позволял им расслабиться даже в выходные дни, а я не была против. Несмотря на свою точку зрения в вопросе о пропаже Метьюза, сенатор Куинн, все же, не велел закрыть это дело прямым текстом. Так что поиски по-прежнему велись. Они продвинулись далеко за пределы тринадцатого пункта, и теперь, насколько мне было известно, было прочесано около 10 % поверхности темной половины.

Старлайт, казалось, понял мои слова. Кивнув, он медленно побрел в сторону своей комнаты. Вращающаяся проекция Луны поплыла вслед за ним, и, заметив эту картину, я рассмеялась. Может быть, хоть приняв душ Стар заметит ее присутствие.

*

Когда после завтрака я вернулась в комнату, Старлайт уже вышел из душа и выглядел более бодрым, чем прежде. Казалось, бывшее воодушевление перед работой вновь вернулось к нему. Стоя перед зеркальной стеной и что-то весело напевая (мне показалось, это была «Потому что мы можем»), Старлайт застегивал пуговицы на своей клетчатой рубашке.

– С добрым утром, – на его лице засияла очаровательная улыбка. – Я ведь так толком и не поговорил с тобой.

Я улыбнулась, и опустила в уже успевшее полюбить меня кресло, стоящее у входа в его комнату.

– Приятно вновь видеть тебя в хорошем расположении духа, – начала я, – но сейчас мне нужно поговорить с тобой как твоему капитану, а не возлюбленной.

Он взглянул на меня слегка удивленно, но тут же улыбнулся.

– Иногда я совсем забываю о том, что ты к тому же еще и мой капитан, – произнес он, усевшись рядом со мной. – Хорошо, я внимательно тебя слушаю.

– Что ж, тебе лучше меня известно, что сегодняшний полет должен стать лишь проверочным, а значит никакого афиширования не предвидится. Ты ведь знаешь все эту секьюрность.

– Конечно, – кивнул Старлайт. – Я это понимаю. Да и сама работа готова лишь на 2/3.

– Именно. Потому не мне хочется чересчур забежать наперед, но, если все и впрямь пройдет удачно, (а я не сомневаюсь, что так и будет) мы вынуждены будем открыто объявить о последних исследованиях. Скорей всего, во время следующего полного полета ты уже станешь всемирно известной личностью. Бесконечные интервью, вопросы и копание в твоей личной жизни — вот что последует далее. Отталкивающая сторона славы. И ты должен быть готов ко всему этому.

Он взял мою руку и поднес ее к своим губам.

– Ничто из этого не способно навредить мне пока мы вместе, – произнес Старлайт.

– Замечательно, – ответила я и застегнула последнюю пуговицу на его рубашке. – Тогда пойдем. Самое время становиться известным.

*

Должно быть, это и есть одно из тех прекраснейших мгновений жизни, когда понимаешь, что твоя давняя мечта наконец стала реальностью. Но вместо наступления ожидаемого опустошения чувствуешь, как твое сознание заполняется лишь новыми целями и стремлениями, число которых сводится к вечности.

В абсолютном одиночестве я мчался сквозь космическое пространство, со всех сторон облаченное в звезды, и чувствовал себя как никогда замечательно, а вместе с тем и волнительно. Эмоции, нахлынувшие на меня в этот самый момент, были сравнимы с первым поцелуем Отем, когда просто смотришь на человека, и чувствуешь, что — это твоя судьба. Это мгновение напомнило мне и о том дне, в который я впервые услышал запись со своей первой рапсодией. Волшебно.

Как и тогда, сейчас я знал, что мне все удастся, но все равно немного переживал ввиду важности задуманного.

Несмотря на намерения компании скрыть этот полет, (вплоть до того момента, когда он покажет положительные результаты) весь ИИЛП сошелся пожелать мне удачи. Несколько сотен человек собрались на двухкилометровом космодроме. Он был гораздо меньше туристического, поэтому пришедшим приходилось буквально тесниться. Затаив дыхание, они стояли среди стальной пустоши.

Большинство военных также накрыла волна всеобщего интереса. Обступив окна своих комнат, они удивленно главели в мою сторону, пытаясь разобраться в происходящем. Вместе со старпомом Отем наблюдала за взлетом, выйдя на террасу своего кабинета. Взглянув на Отем, я подумал о том, что никогда прежде не видел ее столь серьезной. В тот момент, когда «РокСтар» вспарил над землей, я смотрел на свою любимую, но видел лишь руководителя этого места. Вместе с этой сосредоточенностью Отем выглядела гораздо старше своих лет. Нет, не так: внешне она сейчас практически соответствовала своему настоящему возрасту.

Я вздохнул и закрыл глаза лишь на мгновение, а после — корабль взлетел, незаметно набирая скорость. Пронесясь над зданием штаба, он плавно преодолел расстояние между космодромом

и тем местом, где заканчивалась база. Секунду спустя судно вышло в открытый космос и достигнув скорости света помчался напрямик по курсу. М83 скрылась за моей спиной, но я отлично знал, как ее отыскать.

— Задать новый маршрут? — предложил лишенный эмоций голос корабля, который так походил на голоса людей, подолгу дышащих синим кислородом.

Я согласился.

Контрольная панель «РокСтара» представляла собой тонкую сенсорную поверхность и внешне напоминала так популярные на базе столы, по модели которых она, собственно, и была выполнена. Удивившись собственному спокойствию, я потянулся к музыке. Штернбреренер все предусмотрел. Я запустил «Натупление эры» и, выставив максимальную громкость, вернулся взглядом к картам. Сейчас они занимали практически половину панели, разместившись в самом ее центре. Как и задумывалось, они были единственным, с помощью чего я выстраивал свой маршрут на Землю. Заблаговременно развернув и увеличив нужный отрезок пути, теперь я просто внимательно наблюдал за ловцом звезд, периодически сравнивая его данные с показателями на карте.

Перед глазами все еще стоял образ Отем. Не той, какой я видел ее перед взлетом, другой — взволнованной и влюбленной, какой она провожала меня в путь. Эта картина оставалась со мной на протяжении всего полета, отвлекая от переживаний, и лишь позже, увидев ее снова, я смог действительно осознать то, что мне, наконец, удалось сделать. Теперь происходящее со мной было вполне реально.

Пока все складывалось удачней некуда. Сквозь космическое пространство я летел в направлении Земли, слушая любимые мелодии. Вскоре заиграла «Простая Песня» группы the Shins и на ум непроизвольно пришли мысли об обветшалой усадьбе, расположенной в долине снежных холмов — семейное гнездышко, где проходили мои самые счастливые годы на Земле. Жаль, отца теперь нет рядом, он был бы рад увидев то, чем я сейчас занимаюсь, ведь, не смотря ни на что, отец всегда верил в меня и, как мог, поддерживал это порой фанатичное увлечение звездами.

Я вздохнул. Не хотелось отталкивать от себя подобные воспоминания, но нужно было обратить все мысли к работе и сосредоточиться на том, дабы звездный поисковик отображал верные ориентиры. К счастью, так и было: точки, обозначающие звезды, расположенные в радиусе ста тысяч километров, по мере движения РокСтара продолжали проступать в окошке, находящемся в верхнем левом углу экрана и в точности соответствовали изображению на карте.

И все же я не мог не думать о, казалось, посторонних вещах. Со мной подобное случалось всю жизнь, на самом деле. Стоило мне остаться наедине с самим собой, и поток разнообразных мыслей тут же уносил меня. Они сменялись одна за другой, что частенько мешало уснуть.

Я перевел взгляд на свою левую руку. Хотя я и покинул базу, браслет по-прежнему был на ней. Я догадывался, почему Отем решила отступить от издавна действующих на м83 правил и ни слова не промолвила о браслете, когда, перед самым полетом, я выходил из ее кабинета.

— Удачи, дорогой мой, — сказала она, и взглянула на мою руку, а, убедившись, что браслет все еще там, добавила: — И, пожалуйста, будь осторожен.

После чего Отем обняла меня и крепко поцеловала. Только выходя из здания штаба навстречу пришедшим поддержать меня коллегам, я понял, что браслет до сих пор сомкнут вокруг моего запястья.

Помимо множества других разнообразных функций, такие гаджеты имели еще одну особенность – они непрерывно измеряли пульс и работали лишь будучи надетыми на запястья своих владельцев. В случае смерти человека, носившего его, браслет сразу же отключался. Так было и при его снятии. Сделано это было ввиду соблюдения мер безопасности, ведь этот браслет изготавливался индивидуально, так что после отключения никто другой не мог запустить его, кроме как сам владелец. Теперь Отем не смогла бы проследить за моим передвижением, так как я находился далеко вне м83, но, пока браслет был на моей руке, она хотя бы знала, что я в порядке.

Честно говоря, осознание этого меня неплохо успокаивало, и даже придавало сил. Казалось, все дорогу – эти неполные триста восемьдесят пять с половиной тысяч километров – Отем была рядом со мной. Стоило лишь обратить мысли к ее образу, и любые тревоги уносились прочь из моего сердца. Что бы там ни было, все страхи вмиг исчезли, когда я в очередной раз взглянул в окно иллюминатора, и осознал, насколько близка в эту минуту ко мне была Земля. Черт возьми, мне и впрямь удалось сделать это!

*

Стоя посреди своего кабинета, я не сводила глаз с центральной стены-монитора. На ней отображались сигналы, передаваемые браслетами всех нынешних сотрудников м83. Сейчас меня интересовал только один из них.

– Все в порядке? – позади меня произнес Сириус.

– Да, я вижу его.

– Может, хотя бы присядешь ненадолго? – спросил он. – Я принес ужин, ты же снова пропустила его.

Я обернулся.

– Правда? А я и не заметила, что ты выходил, – вновь повернувшись к монитору, сказала я.

– Меня не было больше часа, Отем.

Я не ответила. Сириуса не было здесь больше часа, а до этого мы примерно столько же обсуждали результаты утреннего построения, которое сегодня проводил старпом. Точнее, говорил все время он, а я только изредка и односложно отвечала. Но это было неважно.

Больше часа... значит, Старлайт уже облетел Землю и вот-вот должен был вернуться.

Стоило мне подумать об этом, и вскоре раздался протяжный сигнал со стороны монитора. Сириус, кажется, даже подпрыгнул от неожиданности.

– Что это? – спросил он.

Сейчас старпом выглядел как-то забавно и даже по-детски обиженным.

Я улыбнулась.

– Он вернулся.

13 Циановый Лес

Удивительный это оттенок – такая тонкая грань между синевой и зеленью, практически неощутимая. Его мало где можно встретить. Раньше я видел циан лишь на побережье Черного моря, когда теплые лучи вечернего солнца озаряли голубые волны, предавая им легкий зеленый окрас. Теперь же мне несказанно посчастливилось побывать в лесу, название которого говорило само за себя.

Это было волшебное место, как и все в этом лунном мире. Тонкие стволы елей тянулись высоко к небу и словно сближались у самого его начала, сухие ветви шуршали под нашими ногами, а вокруг царила чарующая атмосфера предзакатного покоя. На самом деле, здесь были далеко не одни лишь ели, но названия других деревьев я попросту не знал, и, признаться, сомневался, что подобные виды в принципе существуют на Земле. Нас окружало множество диковинных растений вычурного вида. Стоит ли говорить, что все они переливались всевозможными оттенками синего и зеленого цветов.

Я с интересом разглядывал странного вида куст, очень напомнивший мне очертания силуэта бабочки.

– Это – крыло мотылька, – произнесла Отем, проследив за моим взглядом.

– Красиво.

– Ну, тут уже как сказать, – тихо ответила она.

Я удивился такому ответу, и спросил, знает ли она, как называется то голое ветвистое дерево позади нас, напоминающее человеческий позвоночник.

Отем пожала плечами.

– Мне известно название только одного растения, – ответила она, – вернее сказать, запомнила я лишь его.

– Потому что оно походит на мотылька?

Она кивнула.

– Гигантского холодного мотылька. Поразительное сходство. Каждый раз охватывает дрожь при виде этого дурацкого куста, – она обхватила себя руками. – Я до жути боюсь бабочек.

Мне пришлось приложить немало усилий, чтоб не рассмеяться, услышав это.

– Что, серьезно?

– Да.

– Ну, надо же..., а я и не знал: великий капитан м83 страшится бабочек. В такое практически невозможно поверить, – улыбнулся я.

– Они правда пугают меня, – едва ли не жалобно произнесла Отем. – Пойдем уже дальше, милый.

Я обнял ее, и мы зашагали по пологому склону.

– Значит, бабочки, – сказал я, все еще улыбаясь этой мысли. – Какие еще жуткие вещи внушают тебе страх?

– Клоуны, – с невероятной серьезностью ответила Отем, – но, к счастью, на Луне их нет.

– Не считая сенатора Куинна, – добавил я, и мы рассмеялись.

*

Отем отвела меня на тихую прохладную полянку, откуда с легкостью можно было увидеть, как за склоном неспешно садится солнце.

– Умиротворяет, не так ли? – спросила она.

Я согласился.

– Знаешь, сейчас мне и впрямь начинает казаться, что я заметно погорячилась на счет событий на темной стороне, – начала Отем. – Времени прошло уже прилично, а вокруг по-прежнему тихо. Я начинаю сомневаться в правильности своих мыслей.

– Ты ведь ни на минуту не прекращаешь думать об этом, правда?

– Нет, не прекращаю. Я все еще ищу зацепки и постоянно нахожусь в ожидании того момента, когда ситуация прояснится. Мне казалось, это правильно.

– А теперь? – спросил я.

– Думаю, теперь для меня самое время прекратить нагнетать обстановку, – она взяла меня за руку. – Среди такой красоты нет места смерти.

– Должно быть, ты права, потому что я чувствую себя так же. Хочешь поговорить о чем-нибудь другом? – предложил я.

– Да, расскажи мне о своих планах на Земле. Чем ты будешь заниматься там целый месяц?

– У меня есть усадьба в долине Снежных Холмов, – произнес я, и тут же почувствовал внутри себя приятное тепло, вызванное воспоминаниями о доме. – Теперь там совсем пусто, не считая нескольких брошенных домов, хотя когда-то в этом месте просто кипела жизнь. Я даже застал это время. В юношеские годы мне уже приходилось проходить несколько километров до конечной остановки поезда, дабы вовремя добраться до университета. А закончив его, я устроился на работу и в следующем же месяце снял себе квартиру в спальном районе города. Но мне все еще дорога та усадьба, столько воспоминаний связанных с домом... Да и местность там несказанно красива. В общем, прежде чем вернуться на м83, мне хочется провести в долине еще какое-то время. Жаль, перед этим еще придется решить вопрос с университетом, – я вздохнул. – Как бы мне хотелось показать тебе долину Снежных Холмов, Отем.

Она улыбнулась мне своей очаровательной загадочной улыбкой, и тогда я понял, что уже успел всем сердцем полюбить ее.

– Скорей всего, у тебя еще будет такая возможность.

– Я все никак не решался спросить, – наконец, произнес я, и Отем внимательно посмотрела на меня, – какие у тебя самой планы на будущее? Конечно, здесь чудесно: и звезды, и эти уголки природы, разбросанные по всей Луне, не могут не очаровывать, но ты никогда не думала о том, чтоб окончательно вернуться на Землю?

Отем вздохнула и слегка улыбнулась.

– Это ведь не совсем то, что ты хотел спросить, верно? Ты хочешь знать, есть ли в моем будущем ты, Старлайт.

Я улыбнулся и прижал ее к себе.

– Твоя пронзительность порой сводит меня с ума.

Отем улыбнулась в ответ.

– Мне хотелось бы вернуться на Землю, – говорила она. – Не прямо сейчас, а лет семь спустя. И, конечно, мне бы хотелось, чтоб в этот момент ты был рядом со мной.

Отем произнесла эти слова с привычным для нее спокойствием, ну а я почувствовал сильнейший прилив чувств, вызванный этой фразой. Казалось, мне вновь семнадцать. Я был счастлив как мальчишка.

– И где бы ты предпочла жить? – спросил я.

– В Исландии, конечно, – все так же спокойно ответила Отем.

– Ничего себе, я и подумать не мог, что тебя заинтересует это место.

– Почему? – удивилась она. – Там ведь ужасно красиво. Никакой суеты.

– Не знаю. Мне казалось, тебе захочется обустроиться в Штатах.

– Ну уж нет, – ухмыльнулась Отем. – Я ни за что не вернусь в Штаты.

Я уловил в ее словах некую горечь, возможно, связанную с домом, но не стал вдаваться в расспросы. Совсем не хотелось портить этот чудеснейший из вечеров.

Не успел я что-либо ответить, как из браслета Отем раздался сигнал. Она освободилась от моих объятий, вывела перед собой голографическую панель, и внимательно посмотрела на экран.

Мне совсем не нравилось выражение ее лица. В еще мгновение назад светящихся умиротворением глазах сквозило некое беспокойство.

– В чем дело, Отем?

– Это сообщение, – тихо ответила она.

– Что в нем?

– Пока не знаю.

Я хотел спросить, отчего же она не прочтет сообщение, но Отем тут же ответила на мой вопрос.

– Не нравится мне это. В выходной день меня не стали бы тревожить из-за пустяков.

– Брось, – я постарался улыбнуться, хотя и сам теперь чувствовал небольшую тревогу. – Должно быть, кому-то просто нужна твоя помощь.

Отем кивнула, и, проведя по воздуху пальцами, вывела на экран новое сообщение. Сидя напротив, я не мог увидеть его текст, но сразу же заметил, как по мере чтения расширялись зрачки девушки. В тот момент я мог бы поклясться, что ее и без того фарфоровая кожа стала еще бледней.

– Все в порядке, дорогая?

Отем подняла глаза. Мне был знаком этот взгляд. Я уже видел его прежде, когда Отем полностью погружалась в собственные мысли. И каждый раз это предвещало тревожные последствия.

– Отем? – позвал я.

Она миг сделалась гораздо серьезней, а от взгляда затуманенных глаз не осталось и следа. Моя любимая на время исчезла. Сейчас передо мной была только Отем Раст – капитан м83.

– Нам нужно идти, Старлайт, – поднимаясь, произнесла она. – Еще один сотрудник пострадал на темной стороне Луны.

*

Я так устал быть в одиночестве, изо дня в день проходить один и тот же путь и видеть лишь холодные мрачные стены вокруг себя – такие жалкие мысли кружились в моей голове, когда, возвращаясь в свою комнату напрямик из тринадцатого, я нашел Кита Терренса. Вернее сказать, сперва я его услышал. Пронзительный крик старика разносился по всему коридору. Крик, полный безумия, поспешив навстречу которому, я вскоре увидел и самого Кита. Он лежал на земле, обхватив себя руками, и истошно выкрикивал повторяющуюся фразу, которую просто невозможно было разобрать.

Не успел я опомниться, а к нам уже подоспели другие бурильщики, растревоженные этим внезапным нарушением привычной тишины. И вот, спустя треть четверти, я вновь оказался в одном из тускло освещенных кабинетов ИБЛП.

Мне определенно не нравилось это место. В тесном замкнутом пространстве, лишенном даже таких простых признаков комфорта как окна, я чувствовал себя изолированным от внешнего мира, загнанным в угол. Но, что еще хуже, мне совершенно не нравились окружающие меня люди – военные. Всем своим видом они внушали в меня страх.

Как только Кит был доставлен в госпиталь, я сразу же поспешил в свой отсек, как всегда мечтая о теплой постели и нескольких часах отдыха. Разумеется, там меня уже ожидал один из военных.

– Мистер Блек, – произнес он, равномерно выговаривая каждый слог, – пройдемте со мной.

Я не стал возражать и безмолвно последовал за ним.

Солдат отвел меня в институт, а затем по его темным коридорам вглубь здания. Мы пришли прямоком в ту комнату, где со мной уже однажды общалась капитан, ну, или в схожую с ней, теперь я уже не помнил наверняка, да и это было совсем не важно.

Высокий светлый мужчина с явными афроамериканскими чертами лица представился старшим помощником капитана и попросил меня какое-то время побыть в аудитории. И снова я не стал возражать. Тогда он вышел, а я остался сидеть за столом. Мне не сказали, чего именно стоит ожидать, но я догадывался, что вскоре вновь увижу капитана.

Спустя двадцать минут, или около того, я услышал за дверью приближающиеся шаги и приглушенный женский голос, которому вскоре ответил мужской. Слов было не разобрать. Дверь тут же отворилась, и в кабинет вошла капитан. Она бросила в мою сторону пристальный взгляд, остановилась, и сложив руки на груди, облокотилась о стену около входа.

Прежде чем она заговорила, я успел заметить, что в этот раз Отем Раст выглядела куда более встревоженной, возможно, даже рассеянной. Мне этого было не понять, ведь со стариком Терренсом и так уже давно все было ясно как день.

Что касается капитана, стоило ей войти, как у меня сложилось впечатление, что вынужденная встреча со мной оторвала ее от каких-то важных и более приятных дел.

«А ты не похожа на других военных, – подумал я. – Интересно...»

– Что интересно? – спросила капитан, и тогда я понял, что сказал вслух последнее слово.

– Ничего. Просто задумался, – соврал я.

Обмена приветствиями не последовало, и капитан сразу же перешла к делу.

– Мне очень неприятна эта ситуация, мистер Блек, – начала она. – Надеюсь, Вы осознаете, чем она чревата для Вас?

Я непонимающе поднял брови.

– В каком смысле?

– За последние пару месяцев здесь произошло уже два необъяснимых случая, и в обоих Вы выступаете как главный свидетель. Это дело рискует обернуться для Вас плохим.

После этих слов я глубоко вздохнул, и откинулся на неудобную спинку стула. Хотелось скрестить руки на груди, но я знал, что на подобных встречах таких жестов со стороны допрашиваемых, мягко говоря, не терпят.

– Мне и самому это приходило в голову, Капитан, – ответил я, стараясь выглядеть спокойным.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда расскажите мне все, что знаете.

*

Начну с того, что старик Терренс всегда считался в наших кругах человеком не от мира сего. Он довольно поздно попал на м83, перевелся с одной из других баз, как я понял, и за тринадцать лет работы Терренса в третьем бурильном пункте очень немногие могли похвастаться тем, что слышали от него хотя бы пару словечек. Но, в большинстве своем, странности его проявлялись далеко не в этом. В голове старика уже долгие годы присутствовала некая фобия, навязчивая

идея, если угодно. Сколько я его помню, Кит всегда был убежден в том, что за ним постоянно следят. Он как-то неуверенно и с опаской бродил по коридорам, чаще всего молча. А иногда, все-таки, решался заговорить. Речь эта ограничивалась только банальными фразами, связанными с работой. Ничего больше.

Как я уже сказал, о странностях Терренса здесь знали все, но никто уже давно не предавал этому особого значения, хотя однажды он здорово напугал своим паническим приступом одну пожилую туристку.

На самом деле, мне не совсем понятно, почему после всего этого Терренс все еще здесь, но мое дело бурить, а не задавать вопросы. К тому же, наша работа грязная, однотипная и далеко не перспективная. Кто сейчас на такую пойдет, если есть множество куда более привлекательных вариантов? Я и сам прогадал с профессией: ни передохнуть толком, ни на Луну посмотреть, но что уж теперь сожалеть-то...

– Мистер Блек, – прервала меня капитан, – прошу Вас, давайте не будем отклоняться от основной темы.

Я удивленно взглянул на нее и тут же улыбнулся. Сам я уж никак не ожидал, что вдруг окажусь таким болтливым. Видимо, человек может сказать гораздо больше, когда его есть кому слушать.

– Конечно, Капитан, простите. Наверное, я просто слишком долго был один, – ответил я.

Отем Раст опустила глаза, и я подумал, что, должно быть, чувствует она себя сейчас неловко. Еще несколько секунд я подождал ответа, он его так и не последовало, а потому я продолжил.

– Когда, идя по тоннелю, я услышал крики, то сразу же понял, что это был Терренс. Дело даже в не голосе. Просто кто еще здесь будет так орать? В общем, я прибавил шаг. Шум лишь нарастал по мере моего приближения к его источнику. Вскоре я увидел старика, валяющегося на земле. Было это у дверного отсека, ведущего к третьему пункту. Тогда я понял, что не ошибся.

– Значит, у мистера Терренса уже случались подобные истерики до этого дня? – спросила капитан.

– На моей памяти только один, не считая сегодняшнего.

Капитан подошла к столу и опустилась напротив меня.

– Расскажите мне про тот случай, – она сложила руки перед собой и наклонилась ко мне. – Как думаете, почему подобное могло произойти с ним?

Свет падал лишь на центральную часть комнаты, и только сейчас я заметил, что капитан выглядит гораздо моложе, нежели мне представлялось ранее. Я также не мог не обратить внимания на ее ясные синие глаза. Казалось, весь недостающий свет кабинета собрался в этих глазах, и сейчас они сияли ярче Луны.

– Это было около пяти лет назад, – наконец, ответил я. – Тогда я уже перевелся в только открывшийся тринадцатый пункт. Для полноценной работы в нем мне нужен был напарник. Новичка никто брать не хотел, ведь по сравнению с остальными, я и сам еще был дебютантом, а потому ко мне решили распределить кого-то из более опытных сотрудников. Как чаще всего

и бывает, первым переводят того, кто плохо прижился в коллективе, а в случае с Терренсом, он не прижился вовсе.

Вместе мы проработали всего ничего: пару недель или вроде того. Потом четверть подошла к концу. На носу была проверка, и нам нужно было выбраться на поверхность, дабы обойти оборудование и лично убедиться в том, что работа выполняется надлежащим образом. Я хорошо помню тот день еще и потому, что это был последний раз, когда я надевал лунный костюм, не считая недавних событий.

Мы облачились в скафандры и, усевшись на луноходы, прошли по всему сектору. Когда пришло время возвращаться в тринадцатый, и я уже мчался обратно, (я старался поскорей покончить со всеми делами на поверхность, ведь там ужасно холодно, и даже костюм не спасает) но заметил, что Терренс отстает. Я видел свет, исходящий от фонаря его лунохода, но сам старик упорно не отвечал мне, сколько я не звал его по имени. Пришлось разворачиваться.

Нужное расстояние я преодолел в два счета, но старика уже не было на месте. Оглядевшись по сторонам, я услышал приглушенный крик, доносящийся до моих ушей словно из-под земли. Тогда я направил свой фонарь в то место, из которого, как мне казалось, доносился крик, и минутой позже обнаружил самого старика. Он лежал прямиком на холодной поверхности и без конца выкрикивал что-то нечленораздельное. В ту минуту я был настолько сильно повергнут в шок, что не сразу заметил, что Терренс пытается стянуть с себя шлем. К счастью для старика, тот не поддавался его трясущимся рукам. Так быстро как мог, я подобрался к Киту и, закинув все еще вопящего старика на луноход, помчался в сторону здания. Вскоре Терренса доставили в госпиталь, а на его место был направлен Метьюз.

Я закончил рассказ и посмотрел на капитана.

– Можете описать, где конкретно Вы нашли орущего Терренса? – попросила она. – В тот, первый раз, я имею ввиду.

Она ждала ответа, но мне было практически нечего сказать. Я снова вздохнул.

– Бедняга валялся на земле, когда фонарь моего лунохода осветил его. Прямо посреди темноты лежал.

– Никаких примечательных знаков? – не унималась капитан. – Может быть, в тот день произошло еще что-то, что Вы запомнили? Какая-нибудь незначительная деталь?

Я покачал головой.

– Что ж, спасибо и на этом, мистер Блек.

– Я бы хотел рассказать больше, но это действительно все, что я сейчас могу вспомнить.

Я удивился собственным словам. Несмотря на свою настойчивость, капитан определенно располагала к себе людей.

Она понимающе кивнула и поднялась из-за стола.

– Последний вопрос, мистер Блек, – произнесла Капитан, направляясь к выходу.

– Я слушаю.

– Как Вы думаете, почему после первого случая Терренс по-прежнему работает здесь, на темной стороне Луны?

Этот вопрос застал меня врасплох. До этого мне казалось, что капитану были интересны только сухие факты, а никак не мое мнение касательно их.

– Не имею и малейшего понятия, – честно сказал я, и, поразмыслив, решился добавить еще кое-что: – Джек Метьюз говорил, что для них так удобней: держать сумасшедшего под рукой.

– Для кого для них? – ошарашено спросила капитан.

– Не знаю, но, боюсь, он имел ввиду вас, – тихо ответил я, бросив взгляд на дверь.

– Военных?

– Да, в том числе...

Капитан отстранилась от двери и вновь подошла ко мне.

– Я не понимаю, – говорила она, – в каком смысле?

– Это были его слова, Капитан, не мои. Думаю, Джек намекал на то, что вы не хотите разглашения подобной информации. А Вы ведь не хотите, я прав?

– Да, – согласилась капитан. – Это было бы неприятно. Но, все же, думаю, что мистеру Терренсу придется вернуться домой сразу же по окончании лечения.

– На Землю? – теперь пришла моя очередь удивиться.

– Да, именно так, – капитан протянула мне руку, и я пожал ее. – До встречи, мистер Блек.

– До встречи, – ответил я, и она скрылась за дверью.

Возвращаясь в свою комнату, я в последний раз видел Отем Раст. Со спрятанными в карманы пальто руками, она стояла, вглядываясь в темноту за стеклом. Заметив меня, капитан кивнула и вернулась обратно к своим мыслям.

Я кивнул ей в ответ, хотя знал, что она этого не увидит.

14 Атлантида

Военный госпиталь, в который мне обычно приходилось обращаться, находился в правом левом здании штаба и занимал весь шестнадцатый этаж, но сейчас я направлялась в другое место – небольшую больничку, расположенную сразу перед спальными отсеками для работников темной стороны Луны.

К счастью, больница была построена практически у самого входа на темную сторону, так что на этот раз мне почти не пришлось ступать по коридорам длинного тускло освещенного тоннеля, ведущего к пунктам бурения.

Пройдя по тоннелю всего пару шагов, я остановилась у первой встретившейся мне двери. На ней не было никаких знаков или надписей, но я хорошо помнила план здешней местности, а значит, это была именно та дверь. Я поспешила отворить ее: не хотелось надолго оставаться одной в этом угнетающем месте.

Выполненные в серо-синих тонах, все строения, возведенные в этой части Луны, были однотипными. Они беспрестанно напоминали друг друга и вполне могли бы сойти за осколки одного и того же здания, разбросанные по всей темной стороне.

По сути, сам госпиталь представлял собой девять этажей мрачного угловатого здания продолговатой и слегка приплюснутой формы. Со стороны это местечко выглядело крайне безвкусно и неуютно. Стоящее среди ледяной темноты, оно напоминало мне отрывок давно опустевшего и затонувшего подводного городка. Такая космическая Атлантида.

Сделав еще несколько шагов вперед по смежному коридору, я отворила следующую дверь и оказалась в небольшой серой комнатке, служившей этому месту холлом. За столом, что стоял под правой стеной, было пусто. Пришлось воспользоваться браслетом.

Если верить плану, на первом этаже были размещены только холл и столовая. Палаты же находились на всех последующих этажах, начиная со второго. К ним вела лестница, расположенная в конце комнаты.

Я сняла пальто, и, оставив его в подобии приемной, направилась к ступеням. В отчете Сириуса говорилось, что Кит Терренс находится на последнем этаже, и, когда я поднялась туда, то поняла, почему.

Терренс не замолкал ни на минуту. Он вопил и извивался на кровати, превратив аккуратно уложенную постель в кучу тряпок, сбившихся у изголовья его койки. Я услышала этот крик сразу же, стоило мне лишь ступить на лестничную клетку.

Как мне было известно из упомянутого выше отчета, медсестры периодически вводили бедняге дозу успокоительного, но и это не могло заставить Терренса замолчать. Время от времени, его

голос срывался, изнемогая от бесконечных криков, но и тогда старик продолжал трястись и бормотать понятные лишь ему одному фразы.

Окромя Терренса, на девятом этаже не было других пациентов, как и на предыдущем, и том, что был до него. Всех больных перевели как можно ниже, пытаясь изолировать от них старика: лежавшим здесь требовался покой.

Не успела я подняться на девятый этаж, а мне навстречу уже шла одна из медсестер, поочередно дежуривших у кровати Терренса.

– Капитан Раст, – произнесла она, – мне говорили, что Вы придете.

– Добрый день, сестра. Как сегодня себя чувствует мистер Терренс?

Уже задав этот вопрос, я поняла, насколько глупым он был, ведь я отлично слышала мистера Терренса прямо сейчас и то, что доносилось до моих ушей, едва ли говорило о его выздоровлении.

– Ох, – только и протянула в ответ медсестра.

На вид ей было лет пятьдесят с лишним. «В вопросах возраста не бывает лишнего», – любил говорить Корнуэлл.

Мне тут же захотелось извиниться за свою глупость, но вместо этого я задала следующий вопрос.

– Вы можете сказать, что с ним?

– У больного шок, – с усталостью на лице ответила сестра, – вызывающий яркие панические атаки.

– Да, я вижу.

– Пока это все, что я могу сказать Вам.

– Благодарю. Могу я его увидеть?

Я в ожидании взглянула на свою собеседницу. Она пожала плечами.

– Можете попробовать. С ним невозможно говорить.

Я кивнула и направилась в палату.

«Палата номер шесть» – гласила надпись над входом.

– Постойте, – окликнула меня сестра. – Возьмите это с собой.

Я обернулась. Она протягивала мне что-то. Присмотревшись, я поняла, что этим чем-то были беруши.

– Благодарю, но мне это не нужно, – отмахнулась я.

Уже спустя минуту я пожалела о своем решении.

– Ну, как знаете, – сказала женщина, и направилась в сторону лестницы. – Позовите меня, когда закончите. Там на стене у кровати есть кнопка вызова.

– Хорошо.

Открыв ведущую в палату дверь, я сразу же почувствовала сильнейшее желание прикрыть уши руками, хотя это вряд ли смогло бы помочь мне. Так или иначе, находиться здесь было определенно невозможно.

Переборов резкую головную боль, вызванную внезапным шумом, я просидела в палате номер шесть около часа. Как и предупреждала медсестра, старик так и не ответил ни на один из заданных мною вопросов. Да что там говорить, он полностью игнорировал их и, скорей всего, даже не подозревал о моем присутствии. Все это время Терренс продолжал извиваться в постели под аккомпанемент собственных криков.

Я все пыталась понять, что же могло сотворить с человеком такое. В этом организованном и таком правильном лунном мире просто не могло быть ничего, что послужило бы катализатором подобного поведения.

Прошло еще минут пятнадцать, и я окончательно сдалась.

– Мне нужно идти, мистер Терренс, – сказала я, поднимаясь с соседней от его кровати. – Надеюсь, вскоре Вы придете в себя, и тогда я распоряжусь о Вашем возвращении на Землю.

Я протянула руку и нажала на кнопку вызова медсестры, когда заметила, что что-то изменилось. И каково же было мое удивление, когда я поняла, что старик вдруг замолчал. Он медленно повернул голову и заглянул мне прямо в глаза. Я даже отшатнулась от удивления.

– Вам ясны мои слова, мистер Терренс? – с надеждой спросила я.

Он не отвечал.

– Думаю, Вы меня поняли. А теперь будьте душкой и расскажите мне о том, что произошло с Вами в тоннеле тем вечером?

Но старик продолжал молчать.

Я глубоко вздохнула, пытаясь соблюдать спокойствие.

– Мистер Терренс, прошу Вас.

Безрезультатно.

– Святые небеса! Ушам своим не верю, – услышала я удивленный голос за своей спиной.

На пороге появилась медсестра. Она стояла у входа в палату, переводя взгляд то на меня, то на старика.

– Как Вам это удалось? – обратилась ко мне женщина.

– Мы просто поговорили, – уклоняясь от ответа, произнесла я. – До свидания, мистер Терренс.

Я вышла из палаты старика прежде, чем сестра успела задать мне еще какие-нибудь вопросы. Вопросы, ответов на которые я не знала. Теперь у меня было много вещей, над которыми стоило подумать. Хорошо хоть Терренс прекратил истерики – одной проблемой меньше.

15 Жаль, что тебя здесь нет

– Давай прогуляемся по Луне еще разок перед моим отъездом? – предложил Старлайт.

Мы встретились по окончании тяжелой рабочей недели, и вот уже час как болтали лежа в его постели.

– Ну же, - подбодрил меня Старлайт, – не будь так печальна. Я постараюсь решить все свои земные дела как можно скорей и тут же вернусь к тебе уже с новым проектом. Месяц пролетит практически незаметно, обещаю.

Я подняла голову, и взглянула в его прекрасные карие глаза.

– Я ждала тебя десять лет, милый, – я улыбнулась, - смогу подождать еще месяц.

Старлайт расплылся в улыбке и поцеловал меня.

– Тогда пройдемся завтра утром? – спросил он.

– Конечно, - ответила я. – Но прежде чем ты решишь уснуть, я бы хотела кое-что показать тебе.

Он с интересом взглянул на меня.

– Что же?

– Увидишь, – я со смехом стянула с него одеяло. – А теперь поднимайся, если хочешь успеть выйти со штаба до того как на дежурство заступит Саймон и начнет донимать меня своими бесконечными расспросами.

– Надеюсь, оно того стоит, - шутливо протянул Старлайт, и, подняв лицо с подушки, лениво потянулся.

– Можешь не сомневаться, – весело ответила я, и протянула ему джинсы.

*

Одевшись, мы вышли из здания штаба навстречу привычной темноте базы. Вечернее построение, проведенное Сириусом, окончилось с четверть часа назад, и я видела как в окнах первых пяти этажей здания то тут то там поочередно выключался свет — это солдаты готовились к долгожданному сну.

Над нами пронесся одинокий луноход, окутав холодным потоком воздуха. Держа Старлайта под руку, я вздрогнула и мысленно порадовалась тому, что на м83 не бывает ветра.

– Может, тоже возьмем луноход? - спросил Старлайт.

Я остановилась.

– Мне хотелось прогуляться, а ты слишком поздно опомнился, – сказала я, улыбнувшись. – Мы уже пришли.

– Правда? – удивился Стар. – А я-то боялся, что ты ведешь меня обратно в институт, – он рассмеялся.

Мы стояли около одного из небоскребов. Вернее пятого по счету с правой стороны от трассы. Лишь в редких окнах все еще горел свет, и мы вошли внутрь, воспользовавшись моим браслетом.

– Удобная штука, – с улыбкой сказал Старлайт, – многим бы на Земле пригодилась, а то я уже устал терять свою ключ-карту после каждого выходных.

– Не могу не согласиться. Хотя в последний раз я была дома так давно, что уже практически не помню, каково это – терять ключи.

– О, это мерзко, – ответил он и мы рассмеялись.

– А теперь следуй за мной, – позвала я, направляясь к закрытым лифтам, – и давай постараемся никого не разбудить.

– Мне знакомо это здание. Это ведь сектора для сотрудников. Август Штернбрер живет в соседнем. Но куда мы идем?

Я подумала, что теперь самое время рассказать о своей небольшой задумке.

– Помнишь, в конце осени я показывала тебе посылку от своего давнего друга, Корнуэлла? – начала я.

– Создателя коттеджного городка.

– Да, в ней также было письмо. Корнуэлл просил меня присмотреть за всем этим. Он был любителем антиквариата, что, собственно и не удивительно...

– Я догадался об этом по его работе, – улыбнулся Старлайт.

Мы вышли из лифта и последовали к крайней двери двенадцатого этажа. На ней все еще виднелась табличка с именем Корнуэлла.

– Во-первых, я уже прочла все книги, что были в моей комнате, и, честно говоря, мне этого жутко мало.

Я отворила дверь, и мы оказались в небольшой уютной квартирке, где все было пропитано духом старины. Войдя внутрь, мы попали в особенный мир — мир Джуда Корнуэлла.

Старлайт с восхищением рассматривал диковинную мебель, которой была набита прихожая.

– А во-вторых? – наконец спросил он.

– А во-вторых, – я взяла его руку и отвела Старлайта во вторую гостиную, – я хотела показать тебе это.

В самом углу комнаты уже многие годы стоял старый рояль. Несмотря на то, что эта вещь была далеко не из нашего времени, ее присутствие здесь казалось мне привычным и практически необходимым. Инструмента не касались уже несколько месяцев, и красную

дубовую поверхность покрывал небольшой слой пыли. Старлайт выпустил мою руку и сделал несколько шагов в сторону рояля.

– Как ему это удалось? – восторженно спросил он, не сводя с рояля глаз. – Это ведь классическая модель 19... года. Должно быть, стоит сейчас целое состояние, не говоря уже о том, что во всем мире таких осталось не больше сотни.

– И три из них находятся у Корнуэлла, – не без улыбки сказала я. – Он провел не одно десятилетие, и, насколько мне известно, практически не прибегал к снятию вырученных средств. Можно сказать, Джуд в действительности сколотил состояние.

Старлайт удивленно поднял брови.

– А остальные два, где они?

– Такой же стоит в доме Корнуэлла в Кентуки, а еще один он оставил в «Серебряном Роге», любимом пабе коттеджного городка. Он уезжал в спешке, – сказала я и добавила, указав на рояль: – Надо бы и этот пристроить в месте получше темной квартирки.

Все еще очарованный роялем, Старлайт, казалось, совсем не слышал моих слов, но минутой спустя спросил:

– Есть идеи?

– Да. Я подумываю о вишневых садах. Корнуэлл всегда восхищался ими так, словно видел впервые. А кроме того, именно там мы с ним познакомились.

Старлайт скинул пальто, и, аккуратно положив его на плетеное кресло-качалку, (будто боясь, что последнее вот-вот развалится) провел рукой по клавишам. Мне казалось, что те заскрипят, но, несмотря на свой возраст, инструмент издал восхитительное пение, и довольный этим, Стар тут же уселся за рояль.

Я опустилась рядом и с наслаждением наблюдала, как его пальцы ловко скользили по клавишам. Старлайт только разыгрывался, но я уже видела счастливые огоньки в его глазах. Склонившись над роялем, он выглядел так, словно с каждой сыгранной нотой обретал новое дыхание.

Находясь здесь, слушая чудесные мелодии ночи, я непроизвольно вспоминала первую встречу с Корнуэллом в вишневом саде. Станным и на самом деле невероятно удачным оказалось это знакомство, ведь обычно инженеры не ведут общение с рядовыми военными, они даже не пересекаются на протяжении многих лет, вплоть до того момента, пока кто-нибудь не дослужится до одного из высших на м83 званий. Я же не знала и прежде никогда не задавалась вопросом, почему именно Корнуэлл встретился на моем пути тем сентябрьским утором, но это действительно было как минимум удачным стечением обстоятельств. Не случись этого, сейчас все могла бы быть совершенно иначе. Да, вишневые сады определенно сыграли в моей жизни важную роль.

Вслед за этими мыслями пришли другие — воспоминания об академии и, в частности, последнем дне, проведенном в ней. Я отлично помню каменные аллеи дворика, ведущие от самого акведука, по обе стороны которых с наступлением весны расцветали вишневые деревья, что по земным меркам было одним из первых признаков роскоши и серьезности заведения. Наверное, это и есть одно из тех мест, которые совершенно невозможно забыть. Даже по прошествии стольких лет достаточно было лишь закрыть глаза, и воспоминания

становились настолько яркими, что на мгновение можно было ощутить в воздухе вишневый запах.

Голос Старлайта вырвал меня из воспоминаний, и я заметила, что музыка стихла.

– Хочу сыграть тебе кое-что, - произнес Старлайт.

Я заинтересованно посмотрела на него.

– Я не нашел этой песни ни на одной из твоих пластинок, - говорил он, - но она поистине чудесна. Называется «Жаль, что тебя здесь нет», старая мелодия Пинк-Фloyd из одноименного альбома.

Я улыбнулась.

– Интересно...

Старлайт согласно кивнул и взялся за вступление. Его музыка и само это место навеяли на меня удивительную бурю эмоций, и, наблюдая его серьезный вид и сосредоточенность на игре, я чувствовала как влюбляюсь в него. Снова и снова.

– Звучит волшебно, – произнесла я. – И как только у тебя это выходит...

– На Земле я любил исполнять ее по субботним вечерам в одном небольшом пабе, что недалеко от центра моего района. А в последний раз я делал это в Стране Садов, кажется. Честно говоря, я уже столько раз играл ее, что пальцы сами ложатся на нужные клавиши, и мне даже не нужно задумываться о том, что я делаю. Хотя, поверь мне, на самом деле это совсем не сложно. Если хочешь, я мог бы научить тебя.

Я положила голову на его плечо.

– Конечно.

– Но самое прекрасное в этой песне — текст, простой и в то же время такой глубокий, – продолжал Старлайт, и прежде, чем я успела ответить, не отводя взгляд, начал петь. Его слова звучали успокаивающе приятно, и в этот самый момент мне подумалось, что с этим голосом не способен сравниться ни один другой.

*Действительно ли ты думаешь, что способен увидеть разницу между Раем и Адом,
ясным небом и болью?*

*Можешь ли ты отличить зеленое поле
от стальной рельсы? Улыбку от вуали?
Думаешь, ты правда знаешь разницу?*

*Неужели они и впрямь убедили тебя променять
своих героев на призраков?
Жаркий пепел на деревья?*

Теплый воздух на бриз?

*Холодный комфорт на цепи?
Действительно ли ты предпочел проходную роль на войне основной в клетке?*

*Как же мне жаль, что тебя здесь нет,
Ведь мы словно две заблудшие души, год за годом плавающие в тесном аквариуме,
вновь и вновь повторяем былые ошибки.
Но что мы при этом обретаем?
Все те же старые страхи.
И, все же, как жаль, что ты не рядом.*

Закончив композицию, Старлайт улыбнулся мне самым великолепным образом.

– Очаровательно, - сказала я. - Никогда не слышала ничего более волшебного.

Немного смущенный моими словами, он взял мои ладонь в свою, и произнес фразу, которую в будущем я не раз буду вспоминать.

– Я не знаю, что ждет нас дальше, и, по правде говоря, просто не могу этого знать, но если жизнь решит разлучить нас на время, прошу тебя, просто приходи сюда, когда будешь тосковать по мне, - он улыбнулся, - или в вишневый сад, если все же решишь поставить рояль там. Достаточно будет только напеть эту мелодию, и ты сразу же вспомнишь этот самый момент, то, как я смотрю на тебя прямо сейчас, и поймешь, что больше не одна во вселенной. Ты всегда в моем сердце.

– Ох, Старлайт, – я обняла его, - только теперь я осознаю, как сильно мне не хватало тебя все это время.

– Я люблю тебя, Отем, – произнес он и, увидев мой смущенно-ошеломленный вид, широко улыбнулся.

Старлайт положил мои руки на невесомые клавиши рояля.

– А теперь давай я научу тебя этой мелодии, - сказал он.

16 Опасения

Первая четверть лишь начиналась. Отем и я сидели за столом в одной из комнат отдыха. Меня с самого начала удивило то, что девушка предпочла занять места, находившиеся далеко от окон, но когда на протяжении получаса она так и не притронулась к завтраку, я не мог более оставаться равнодушным, и спросил в чем дело.

Ее холодные пальцы нервно сжимали полную кофе чашку, когда Отем рассказывала мне о своих снах. Я смотрел в ее ясные как океан глаза, и буквально видел, как в них отражалась описываемая гибель Земли. Так, словно я и сам был частью ее сна.

– Я переживала это снова и снова, – говорила Отем. – В конечном счете, я знала, что нахожусь всего лишь во сне, но беспокойство и ужас, охватившие меня, были столь явственными и реалистичны... После всего этого в моей душе затаилось мерзкое тревожное чувство, и вот уже который день я никак не могу избавиться от него.

Я отставил кофейную чашку и, наклонившись к Отем, сжал ее дрожащие руки в своих ладонях, в очередной раз удивившись про себя тому, какими же холодными были ее пальцы.

– Послушай дорогая, – говорил я. – Я всегда полагал, что сны, особенно такие яркие как этот, являются лишь отражением нашего подсознания. Мыслей, которые на протяжении долгого времени таились в самых глубинах разума. А в определенный момент, такой как этот, они просто вырываются наружу.

Слушая меня, она высвободила одну руку из моих ладоней, и принялась машинально стучать пальцами по поверхности стола.

– Ох, Стар, никогда не думала, что однажды скажу это, но я больше не чувствую себя в безопасности, будучи на м83.

Она вздохнула.

– Понимаю, – ответил я, – Эти толчки всех сбили с толку. Странно, что процентный рейтинг туристических посещений до сих пор не упал.

Отем вдруг перестала стучать по столу пальцами и внимательно посмотрела на меня.

– Что ты сказал?

– Туристы, – повторил я. – Странно, что они ежедневно все так же продолжают прибывать сюда.

– Вовсе нет, – просияла Отем.

Удивленный таким ответом, я хотел спросить, о чем это она, но Отем тут же поднялась из-за стола.

– Мне нужно бежать. Прости, Старлайт, и спасибо тебе.

– За что? – будучи еще более удивленным, произнес я, но Отем уже исчезла за пределами комнаты.

*

Быстрым шагом я вошла в небольшой тусклый кабинет, расположенный в самом конце цокольного этажа здания штаба.

Уткнувшись в какие-то бумаги, Гастингс уже сидел за своим столом. Заметив мое появление, он мгновенно поднялся и, приветственно протянув руку, предложил присесть.

Питер Гастингс был тридцатилетним сотрудником местного справочного бюро, в чьи обязанности также входила работа по связи с внешним миром. Именно он вел переговоры с Калифорнийским Космическим Университетом, а позже и с самим Старлайтом, с целью привлечения последнего к сотрудничеству с м83. Несмотря на свою, казалось бы, довольно-таки коммуникабельную должность, Гастингс никогда не сходил в число особо общительных работников базы. Все свое время он предпочитал проводить в тесном кабинете цокольного этажа, занимаясь текучкой.

Внешне Гастингс был весьма привлекателен, а вот смекалки порой ему явно не доставало, хотя все это меркло и бледнело на фоне его необычной (для места и времени) манеры поведения. Мужчина этот бывал необычайно галантен, что в совокупности с его немалым ростом и правильными чертами лица напоминало героя какого-нибудь классического детективного романа. В этот раз при взгляде на него в моей памяти всплыл неведомо откуда взявшийся образ капитана полиции, рука об руку я гениальным детективом расследовавшего запутанное дело.

– Мне нужны сводки земных новостей за.., – я ненадолго задумалась, – ... последний месяц.

– Сию минуту преступлю к делу, Капитан.

Гастингс молниеносно черкнул что-то в своей записной книге и вновь перевел свой взгляд в мою сторону.

– С какого именно региона Земли? – спросил он.

– Со всей Земли.

После этих слов Гастингс взглянул на меня с явным недоверием, (парень пробыл на м83 лишь пару лет, так что проявление эмоций пока еще не стало для него чуждым) которое тут же сменилось удивлением, когда он, наконец, понял серьезность моих слов.

– Но, Капитан, это ведь немыслимое количество информации...

– В таком случае, начните прямо сейчас, Гастингс. Отсейте все сведения, не касающиеся м83 и нашей компании в целом, и снабдите меня лишь теми, что относятся непосредственно к ЭСКМО. Я понимаю, что это займет какое-то время, так что не стану давить со сроками, – произнесла я, и Гастингс вздохнул с облегчением, – но буду очень признательна, если Вы поспешите.

– Сделаю все, что в моих силах, Капитан.

Я кивнула, такой ответ меня вполне устраивал.

– Но учите, – добавила я, поднимаясь с потрепанного кресла, – меня интересуют не только сухие факты. Желтая пресса, любые сплетни, предположения и неподтвержденные заявления – все это также стоит внимания. Скорей всего, даже в первую очередь

Выходя, я краем глаза заметила, как Гастингс принялся искать для меня материалы, и с грустью подумала о том, что хорошо бы мне не умереть от бессонницы прежде чем он их найдет.

По хорошему счету, стоило бы сразу же намекнуть Гастингсу на то, что следует обратить внимание на наиболее тревожные сообщения, связанные с перепадами подземного давления, например, но интуиция подсказывала мне, что этого попросту не стоит делать. На счет самого Гастингса я не переживала: он был славный и ответственный парень, но не особо смывленный в свои тридцать с хвостиком, тогда как (если мои опасения и впрямь были верны) подобный запрос данных мог моментально привлечь ненужное внимание. Для меня же гораздо проще было объяснить желание просмотреть все новостные сводки.

С этими мыслями я, должно быть, впервые в жизни опоздала на очередное утреннее построение.

Подумать только, еще несколько месяцев назад в моей голове не могло быть и мысли о том, чтобы позволить себе придти куда-либо с опозданием, а сейчас меня это и вовсе не тревожило. В конце концов, я была капитаном.

Я улыбнулась: кажется, я и впрямь становлюсь больше похожей на человека и меньше на машину.

Войдя в холл, я увидела Сириуса. С непроницаемым, как и всегда, лицом, старпом направлялся прямо ко мне. Возможно, он и был немного встревожен моим опозданием. Сложно было сказать.

Мне вспомнились старые дни в академии и то, каким вечно-смеющимся тогда я видела Сириуса. Несмотря на хорошие результаты в учебе, в повседневной жизни он бывал просто несносен с этой своей несерьезностью. И вот, спустя десять лет, я смотрела на все того же повзрослевшего Сириуса, стараясь понять, что у него на уме.

Прежде, чем старпом успел пересечь и половину холла, я повернулась лицом в шеренге солдат.

– Простите мое временное отсутствие, имелись неотложные дела, – произнесла я. – Насколько я помню, на эту неделю у нас с вами были запланированы ежеквартальные учения. Так давайте же преступим.

*

Проведя стандартный опрос, я стояла на террасе собственного кабинета, наблюдая вышагивающими внизу солдатами.

Учения для военных прежде имели место быть каждый месяц, но несколько лет назад, после того, как смертная казнь была вновь узаконена и случаи нападения космических пиратов

свелись к, казалось бы, невозможному минимуму, подобные учения стали проводиться лишь раз в квартал.

Зная все наши новые стратегии, (хотя бы потому, что я была основным разработчиком многих из них) я с уверенностью могла сказать, что мои ребята были отлично подготовлены и проинформированы. Теперь никому не под силу было проникнуть вооруженным на базу без нашего на то ведома, не говоря уже о попытке захвата какой-либо из ее частей. На протяжении последних лет эта задача оставалась для незаконников невыполнимой, и мысль об этом не могла не вызывать у меня чувства удовлетворения.

И, все же, я по-прежнему не унималась. После исчезновения Метьюза и инцидента с Терренсом в моей душе застыло беспокойство.

– Нет, – произнесла я, стараясь привести мысли и нервы в порядок. – Невозможно проникнуть на базу незамеченным, не зная о том, как все здесь устроено и не имея понятия о наших стратегиях.

– Совершенно верно, – услышала я знакомый монотонный голос позади себя.

– Сириус, – не оборачиваясь сказала я, – Я совсем не слышала как ты вошел.

– Я постучал несколько раз, но ответа не последовало, так что я позволил себе войти. Я видел снизу, что ты здесь.

Старпом поравнялся со мной, и, облокотившись о поручни, тоже устремил свой взгляд вниз.

– Почему ты решила начать учения сегодня? – спросил он. – До конца этого квартала еще больше месяца.

Честно говоря, я ожидала этого вопроса еще с конца прошлой недели, когда внесла военные учения в общий план. И, все же, я немного замешкалась прежде чем ответить.

– Интуиция, – призналась я. – Мне совсем беспокойно в свете последних событий.

– Да, в последнее время ты сама не своя, – согласился Сириус. – Но что ты имеешь ввиду, говоря об интуиции?

Я удивленно подняла брови.

– Не думал, что она у тебя есть, – объяснил старпом, после чего его лицо приняло довольно-таки странное выражение, и мне еще понадобилось какое-то время, дабы понять, что он шутит.

– Меня жутко беспокоит все это, – продолжила я.

Сириус кивнул. К счастью, ему можно было довериться.

– Тогда могу я узнать, что ты сам об этом думаешь?

Он прекратил наблюдать за строем военных, и повернулся ко мне. На его лице читалось такое удивительное спокойствие, что я даже позавидовала.

– Касательно того мрачного парня, Терренса, он всегда был не в своем уме, так что давай признаем это. К тому же, старику уже немало лет, – говорил Сириус, – а вот в историю с Метьюзом мне верится очень слабо.

– Ему оставался лишь год до пенсии, – добавила я, – да и куда он мог деться с Луны? Это же нелепо.

– Дело даже не в этом. Я был хорошо знаком с Джеком. Дезертир? Он славный малый, совершенно не такой человек, каким его пытаются теперь выставить, и любой способен подтвердить мои слова. Или, правильней будет сказать, был не таким.

Уже знакомая дрожь подкралась к моему сердцу после его последней фразы.

– Так ты полагаешь, Метьюз погиб? – дрожащим голосом произнесла я.

– Да. Я практически уверен в этом. Иначе мне пришлось бы усомниться в его чести, а к этому я сейчас явно не готов.

Мне показалось, что я, наконец, услышала голосе Сириуса нотки глубоко скрытой скорби. Словно заметив это, он поспешно вернулся к предыдущей теме.

– Так что с построениями? – спросил он. – Планируешь проводить их до конца недели?

– Нет, – уверенно ответила я, – до конца месяца. Затем последует небольшой перерыв, и начнем все заново.

Сириус не стал возражать.

17 Темнота

Я взглянул в окно пассажирского корабля с мелодичным названием «Лунная Волна», и увидел Отем. Она стояла под прозрачным навесом, отделявшим взлетную полосу от космодрома.

Неделя подходила к концу. Все туристы покинули городок, и, разместившись в просторном салоне, уже мирно посапывали, забывшись безмятежным сном. Новый заезд на Луну должен был быть лишь спустя два дня, так что на всем космодроме не было ни души, что, казалось, увеличивало его и без того значительную масштабность.

Я смотрел на Отем, одиноко наблюдающую за судном, и думал, какой же все-таки маленькой она казалась мне на фоне этих громадных мрачных зданий. Одета как всегда в черное и укутанная в широкий вязаный шарф, сейчас она меньше всего напоминала капитана м83.

Корабль бесшумно стартовал, и мне пришлось усесться вполоборота, дабы все еще иметь возможность видеть Отем. Она слегка улыбнулась и махнула мне рукой.

«А ты и впрямь похожа на осень,» - подумал я и помахал в ответ.

Наверное, именно в этот момент я впервые увидел ее настоящую, без какой либо тени преобразений, вызванных луной и ее синим воздухом.

Судно поднималось все выше и выше над м83, унося меня все дальше от Отем. Вскоре и она, и городок, и сама база исчезли, растворившись в темноте и оставив за собой только звезды. Это произошло настолько быстро, что события последних шести месяцев показались мне волшебным сном.

— Отражатели, - вздохнул я и, последовав примеру других пассажиров, постарался уснуть.

* Земля встретила меня будучи все такой же как и прежде. К счастью для самого себя, я пробыл недостаточно много времени вне этого мира технологий, чтобы успеть в нем разочароваться. Однако, стоило мне только сойти с корабля, и я тут же почувствовал как замершее прежде время молниеносно пустилось вспять, словно желая скорей наверстать опущенные часы.

Мимо меня сплошь и рядом проносилось безмерное количество транспорта, а столь популярные в этом веке ай-роады и вовсе заполняли улицы. Мой поношенный Порше ждал меня на долгосрочной парковке около дома, поэтому добираться до него мне пришлось как и в университетские годы — скоростным надземным поездом, стоя в проходе которого я на протяжении всего пути наблюдал столь хорошо знакомую панораму города.

Несмотря на наличие собственного автомобиля, этот вид транспорта всегда приходился мне по душе. Линии путей проходили на высоте трехсот пятидесяти метров над уровнем трассы, что позволяло избегать привычного в наши дни столпотворения транспорта. К тому же, как и космическое судно, поезд двигался без лишнего шума, вне зависимости от набираемой скорости, оттого в другие дни я спокойно мог отдохнуть в нем, расположившись подальше от

выхода. Но только не сегодня. Сейчас я был как никогда преисполнен энергии и решимости взяться за накопившиеся за полгода дела и побыстрее покончить с ними, дабы как можно скорей вернуться к своей любимой.

Первым делом я решил отправиться в университет. Нужно было окончательно решить вопрос с моим увольнением, потому что, уезжая в прошлый раз, я лишь оформил перевод на м83 сроком на год, а после мне предстояло вновь вернуться к преподаванию, чего теперь мне хотелось меньше всего. Нет, я всегда любил свою работу в университете, но по истечению времени все это казалось мне таким приземленным.

Если честно, раньше я и сам до конца не верил в то, что мне удастся осуществить задуманное, ведь в какой-то степени этот проект был для меня не более чем красивой мечтой, но вид катеджного городка в мой первый вечер на м83 и, конечно, появление Отем изменили многое в моей жизни. В итоге же события последних месяцев оказались для меня гораздо важнее, чем бы то ни было.

Поглощенный вихрем собственных мыслей, я чуть было не пропустил нужную остановку, но вовремя увидев в окне поезда хорошо знакомую крышу своего дома, в последний момент успел проскочить в закрывающуюся дверь.

Двадцати пяти этажный дом, в котором я снимал квартиру, был маловат для центра города, но довольно заметным для спального района, где он и находился. В основном, здесь преобладали каскадные пятиэтажки, а кое-где и вовсе можно было встретить двухъярусные домики. Спустившись вниз по эскалатору, я вышел из здания <метро>, и, быстрым шагом перейдя улицу, оказался около своего дома.

Я поднял голову, стараясь разглядеть свои окна, но зимнее солнце этим утром ослепляло, не позволяя мне что-либо увидеть. Протяжно вздохнув, я вошел в здание. На пути мне встретились соседские ребятишки, с радостными криками пересекающие холл. И вот вскоре я стоял на пороге своего дома.

Скинув пальто, я осмотрелся по сторонам. Квартира, которую я арендовал, находилась на последнем этаже и больше походила на просторную студию. Обычно, в таких не задерживались надолго, а скорей перебивались некоторое время в ожидании возможности обзавестись собственным семьей и домом. Но меня это место вполне устраивало. За пятнадцать лет, прожитых здесь, я так и не успел полностью обставить квартиру. Свободного места в ней было хоть отбавляй. Окна не такие большие как хотелось бы, но проникающего из них света было достаточно, дабы каждое утро стряхивать с моей скромной обители мрачность ночи.

Под одним из окон стояло сенсорное фортепиано. Я приобрел его со своего первого учительского оклада, и отдавал долг больше года, хотя этот инструмент так и не смог сравниться с дедовским роялем, чье звучание я помнил еще с малых лет. Всю стену напротив фортепиано занимал огромный снимок звездного неба, изображающий мои разработки последних двадцати лет, а под ним находилась невысокая двуспальная кровать. Импровизированной кухней мне служили небольшая микроволновая печь и электрический чайник, стоящие на выдвижном столике в другом углу комнаты. Чаще всего я обедал вне дома, так что остальные предметы бытовой техники мне попросту не были нужны.

Около постели стояло мое любимое удобнеее кресло из красной кожи, что было приставлено к рабочему столу средних размеров. Умостившись в кресле, и перекинув ноги через подлокотник, я нажал единственную кнопку на столе, и тот моментально осветился. Спустя каких-то двадцать минут царивший здесь прежде порядок превратился в совершенный хаос.

Осознав это, я улыбнулся: беспорядок беспорядком, главное он не мешал мне работать.

Поначалу гора скопившихся бумаг казалась мне бесконечной, но к обеду мне, все же, удалось разобрать большую их часть. В любом случае, мне предстояло отчитать еще семь лекций, а заодно подыскать себе постоянную замену, на что этого месяца вполне должно было хватить.

Копаясь в учебных планах, я неожиданно для самого себя понял, что возвращение на время к старой работе оказалось для меня приятным занятием. Единственным минусом было отсутствие каких-либо возможностей общения с Отем. Как и на всех дочерних компаниях ЭСКМО, на м83 настрого запрещалась любая связь с внешним миром. Не считая, конечно, всяческих переговоров, относящихся к рабочим моментам. И как не пытался я сосредоточиться на составлении учебного плана, в итоге мои мысли все равно возвращались к Отем, и я чувствовал, как непреодолимо сильно тоскую по ней.

Наконец, к вечеру того же дня короткий курс лекций был подготовлен, и, решив, что пора перекусить, я вышел из квартиры.

*

Следующим моим шагом было хорошенько выспаться перед наступающим насыщенным днем. Мне предстояло оббежать чуть ли не половину города, но потому как по возвращении домой я только и делал, что отсиживался за столом, я был вовсе не против такой небольшой прогулки.

По поводу небольшой я, конечно, погорячился, потому что уже через четыре часа после пробуждения чувствовал себя так, словно прошел за это время какой-то усиленный курс военной подготовки, предназначенный для службы на м83.

Наконец, я добрался и до Университета. Оставив машину на преподавательской парковке, я поднимался по ступеням залитого солнцем крыльца здания. Но не успел я пройти и пару шагов в сторону центрального входа, как меня тут же окликнули по имени.

– Профессор Рок?

Я обернулся. Навстречу мне спешил Курт Саймонс, второкурсник. Я хорошо помнил этого парнишку, и на то было как минимум две причины.

Во-первых, он однозначно был самым заинтересованным в астрономии студентом на всем курсе, если не сказать факультете. Курт, как губка, впитывал каждое слово, сказанное мной во время лекций, (будь это давняя теория, или незначительный факт) но при этом никогда не терял интереса к новым знаниям. Именно благодаря таким ребятам как Курт мне всегда нравилось преподавать: видеть этот неподдельный интерес в глазах подростка, делиться собственными знаниями и соображениями на ту или иную тему.

Во-вторых, Курт уже второй год занимался собственным научным проектом, и в данный момент тот был полностью сконцентрирован на Луне. Хотя на первый взгляд тема его работы

могла показаться шуточной, парень был настроен весьма серьезно. Еще до моего отъезда, он еженедельно брал консультации у нескольких преподавателей, включая меня. И пускай я, как и подавляющее большинство его окружения, не был сторонником этой лишь начинавшей вырисовываться идеи, не могу сказать, что меня она не интересовала. Ведь наше внимание всегда получают в первую очередь те, кто решается пойти против течения.

К тому же, я никогда не отметил что-то лишь потому, что другим оно могло показаться глупым, и, в каком-то смысле, допускал абсолютно во все.

Тема работ Курта была широко известна благодаря средствам массовой информации, но уже давно никак не соприкасалась с наукой — «Внеземные расы. Их жизнь в и вне нашей солнечной системы.» Невероятно глупая и устаревшая затея — так думали многие, но уверенность Курта в собственных домыслах мне нравилась. Это вызывало уважение.

Дело было в том, что в наши дни вездесущих технологических исследований уже давным-давно никто всерьез не допускал самих даже мыслей и существовании подобных вещей. Они были, скорей, занимательной сказкой, но не более.

Курт же так не считал. Нет, он не был из числа помешанных, но день за днем проводил в исследовании всевозможной информации и поисках нужных ему фактов.

— Профессор Рок? — поднявшись, Курт отдышался и широко улыбнулся. — Вы вернулись.

— Здравствуй, Курт. Совсем ненадолго.

— Seriously?

Я кивнул. Касалось, он был немного расстроен.

— Очень жаль слышать это. Профессор Рок, я ждал Вас с самого утра. Миссис Пиллсберри сказала, что Вы сегодня возвращаетесь.

— На самом деле, преподавать я начну только со среды, — вставил я, — а сейчас просто зашел уладить некоторые организационные вопросы.

— Так вот я хотел спросить, раз уж Вы здесь, — продолжал он, — нельзя ли мне еще немного посоветоваться с Вами?

Я вздохнул: на сегодня дел и без того было хоть отбавляй, да и утренней бодрости во мне уже заметно поубавилось.

— Прости, Курт, но мне еще очень многое предстоит сделать, боюсь, что у меня просто нет времени.

Он тут же поник, а я просто не мог позволить себе разочаровать ребенка, следовавшего за своей мечтой. В каком-то смысле, он напоминал мне самого себя в его возрасте.

— Послушай, а почему бы тебе просто не прислать свои вопросы на мой рабочий имэйл? — предложил я. — Я прочту их ближе к ночи, так что утром уже получишь ответ.

Курт слегка улыбнулся.

— Хорошо бы, профессор Рок, но я стараюсь избегать подобного вида общения.

Видимо, мне так и не удалось скрыть своего удивления, потому что, завидев мое выражение лица, он тут же расхохотался и поспешил добавить:

– Дело в том, что мне немного некомфортно вести любые переписки. Я не чувствую собеседника, не могу воспринимать его всерьез таким образом. Не знаю, как это объяснить, ведь я даже в социальных сетях не зарегистрирован. В общем, мне гораздо легче дается живое общение, поэтому, если Вы не против, я лучше уж подожду, пока Вы освободитесь, и подойду... в следующий понедельник, например.

Ошеломленный его тирадой, я не мог не улыбнуться, и немного пораскинув мозгами, решил все таки сдаться.

– Ладно, < >, жду тебя через десять минут в моем кабинете, – произнес я. – И захвати кофе, день обещает быть долгим.

*

Без сомнений, объем новостных сводок, которые я запросила неделей ранее, должен был оказаться немалым, но я, все же, с ужасом наблюдала за тем, как их стопка беспрестанно увеличивалась на моем рабочем столе. Гастингс направил файлы сразу после обеда и мне больше часа пришлось ждать окончания разархивации. В конце концов, бумажек накопилось столько, что распредели я их поровну между всеми своими подчиненными, все равно нам не хватило бы и года, дабы их прочесть.

К счастью, это вовсе не было обязательным. Достаточно было просто воспользоваться поиском, правильно подобрав ключевые слова. Что ж, я использовала все возможные варианты, и так и не нашла ни одной разоблачающей статьи или хотя бы заметки, связанных с изменениями подземного давления, толчками, исчезновением Метьюза и прочим. Даже обиходное слова «опасность» не привело меня к особым результатам.

Покончив со всем этим, я включила успевшую мне так полюбиться «Maybe I Missed The Point», и, прикрыв глаза, вытянулась в своей постели. Все оказалось именно так, как я и предполагала: никто на Земле и понятия не имел о происходящем.

*

– Сириус? – позвала я, войдя в соседний от моего кабинет.

За дверью стояла крошечная темнота, но я знала, что старпом был внутри.

– Я здесь, – раздался ответ. – Проходи, только не включай свет.

Голос доносился с конца кабинета, и, закрыв за собой дверь, я на ощупь двинулась в его сторону. Глаза, привыкшие видеть в полумраке, быстро освоились в темноте, и вскоре я увидела силуэт Сириуса. Облокотившись о стол, он стоял со сложенными на груди руками.

– Что ты делаешь?

Я опустилась на диван, приставленный к стене напротив.

– Размышляю, – ответил Сириус, и я невольно улыбнулась.

Мне вспомнилась его юношеская привычка бегло говорить, да так, что не всегда можно было разобрать и половину сказанного. Теперь же его слова звучали столь однообразно и монотонно,

словно старпом намеренно старался протянуть каждое из них. Так сравнительно немного времени прошло с той поры, а передо мной уже был совершенно другой человек.

Иногда я все же видела Сириуса прежним. В такие минуты я ощущала приятную легкую тоску по минувшим дням, как если ты случайно натыкаешься на давно забытую песню, что когда-то любил. Такие чувства не проходят, они лишь притупляются, чтоб позже возникнуть с новой силой.

– Почему в темноте?

– Так лучше думается, - произнес Сириус, а после довольно продолжительной паузы добавил:
– Все эти парни с темной стороны так много времени проводят во мраке. Мне показалось, что если постоять здесь пару часов с выключенным светом, я смогу почувствовать себя одним из них, и тогда, возможно, мне удастся понять, что же все-таки произошло с Джеком там, у тринадцатого. Глупо, должно быть.

Я не видела его лица, но чувствовала странную уверенность в том, что сейчас оно выражало куда больше эмоций, чем обычно.

– Совсем не глупо. Тебя мучает случившееся здесь, к тому же Метьюз был тебе другом, так что твое желание разобраться вполне нормально.

– Но я так ни к чему и не пришел...

Он зажег небольшую подвесную лампу у дивана, и, прищурившись, сел рядом со мной.

– Я тоже все время думаю об этом, а отсутствие Старлайта буквально заставило меня полностью сосредоточиться на чертовых толчках. Даже поспать толком не удастся. Но, знаешь, это правильно. Я имею ввиду, я ведь капитан и все-таки отвечаю за жизни этих людей. Не думаю, что Хатс стал бы вести себя иначе.

В тусклом свете лампы я заметила тень улыбки, проскользнувшую на лице Сириуса.

– Старина Хатс, он был примером для нас.

Я подбадривающе ткнула его локтем под бок.

– Еще каким.

– Так что ты хотела сказать мне, Отем? – вспомнил Сириус.

Я рассказала ему о ситуации с новостями и тем, какой результат дали мои поиски

– С моей стороны было крайне наивно полагать, что дела могут быть иначе, - закончила я.

– Да уж, - вздохнул старпом. – Мы все еще не можем быть на 100% уверены во вмешательстве третьей стороны, но люди должны знать о возможности подстерегающей их опасности. Пускай пока она и таится на темной стороне.

– Знай мы, с чем имеем дело, было бы гораздо проще. Но у меня по-прежнему нет ни одной подходящей догадки.

Выждав еще пару минут, я продолжила.

– В последнее время я все чаще вспоминаю ту историю с «Алым Орионом», – после небольшой паузы произнесла я.

– Такое сложно забыть, – тут же нашелся Сириус.

– Да, но мне постоянно не дает покоя главный вопрос: зачем?

– Отем, они пираты. Для таких людей не существует никаких «зачем».

– Но на все должна быть своя причина.

Старпом вздохнул.

– Послушай, – продолжала я, – они не хотели просто захватить коттеджный городок. Штатские лишь играли роль живого щита. В ту ночь в их планы входило нечто большее – захватить Луну.

– Что? – Сириус взглянул на меня с недоверием. – Ты, должно быть, шутишь.

– Вовсе нет. Я входила в наряд разведки, если ты не забыл.

– Да...

– Мне многое удалось услышать, прежде чем открыли огонь.

Закончив это предложение, я в ожидании посмотрела на старпома. Сейчас он выглядел еще более обескураженным, чем когда-либо. Складка морщин, появившаяся на его лбу за годы службы на м83, бесследно исчезла. Сириус даже не хмурился – таким я давно его не видела.

– Но для чего это было нужно? – тихо произнес он.

Я подняла брови.

– Ну, а я тебе о чем говорю?

Старпом молчал.

– Знаешь, иногда мне жаль, что я стала капитаном так поздно, – призналась я.

– Поздно? – переспросил Сириус. – Ты хотела сказать «рано»? Тебе ведь еще даже тридцати нет.

Я слегка улыбнулась.

– Ты прав. Наверное, я просто родилась слишком поздно. Я имею ввиду, что хотела бы лично поговорить с теми внезаконниками.

– И что бы изменилось, будь ты лет на десять старше?

– Возможно, мне бы удалось узнать ответ на свой вопрос. Выменять его на их жизни, например. Я уже говорила, что и по сей день не перестаю думать о той ночи. Став капитаном, я просмотрела личные дела всего экипажа «Ориона». Все до одного оказались вполне благочестивыми гражданами. Это странно, ты не находишь?

– Такие люди способны до последнего скрываться под маской чести, – ответил Сириус.

– Ты звучишь как сенатор Куинн.

Он пожал плечами.

– Но это правда, – протянул Сириус.

– Даже не знаю, – ответила я, – Все эти мысли не дают мне покоя.

– Ну, если сейчас тут и впрямь имеет место быть подобное вмешательство, то это определенно точно не пираты, – уверенно произнес Сириус.

– Согласна, – кивнула я. – Это было бы совсем нелогично. Зачем им может понадобиться бурильщик? Да и сроки не те. Прошло уже достаточно времени для них, чтобы заявить о себе.

– А мы ведь обыскали каждый сантиметр.

– Тогда что это?

Сириус не ответил. Просто потому что ни один из нас больше не знал что сказать.

18 Долина Снежных Холмов

Странные ощущения окутали меня при взгляде на старую семейную усадьбу. Я сошел с конечной остановки скоростного метро около часа назад, и все это время шел по некогда цветущим окрестностям трассы шестьдесят шесть. Разумней было бы воспользоваться взятым в прокат автомобилем, но еще вчера на меня накатило внезапное чувство ностальгии, так что очень хотелось пройти этот путь именно так, как когда-то мне приходилось делать это бесчисленное количество раз.

Долина Снежных Холмов находится в тридцати трех километрах к северу от центра Денали. Многие годы назад это место было восхитительным заповедником, но, невзирая на настигнувшее ее опустошение, долина по-прежнему входит в число моих любимейших мест на планете.

Время близилось к полудню, а я стоял на обочине дороги, где и брала свое начало долина. Вдалеке за несколькими заброшенными домами виднелась хорошо знакомая крыша родительской усадьбы. Она была расположена у самого подножья холма. Глядя на верхушку своего домика, я подумал, что чего-то определенно не хватает, хотя вроде как все было на месте. Тогда я закрыл глаза, вернулся мыслями в прошлое, открыл их... и тут же понял, в чем дело. С левой стороны крыши была каминная труба, из недр которой в холода многие годы подряд валил дым. Теперь же, без этой совсем маленькой детали, родной дом уже не казался мне таким уютным. А посему, достигнув усадьбы, я первым делом решил развести пламя в камине. И когда я сделал это и вновь взглянул на усадьбу с улицы, мне словно стало гораздо легче дышать.

Закончив все дела в городе, я вернулся к тому, с чего начинал. Вскоре мне предстояло отправиться на м83, начать там новый проект, а вместе с тем — и новую жизнь, и я, конечно, был рад этому, но сейчас у меня все еще оставалось пять дней, которые я мог и хотел провести именно здесь. Ведь, по сути, больше ничто не удерживало меня на Земле, кроме как эта усадьба, и воспоминания, связанные с ней. Но последние всегда будут храниться в моем сердце, а там, далеко за звездами, меня ждала Отем и дело всей моей жизни, оттого выбор совсем не был сложным. Однако, прежде чем вновь покинуть Землю, у меня оставалось еще одно дельце.

Улыбнувшись этим мыслям, я вернулся обратно в усадьбу. Снаружи стоял тихий, но морозный зимний вечер, а в камине маняще потрескивали угольки, когда, развалившись на мягком диване, я допивал бутылку красного вина 25.. года. В этот раз я не стал обращаться к любимым альбомам — музыки вокруг было вполне достаточно.

Чуть позже за окном выпал снег и вся долина окрасилась в белые тона, что полностью соответствовало ее названию.

В соседней комнате, когда-то служившей моей семье гостиной, по-прежнему стоял дедовский рояль. Вся его поверхность была укрыта толстым слоем пыли, и я еще несколько раз чихнул, прежде чем удалось привести все в порядок.

И вот, я, наконец, смог ощутить всю красоту звучания знакомых с детства мелодий. Ностальгия — приятное чувство, особенно когда ты находишься в таком месте как это, - я взглянул на висевшую над пианино картину, - но нужно двигаться дальше, к лавандовым долинам и выше. Скоро я покину долину снежных холмов, прихватив с собой несколько пластинок и эту фотографию. Возможно, что-то и забуду, но о главной вещи я все время помнил. Сейчас она лежала всего в нескольких сантиметрах от моей руки и уже многие годы ждала возможности увидеть мир.

19 Ледяные озера

Я уже несколько часов обнимал Отем, будучи не в силах выпустить ее из своих объятий. Ее глаза светились любовью, а длинные волосы, раскинувшиеся на подушке, напоминали морские волны. Как же я соскучился.

Месяц, проведенных на Земле, обернулся для меня вечностью, но я ни на минуту не переставал думать об Отем. Все это время мое сердце оставалось здесь, на м83, а эта разлука только помогла мне убедиться в том, что я и так знал с самой нашей встречи. Я хотел быть с Отем. Всегда. Не важно, на какой из планет или звезд нам пришлось бы жить — ради нее я был готов облететь целую Вселенную. Одного взгляда ее синих глаз оказалось достаточно, дабы понять это.

Но дело было вовсе не в ее внешности или волшебстве, окружавшем нас. Я знал, что если бы встретил Отем при совершенно иных обстоятельствах, то непременно полюбил бы ее так же крепко и с первого взгляда. Все заключалось в душе и том светлом неописуемом чувстве, которое мне каждый раз навевали одни лишь мысли о ней — такие моменты не исчезают. Они вечны.

— Как там твоя усадьба? — спросила Отем.

Она лежала рядом со мной, наполовину укрывшись тонким одеялом. Я провел рукой по ее снежной коже.

— Прекрасно, - ответил я. — Дождается тебя.

Отем улыбнулась.

— А как дела с твоими переживаниями? - вспомнил я. — Удалось узнать что-нибудь новое?

— Совсем немного, — она потянулась. — Я расскажу тебе обо всем, но только не сейчас. Это может немного подождать, потому что я уже устала тосковать по тебе.

После этих слов Отем прижалась ко мне.

— А теперь иди ко мне, — улыбаясь, прошептал я, и поцеловал свою любимую.

*

Мне всегда нравились Рэйдихед. За восемь неполных лет, проведенных на темной стороне Луны, я слушал их музыку изо дня в день, бесконечное количество раз, но что еще хуже, чаще всего я просто чувствовал себя живущим из этих унылых песен.

Ложка молотого кофе, еще одна сухих сливок, три кубика сахара — и можно начинать день. Хотя какой же это день? Я живу и работаю в крошечной тьме. Существую словно под тесным куполом. И это не было метафорой. После давнишней истерики старика Терренса нам не

разрешалось покидать пределы темной стороны на протяжении всего рабочего времени. Я имею ввиду, бурильщикам. Так что все мы здесь бродили под этим колпаком одиночества.

Мой контракт был заключен на десять лет, большую часть из которых я уже отработал. Оставалось всего ничего. В другой ситуации я бы, наверное, ни за что не согласился взяться за подобную работу, но в тот момент обстоятельства буквально вынудили меня согласиться. Говоря об обстоятельствах, я, конечно же, имею ввиду женщину. Все дело в ней, всегда в ней. Лия, моя белокурая девчушка, ушла, а я просто не смог вынести это предательство. Удар был слишком болезненным и попал прямо в сердце.

То утро оказалось худшим из всего, что мне приходилось пережить за свои неполные сорок лет. Хотелось просто исчезнуть, раствориться и стать всеми забытым. Тогда-то мне и попалось на глаза объявление, гласившее о наборе команды на м83. Конечно, о бурении в нем не было ни слова, как и о самой базе. Говорились только то, что нужны сотрудники для непыльной работы далеко от дома и сроком на продолжительное время. Меня это вполне устраивало.

До последнего момента я не имел ни малейшего понятия о том, где буду находиться в ближайшие десять лет своей жизни. Мне представлялась безымянная пустыня или тихий необитаемый остров, пускай таких уже и не осталось на свете. Как бы там не сложилось, я надеялся провести эти годы с пользой, а самое важное – я был уверен, что избавлюсь от этой боли и сам изменюсь до неузнаваемости. Но я не смог. Время здесь продолжало стоять на месте, а я все так же оставался тем самым человеком с разбитым сердцем и покрасневшими от тоски глазами, одиноко стоявшем на крыльце своего дома пасмурным ноябрьским утром в надежде на то, что она вернется, обязательно вернется ко мне.

Компания ежедневно выплачивала мне кругленькую сумму, но на Луне деньги были мне не к чему. Возможно, это было единственной причиной, по которой мне еще могло нравиться это место.

Я дремал, полулежа на своем рабочем месте с закинутыми на стол ногами. В последнее время я частенько позволял себе этот грешок. Не знаю, почему. Такое странное состояние вновь окутало меня, когда ты вроде как и не бодрствуешь, но при этом слышишь все, что происходит вокруг, и отлично понимаешь, где находишься.

Вскоре я открыл глаза, но продолжал лежать неподвижно. Так, словно еще и не просыпался. В небольшом окошке над моей головой блестели звезды. Удивившись про себя, я заметил, что грусть рэйдиоходовских мелодий куда-то исчезла. На смену ей пришел бессмертный альбом Джонни Кеша – «Среди звезд». Всегда поражался его умению писать музыку с того света.

Я ухмыльнулся. Хотя я и не мог вспомнить, как и когда успел сменить плейлист, перемена эта была очень кстати: мое настроение тут же улучшилось. Музыка и впрямь способна исцелять.

«Еще немного, – подумал я, не сводя глаз с клочка открывающегося мне звездного неба, – и заживу полной жизнью».

Спустя какое-то время в колонках закрипели Джой Дивижн, а прямо перед моими глазами проскользнула падающая звезда.

«Надо же, мне виден такой крошечный отрезок неба, а звезду эту заметил именно я...» – я улыбнулся про себя.

Но мне нечего было загадывать.

Хотя нет, ошибаюсь. Больше всего на свете я хотел быть счастливым.

С такими мыслями я сомкнул глаза и вновь погрузился в сон, на этот раз более крепкий. Мне виделась Лия, тем злосчастливым утром сидевшая у изголовья моей кровати. Но здесь утро не было таковым и девушка не спешила исчезать из моего дома, а вместе с тем и моей жизни. Сейчас Лия лишь сидела около меня и ласково улыбалась. В руках она держала белую фарфоровую чашку, из которой исходил пар. Скорей всего, зеленый чай – ее любимый напиток по утрам.

Однако, привстав, я учуял в воздухе знакомый приторный запах, какой вряд ли стал бы исходить от чая.

– Что это? – спросил я, указав на чашку.

– Глинтвейн, – спокойно ответила Лия, и игриво накрутила на палец прядь золотых волос.

Меня сводили с ума ее локоны, и Лия об этом знала.

– Не рановато ли для спиртного? – вновь спросил я.

Сам я на дух не выносил глинтвейн, и сейчас удивлялся тому, как Лия вообще могла держать его в руках.

Услышав мой вопрос, Лия улыбнулась еще шире. До невозможности шире, и постепенно ее улыбка превратилась в странную гримасу, от которой по моей коже пробежала дрожь.

Девушка покачала головой.

– Нет, я праздную, – весело говорила она. – И ты тоже празднуешь. Посмотри.

Лия подняла руку и направила свой указательный палец в мою сторону. Проследив за ним взглядом, я неожиданно для самого себя заметил, что держу в руках такую же чашку с глинтвейном. После этого я тут же почувствовал тошнотворно-сладкий привкус напитка у себя во рту.

– Гляди язык не обожги, – беззаботно сказала Лия. – Я его только пять минут как с плиты сняла, так что он должен быть еще очень...

– Постой-постой, – перебил ее я. – А что именно мы празднуем?

Внутри меня таилось странное чувство тревоги. Где-то глубоко в душе я совершенно не желал задавать этот вопрос. И все же я уже спросил.

– Как это что? Твое окончание работы на темной стороне, глупенький.

– Но, я ведь еще не отработал оговоренного срока, – поспешил разубедить ее я. – По контракту мне полагается пробыть здесь еще два года.

– К черту контракт, – ответила Лия. Теперь ее улыбка была настолько широкой, что больше походила на оскал. – Ты только послушай это.

Я уже хотел спросить, о чем это она говорит, но секунду спустя тоже услышал. Оглушительный гул, нарастающий с каждой минутой, раздавался из всех уголков комнаты, подступая ко мне все ближе и ближе.

– Что это такое?! – крикнул я.

– Фанфары, – с улыбкой ответила Лия. – Теперь ты свободен.

Я открыл глаза и в замешательстве посмотрел по сторонам. Я по-прежнему был на своем месте в тринадцатом. Сон как рукой сняло, но в голове все еще раздавался тот пугающий гул.

Прошло несколько секунд, а шум никуда не уходил. С замершим сердцем я обернулся и понял, что этот гул был вовсе не в моей голове, он исходил от машинной панели позади меня. Центральная кнопка, на которую я до этого не обращал внимания, пылала красным светом, а стрелка счетчика, отвечающего за давление под землей, с неистовой силой молотилась о стеклянный корпус.

Я подсочил со стула и, спотыкаясь, помчался к панели: происходящее вокруг выглядело весьма пугающе.

*

Следующей четвертью Отем показала мне Озерный край – восхитительное место на светлой стороне Луны, между Циановым лесом и Звездной гаванью, находящееся ближе всего к базе м83. Сегодня была необычная ночь, ночь звездопадов, а каждый, кому хоть раз посчастливилось побывать здесь, знал, что лучше всего наблюдать за звездопадами, стоя на одном из снежных холмов Озерного края. Именно по этой причине я и выбрал сегодняшнюю ночь для того, чтоб сделать Отем предложение.

Оставив свои луноходы около первого попавшегося на нашем пути холма, мы получше запахнули свои пальто, (ведь здесь было довольно морозно) и, взявшись за руки, зашагали в обход снежного склона. Он оказался гораздо больше, чем мне виделось издали, и нам понадобилось около двадцати минут, дабы полностью обойти склон. Когда, наконец, удалось сделать это, моему взгляду открылась невиданная доселе красота снежного края. Словно изображенная на холсте умелого художника, перед нами раскинулась долина, густо укрытая снежным покровом, которую со всех сторон окружали холмы, визуально отгораживая ее от внешнего мира. В центре долины виднелось множество озер. Все они были разной формы и размера, но самым очаровательным оказались подснежники, то тут, то там выглядывающие на поверхность.

– Остановимся здесь? – предложил я.

Мы пересекли уже практически половину долины, и сейчас были в центре застывшего озера, по краям которого находилось несколько высоких резных лавочек из черного металла.

– Давай лучше присядем в беседке, – ответила Отем.

– Беседке? – переспросил я.

Она указала мне на следующее озеро, имевшее тонкую форму полумесяца. Я присмотрелся, и увидел в центре него небольшую утонченную беседку, выполненную из витиеватых черных прутьев стали.

– Конечно, – улыбнулся я, и мы продолжили свой путь.

Шагая по толстому слою льда, я слушал рассказ Отем о газетных выдержках, добытых для нее каким-то Гастингсом, но, признаться, был невнимателен. Все мои мысли были заняты другим, ведь несмотря на то что я всеми силами старался взять себя в руки, тогда как волнение все сильнее охватывало меня с каждой минутой неведения.

«В конце концов, главное – спросить», – решил я.

– Как хорошо, что ты вернулся, Старлайт, – вдруг произнесла Отем.

Отвлекаясь от своих мыслей, я увидел, что мы уже пришли.

– Иначе и быть не могло, – ласково ответил я.

Мы вошли в беседку, и лишь тогда я заметил, что верх у нее был открытым. Должно быть, это было сделано для наблюдения за звездопадами.

Отем откинулась на перила беседки и взглянула на меня.

– В твоё отсутствие я много думала о нас, – начала она. – О тебе. Я жалела, что перед твоим отъездом так и не сказала самого важного. С тобой я забываю обо всех тревогах. Наверное, это не совсем правильно, учитывая то, какую роль я играю на м83, но сейчас это абсолютно неважно, как неважно и все остальное. Я люблю тебя, Старлайт, и это единственное, что имеет значение, потому что я еще никогда не была так счастлива, как в этот самый момент.

Я улыбнулся и прижал ее к себе.

– Я и сам никогда прежде не был так счастлив, – искренне произнес я.

В ее глазах, отражаясь, сияли звезды.

– Смотри, началось, – улыбнулась Отем.

Подняв голову, я увидел, как с невероятной скоростью десятки звезд проскальзывают по небесному полотну, одна за другой исчезая в темноте. Но стило им лишь померкнуть, тут же появлялись другие. Звездопад начался. Я затаил дыхание: настолько прекрасной оказалась эта картина. Падающие звезды были повсюду. Они отражались и в ледяной поверхности озер, отчего создавалось впечатление, что мы в открытом космосе.

«Вот он, идеальный момент», – подумал я.

Мои пальцы нашли во внутреннем кармане пальто объемное кольцо, когда-то давно принадлежащее матери моего отца. Оно было сделано из белого золота, а посередине кольца сиял прекрасный темно синий камень, название которого я уже не помнил.

– Отем, дорогая моя, – произнес я, и взял ее тонкую белую ручку в свои ладони.

Девушка отвлеклась от звездопада и умиротворенно посмотрела на меня.

Я думал об этом моменте на протяжении всего последнего месяца, но сейчас все мысли и речи, что я не раз прокручивал в своей голове, куда-то исчезли, и мне не оставалось ничего, как просто спросить:

– Ты выйдешь за меня?

Она молчала всего мгновение, но и оно показалось мне вечностью.

– Значит, Исландия? – с улыбкой спросила Отем.

Я надел кольцо на ее палец и, улыбаясь в ответ, поцеловал свою невесту.

– Я так счастлив, что готов умереть.

*

Вокруг нас было спокойно и тихо. Никакого ветра. Звездопад прекратился около часа назад. Обычно они длились пару минут, не более, но это всегда стоило того, чтобы посмотреть. Сегодняшний же звездопад стал особенным для меня, и я навсегда запомню его.

Набродившись по сугробам, мы оба изрядно вымотались и теперь уставшие направлялись обратно. Старлайт шел рядом со мной. Его лицо по-прежнему освещала та самая улыбка, в которую я была так сильно влюблена.

Вдруг где-то вдалеке раздался гул, эхом разносясь по окрестностям. Земля под ногами задрожала, и я бы непременно упала, если бы Старлайт вовремя не подхватил меня.

– Милая, ты в порядке?

Не выпуская моей руки, он встревожено смотрел на меня.

– Кажется, да, – я ошарашено оглянулась по сторонам, пытаюсь понять, что только что произошло.

Местами земля укрылась трещинами, а кое-где даже отделилась от поверхности и теперь нависла над ней бесформенными пластами, напоминавшими края рваной раны. Сейчас окружающий нас пейзаж уже не выглядел столь прекрасным, как каких-то десять секунд назад. Он попросту казался мне фальшивкой: из-под сдвинувшихся с места снежных пластин пробивались стабилизаторы температуры. Их работа была нарушена появлением толчков, и теперь снег постепенно начинал таять. Я знала, что уже через час он и вовсе исчезнет под лучами искусственного освещения, которое, к счастью, не пострадало. Я подняла голову, желая убедиться в этом наверняка, но тут же с ужасом вскрикнула. Прямо в лежавшем над нами пространстве образовалась немыслимых размеров трещина. Она тянулась от самых лавандовых полей – той части, где брал свое начало колпак, наполненный синим воздухом, – и заканчивалась высоко над ледяными озерами.

– Отем? – еще сильнее встревожился Старлайт.

– Взгляни в небо, – не сводя глаз с трещины, произнесла я. – Баланс воздуха нарушен.

– Вижу...

Я крепче сжала его руку.

– Пойдем. Нужно скорей вернуться на базу. Находится здесь небезопасно.

Он согласился.

– Но что это было? – все спрашивал Старлайт, когда мы быстрой походкой направлялись к луноходам. Гуляя, мы зашли довольно-таки далеко, и до них оставалось еще минут тридцать ходьбы.

– Я не знаю, Стар, – говорила я, – но вскоре обязательно выясню это.

Я вдруг остановилась.

– В чем дело? – удивился Старлайт.

– Нужно объявить военную тревогу, – решила я.

– Давай скорей.

Быстрее чем когда-либо, я запустила свой браслет, и вот уже вызывала Сириуса, но сигнал внезапно прервался. Выругавшись, я предприняла еще одну попытку. На этот раз мне повезло. Пускай и с помехами, но мне удалось дозвониться...

– Сенатор Куинн? – удивилась я, увидев его лицо вместо ожидаемого лица Сириуса. – Как это вышло? – я тут же одернула себя: неподходящее я время выбрала для расспросов. – Я собираюсь объявить тревогу. Код красный.

– Нет нужды объявлять красный код, капитан Раст, – ответил сенатор со всей присущей ему невозмутимостью, да так спокойно, что я просто онемела от удивления и негодования, одновременно охвативших меня.

– Что?!

– На другой стороне Луны сейчас проходят учения, – размеренно говорил сенатор. – То, что Вы могли только что услышать – это всего лишь их результат, не более.

– Я не только услышала что-то... – повысив голос, ответила я, но не успела закончить фразу. Куинн тут же перебил меня.

– Вы одна сейчас? – спросил он.

– Да, одна, – соврала я.

– Замечательно, – сказал сенатор, и хотя я видела мало замечательного в этой ситуации, я позволила ему закончить фразу. – Возвращайтесь в штаб. И повторяю: не поднимайте военную тревогу.

Он отключился.

– Мудила гребанный! – вскипела я, и вновь попыталась дозвониться Сириусу. – Черт возьми, связи нет. Такое чувство, что ее блокируют с самого штаба.

Земля задрожала еще раз. Теперь толчок раздался уже гораздо ближе к нам, и по небу поползла очередная трещина. И без того приглушенный свет постепенно начинал гаснуть.

«Хорошо, хоть звезды настоящие», – мелькнуло в голове.

Старлайт потащил меня за руку.

– Быстрее, Отем, нужно уходить.

Мы не шли, а уже практически бежали, приближаясь к снежному склону, за которым были оставлены наши луноходы. Рисковать, ступая по озерному льду, мы не стали. Без стабилизатора температуры он мог треснуть в любую минуту, так что мы были вынуждены идти под холмами, по самому краю берега.

За спиной раздавались все новые удары, и удержать равновесие, не упав наземь, было весьма сложно. Вокруг становилось заметно холодней, а освещение уже почти померкло. Я видела перед собой небольшие клубы пара, появляющиеся вместе с моим дыханием. Времени идти в обход практически не оставалось. Нужно было забраться на холм и очень осторожно спуститься по нему к луноходам.

Меня настигло странное чувство, словно я нахожусь на темной стороне Луны и, задышав, бегу по ее ледяной поверхности.

Забираться вверх по склону было нелегко. Приходилось выискивать в полумраке отслоившиеся от него куски поверхности и подниматься дальше, цепляясь за них. Один из таких пластов оказался слишком маленьким и уже почти отошел от земли. Взявшись за него, я чуть не завалилась назад. К счастью, Старлайт поднялся на склон первым, и успел ухватить мою руку, тем самым предотвратив падение. Одним рывком он поднял меня наверх, и вот мы оба стояли на снежном возвышении. Луноходы оставались внизу, до них было еще метров я десять.

Отдышавшись, я взглянула на местность, оставленную позади. Многое было разрушено, а в самом начале восьмого участка, прямиком на его поверхности, образовалась огромных размеров дыра.

Новый удар пришелся совсем близко. Это сбilo нас с ног. Старлайт тут же подскочил и помог мне подняться. Должно быть, при падении он ушибся: я увидела алые подтеки около его висков.

Земля продолжала трястись и содрогаться. Мы вновь и вновь падали, не будучи в состоянии спуститься вниз. Тогда я услышала доносящийся из темноты шум, словно кто-то одновременно разбил за нашими спинами тысячи зеркал. Я поняла, что этот треск исходил от озер.

Я вновь взглянула вниз в сторону луноходов.

– Будем прыгать! – крикнула я, стараясь перебить продолжающийся шум.

– Черт возьми, – чуть слышно произнес Старлайт. – Курт не ошибался...

Я обернулась. Словно замороженный, Старлайт стоял у другого края холма и внимательно смотрел на что-то внизу. Еще мгновение, и мне тоже открылось *это*. Ужас сковал меня, когда я увидела десятки землистых щупалец, появившихся со середины озера. Они были гигантских размеров и с невероятной скоростью метались из стороны в сторону, уничтожая все на своем пути. Эти чудовищные существа крушили саму долину и деревья, растущие в ней, утаскивая их обломки под землю.

Пазлы в моей голове сложились, и тогда я все поняла, но все вокруг происходило так быстро, что мне едва ли удавалось дышать.

– Беги, Отем! – раздался голос Старлайта.

Он оттолкнул меня с того места, которое спустя долю секунды настигла подземная тварь. Холод и острая боль током пронзили все мое тело, когда, падая, я неслась по склону. Приземлившись, я сломала запястье правой руки. Перелом оказался открытым, но я совершенно не чувствовала руку и не могла пошевелить пальцами.

Здесь повсюду было слишком темно, дабы я сразу же смогла разобрать что к чему. Откинув с лица запутавшиеся волосы, я бродила взглядом в окружающем меня мраке. Кое-как мне удалось нащупать в нем луноходы, но я нигде не видела Старлайта.

– Старлайт?! – я звала его по имени снова и снова, но не слышала ничего в ответ. Падение со склона оглушило меня, так что поначалу до меня не доходил даже звук собственного голоса.

Чувство тревоги нарастало. Но ведь прошло всего несколько секунд...

Интуиция подсказала мне поднять взгляд к небу. Тогда я увидела Старлайта и в ужасе закричала. Мерзкие щупальца обхватили его за торс и подняли высоко над тем, что когда-то было озерным краем. Сейчас как ни старался, он не мог вырваться: монстр сомкнулся вокруг его тела мертвой хваткой.

С широко распахнутыми от страха глазами, я по привычке потянулась к поясу, но, само собой, там не оказалось ни оружия, ни ремня для него. Да и откуда им здесь взяться? Я была в штатском и ничем не отличалась от простых туристов.

– Уходи, Отем, – задыхаясь, произнес Старлайт.

Но я не могла уйти. Хотя и сделать что-то я тоже не могла. Собственное тело не желало меня слушать. Оно покрылось невидимыми иголками, сердце замерло в груди, а ватные ноги то и дело подкашивались. Нет, я не могла уйти.

Собрав последние силы, я вернулась к луноходу, но тот никак не желал заводиться, и бросив его, я нашла в темноте другой. В тот момент я еще не знала, что буду делать, но ясно понимала, что больше не могу находиться в стороне.

То, что произошло в следующее мгновение, остановило все. Мое сердце замерло на веки, а полная счастья жизнь оборвалась, когда я увидела внушающую дрожь картину: осьминогообразные щупальце, державшее Старлайта, выпустило из своих недр еще несколько подобных себе конечностей. Они с новой силой обхватили моего любимого и в один миг разорвали его на части, залил остатки льда алой кровью.

Я почувствовала, как вместе с жизнью Старлайта уходит и моя, и, честно говоря, была совсем не против этого. Смерть казалась мне простейшим путем к спасению от вечной боли и пустоты, которые мне предстояло ощущать на протяжении всей жизни.

Но вместе с тем пришло еще кое-что – озарение. Случившееся на темной стороне с Метьюзом, страх старика Терренса, слова Корнуэлла... Все прояснилось. Проблема была в том, что никто больше не видел происходящего здесь, а значит, некому было остановить их, остановить саму смерть.

Стараясь пересилить сковавшую все тело боль, я поднялась на ноги. Позади все трещало и разлеталось, исчезая в дыре, образовавшейся посреди озера. С большим трудом мне удалось завести луноход, не желавшей слушаться рукой. Только лишь у меня получилось, я на бешеной скорости помчалась прочь из этого проклятого места.

Луноход Старлайта остался ждать своего хозяина под некогда снежным холмом. Вскоре и он исчез в подземных руинах. Следом отправился и сам холм, и окружающие его аллеи со скамейками и беседками – все вокруг.

Пролетая над Луной, я видела, что большая ее часть уже была разрушена. Уцелевшим местам также оставалось существовать совсем недолго: внизу было полно монстров, вроде того, что погубил Старлайта, и все они двигались с огромной скоростью. Вот под моими ногами разошлись горы и подобно тонущему кораблю исчезли в пучине темноты. За горами последовали деревья, целые перки и леса, упавшие словно по взмаху огромной косы.

Не смотря ни на что, удача сегодня была на стороне человечества. Это был вечер понедельника, ни одного туриста. Луна пустовала. Пострадал лишь многовековой труд сотен людей. Язык не поворачивался назвать подобное везением, но, в конце концов, больше никто не погиб. Никто, кроме самого важного для меня человека во всей Вселенной.

20 Зал Совета

Несмотря на то, что еженедельный совет по обыкновению должен был состояться только завтрашним утром, этой ночью каждый из нас получил сообщение от сенатора Куинна с просьбой незамедлительно явиться в Зал Совета. На тот момент я уже крепко спал, а потому был последним из прибывших на ЭСКМО.

За столом уже собрались все семь капитанов, включая меня. Не доставало только Отем Раст с м83.

– Предлагаю начать совет, господа, – произнес сенатор, сложив перед собой руки.

– А как же Капитан Раст? – поднявшись, спросил Дискейн. Место подле него пустовало. Джеймс всегда сидел напротив меня и каждый вторник предлагал Отем Раст кофе с молоком.

– Думаю, Капитан Раст уже вряд ли явится сегодня, – улыбнулся ему сенатор. – Я лично переговорю с ней при первой же возможности.

Не найдя, что ответить, Дискейн молча опустил в свое кресло.

В коридоре послышались быстро приближающиеся шаги, и вскоре кто-то со всей силы зарядил по дубовой двери зала. Та пошатнулась, но продолжала оставаться закрытой. Некоторые из нас подскочили от резкого звука. Удар повторился, и дверь отворилась.

Сперва никто из присутствующих даже не понял, что перед нами стоит Отем Раст. Вид у нее был воистину жуткий: длинные волосы, обычно аккуратно уложенные синими волнами, сейчас перепутались и потускнели от грязи; несколько мокрых прядей прилипло ко лбу; одежда девушки была изорвана и местами просто превратилась в клочья, на ней повсюду виднелись пятна крови, смешавшейся с грязью. Но больше всего ужасала ее правая рука: пальцы неестественно выгнулись в обратную сторону, а на сгибе запястья виднелся торчащий край белоснежной кости. У локтя рана была перетянута какой-то тряпкой, похожей на пояс от пальто, но это так до конца и не остановило кровотечение и пол под ногами девушки стал покрываться алыми пятнами.

Весь совет в оцепенении смотрел на Отем Раст, кто в ужасе, кто с удивлением.

– Ох, Капитан Раст, – в своей привычной манере протянул Куинн. – Я рад, что Вы смогли присоединиться к нам.

И глазом не моргая, сенатор смотрел на Отем Раст. Кажется, он был единственным из присутствующих в этой комнате, кого ни капли не удивлял ее внешний вид.

– КАКИЕ К ЧЕРТУ УЧЕНИЯ?! – с порога крикнула Отем.

Не знаю, что в тот момент ошарашило меня сильнее: ее внезапное появление, или повышенный тон, которым Отем Раст вдруг позволила себе говорить с сенатором. Быстрым шагом она

пересекла зал прежде, чем Куинн успел что-либо ответить, и остановилась у обратного края стола. Буквально в половине шага от сенатора.

– На темной стороне таится опасность, – надорванным голосом произнесла Отем Раст, – И я не потерплю от тебя очередной порции ничего не объясняющего бреда.

Она сделала глубокий вдох, стараясь привести нервы в порядок.

– Присядьте для начала, капитан Раст, – наконец, ответил сенатор.

Он указал рукой на единственное пустующее кресло.

– Сейчас уже поздняя ночь, и очевидно, что Вы просто переутомились. У этого даже есть название – нервное истощение, кажется.

– ПЛЕВАТЬ Я ХОТЕЛА НА ТВОИ ПРОСЬБЫ! – вновь вспыхнула капитан, оставаясь стоять на месте. – На этот раз придется прислушаться ко мне, и, ввиду всеобщей безопасности, советую сделать это как можно быстрее.

Многие из присутствующих уже слегка оправились от шока, и, понизив голос, понемногу начинали обсуждать происходящее, не сводя глаз с Отем Раст и сенатора Куинна. Только я молча продолжал наблюдать за творившимся в зале. На лице каждого был написан вопрос, который пока еще никто не осмеливался задать.

Страшно было даже допустить саму мысль о том, чтобы встрять в их разговор. Ясно-синие глаза Отем Раст потускнели, и теперь в них виднелась лишь испепеляющая ярость. Такой я не видел ее никогда, да и вообще не припомню хотя бы один случай, в котором кто-то из жителей орбиты вел себя подобным образом. Это казалось невозможным, ведь синий воздух отнимал и подавлял большинство наших эмоций.

Заметив нарастающую в зале суету, сенатор поднял ладони, призывая капитанов к тишине.

– Прошу прощения, что держал вас всех в неведении, господа. Теперь я намерен незамедлительно прояснить ситуацию.

Его слова произвели должное впечатление. Зал окунулся в полную тишину, а Отем Раст, скрестив на груди руки, все так же пристально продолжала смотреть на сенатора. В этом взгляде сквозило одно лишь недоверие.

Все застыли в ожидании.

– Ни для кого не секрет, что капитану Раст пришлось много и усердно трудиться в последнее время, – начал Куинн. – На фоне последних событий, затронувших м83, я самолично решил провести ряд учений, имевших место быть на темной стороне Луны, забыв предупредить об этом капитана, что попросту сбilo ее с толку. К сожалению, часть этих учений оказалось плохо спланированной, и потерпела...

– Достаточно! – прервала его Отем.

Она со всей силы ударила рукой по столу, прямо перед лицом сенатора, что тут же заставило последнего притихнуть. По моей спине пробежала дрожь, а внутри все неприятно заколотилось, когда я понял, что Отем по привычке сделала это правой рукой. Рана принялась кровоточить с новой силой, а по стеклянной поверхности стола теперь расползалась тонкая паутина трещин,

которую перекрывал кровавый отпечаток кулака. Сама Отем и внимания на него не обратила, словно не чувствовала никакой боли.

Все происходящее было настолько маловероятным, что мне тут же захотелось ущипнуть себя и наверняка убедиться, что я не сплю.

Дальше Отем Раст произнесла короткую фразу, заставившую сенатора резко измениться в лице.

– Я видела *их*, – сказала она.

Здесь было бы уместно спросить, о чем она толкует. Но Куинн не спрашивал, и у меня сложилось впечатление, что он действительно в курсе происходящего, и его оно явно не радовало. Сенатор поджал тонкие губы, отчего те сразу же побледнели и практически исчезли с его лица. На протяжении какого-то времени он просто смотрел куда-то перед собой до невозможности расширенными зрачками, изредка бросая взгляд на Отем и алый отпечаток ее руки.

– Безумство, – заявил он. – Мне нужны доказательства.

– Смерть Старлайта не достаточно яркое доказательство? – на этой фразе ее голос сорвался.

– Что?! – удивленно взвизгнул сенатор. – Профессор Рок погиб?! Но как это могло произойти, ведь кроме Вас там никого не было...

Фальшивая улыбка медленно сползала с его лица.

Отем не отвечала. Она продолжала стоять над Куинном, не сводя с него глаз.

Он вдруг поднялся, и я подумал, что это, наверное, впервые, когда я вижу сенатора не сидящим в своем огромном белом кресле. Куинн оказался гораздо меньше, чем мне представлялось. Он был одного роста с Отем Раст, если не ниже.

– Что ж, – протянул сенатор с каменным выражением лица, едва ли напоминающим сочувствие, – профессор Рок безусловно представлял большую ценность как для м83, так и для нашей компании в целом, но проектирование его трасс уже практически окончено, а для полного завершения строительства помощь самого профессора нам не понадобится.

Отем ошарашено смотрела на сенатора. Теперь она не находила что ответить.

– Я хочу сказать, – продолжал тот, – что не стоит делать из этой ситуации трагедию. На Земле еще полно специалистов, с радостью готовых в любую минуту начать с нами сотрудничество.

– ДА ТВОЮ МАТЬ, КУИНН! – не выдержала девушка. – РЕЧЬ ИДЕТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ!

– Всего лишь *одной* человеческой жизни, – спокойно уточнил сенатор. – Подобные вещи не имеют значения, когда вопрос стоит о целой системе. Вам это ясно, Капитан?

– Системе? – переспросила Отем. – Неужели ты все еще собираешься возить в это проклятое место людей?!

– Разумеется, собираюсь, – отрезал сенатор. – Этой ночью произошел небольшой сбой. Из-за бурения темной стороны, как я понимаю. Мы тщательно исследуем этот вопрос и

на время прекратим внедрение в лунную поверхность ниже дозволенного уровня, а после отреставрируем все затронутые участки. Не думаю, что их окажется много.

Я видел, как, слушая речи сенатора, Отем безостановочно сжимала здоровую руку в кулак, стараясь сдерживать порывы ярости, что одолевали ее все сильнее с каждым сказанным Куинном словом. Делая это скорей интуитивно, девушка и не заметила, что вскоре на ее ладони проступило несколько алых царапин, оставленным сломанными ногтями. Хотя, наверное, ей просто было все равно.

– Все участки затронуты, – осевшим голосом произнесла Отем.

Холодная улыбка вновь заняла свое место на лице Куинна.

– Ну, это, конечно, займет какое-то время, но, скорей всего, в следующем году уже можно будет возобновить туристический бизнес.

– Немыслимо...

– О, не волнуйтесь, – поспешно добавил сенатор, – все затраты тут же окупятся.

Видимо, Отем Раст никак не ожидала такого ответа. Широко распахнутыми глазами она неподвижно смотрела на сенатора, не будучи в состоянии промолвить и слова. Она с силой продолжала сжимать левую руку.

– Что касается профессора Рока, я разделяю Ваше беспокойство, Капитан, но и это сущий пустяк в нашем общем деле. Обещаю, мы найдем для Вас другого мужчину, более подходящего по геному...

Куинн не успел договорить. Сказанные им только что слова оказались последней каплей. На мгновение Отем прекратила сжимать руку в кулак. Она откинула с глаз болотную прядь волос и, резко замахнувшись, заехала Куинну прямо в нос. Тот издал громкий хруст, напомнивший мне звук, исходящий от попкорна во время жарки.

Удар не свалил сенатора на пол, а только оттолкнул назад, и сейчас, пошатываясь, тот вжимался в стену. Еще мгновение, и белоснежный воротник его костюма окрасился в алый цвет. Испуганный сенатор двумя руками прикрыл разбитый нос, ожидая нового удара, а когда понял, что тот не последует, лишь выкрикнул что-то нечленораздельное.

Казалось, Отем и сама не ожидала от себя такого. Она удивленно смотрела на свой по-прежнему сжатый кулак и теперь имела весьма растерянный вид. Однако она быстро взяла себя в руки.

Чуть ли не дрожащий сенатор отлепился от стены. Он пошатнулся, но смог удержать равновесие. Мне показалось, что сейчас Отем вновь замахнет, но и этого не произошло.

– Больше ни одна жизни не прервется по твоей вине, – четко выговаривая каждое слово, произнесла капитан Раст.

Ее голос звучал ясно и спокойно, и, несмотря на свой внешний вид, она уже больше походила на руководителя лунной базы.

– Ни одна, – повторила девушка.

Не оборачиваясь, она вышла из зала совета. Алый след тянулся за ней до самой двери.

Пока Отем Раст находилась среди нас, никто не позволял себе говорить громче, чем шепотом, но стоило двери лишь закрыться за ее спиной, и от всеобщего молчания не осталось и следа. Едва ли уловимый прежде шепот тут же перерос в жужжащий гул. Только Дискейн оставался на своем месте и безмолвно смотрел на закрытую дверь.

21 Целься в Луну

Я держалась. Я действительно держалась до последнего момента.

Вернувшись в корабль, я привела себя в порядок, насколько это было возможно, а покидая его, спрятала в карман изодранного пальто изувеченную руку. К счастью, держать ее на виду было необязательно: мой браслет по-прежнему оставался на левой руке. На своем пути обратно к м83, и шагая привычными коридорами базы, я не подавала виду. Старалась выглядеть естественно и вести себя точно так же, как и в другие дни.

Вот только стоило мне добраться до собственной комнаты, как все разом обрушилось на меня. Место, на которое пришелся перелом, буквально горело, голова гудела и разрывалась, а к горлу то и дело подступала тошнота. Но все это было сущим пустяком по сравнению с другой болью, таившейся где-то внутри меня, и лишь теперь вырвавшейся на свободу. Я чувствовала громадную дыру в сердце и исходящую из нее тоску, унять которую, казалось, было невозможно. Никогда прежде я не была так одинока, беспомощна и абсолютно разбита, как сейчас. Я бы могла поклясться, что ощущала эту боль физически, и это было похлеще любых переломанных конечностей.

Теперь нужно было навеститься в госпиталь и как можно скорее: рука выглядела просто ужасно, да и чувствовала я себя таким же образом. Мне стоило титанических усилий принять душ и надеть на себя чистую одежду. За эти сорок с лишним минут резкая боль в запястье лишь продолжала расти, а я с ужасом осознала, что в моей комнате нет ни одной таблетки. Даже от бессонницы. А ведь когда-то я и ночи не могла без них провести. Затем в моей жизни появились вещи, гораздо важнее недостатка сна, и сейчас я видела, как они исчезали, растворяясь в темноте.

В конце концов, мне удалось накинуть на себя какие-то домашние лосины, о существовании которых я и не подозревала до сегодняшнего дня, и просторную клетчатую рубашку Старлайта. Она была первой вещью, попавшейся мне под руку, но будь она хоть последней, я бы все равно выбрала ее. В таком виде я поплелась в госпиталь.

Усталость валила меня с ног. До нужного крыла оставалось бесчисленное количество этажей. Этой ночью лифт двигался невыносимо медленно.

Я уже давно потеряла счет времени. Часы, мысли... Все плыло в голове. Картина перед глазами постепенно начинала меркнуть. Я пошатнулась, и, побоявшись потерять сознание, взялась здоровой рукой за поручень у стены лифта. Стоило мне хоть на миг закрыть глаза, и я тут же видела его лицо.

Последние слова Старлайта эхом разносились в моем сознании, бесповоротно заполняя его.

«Кто такой Курт?» - крутилось в голове.

Следом пришло воспоминание об одном из теплых дней, проведенных в городке. Мы ведь успели сходить в тот кинотеатр, а после заглянуть в крохотный бар с единственным в нем музыкальным автоматом. Этот вечер был одним из счастливейших моментов, которые мне довелось пережить. Никто прежде не смотрел на меня так, как это делал Стар. Я не могла поверить в то, что больше никогда не встречу взглядом с его любящими глазами, никогда не услышу его бархатного голоса и не смогу сказать, как же сильно я люблю его. Счастье навсегда оставило меня, и я буквально чувствовала, как оно покидало мою душу.

Какое же это все-таки неприятное и даже страшное слово – «успели».

Дверь лифта бесшумно отворилась. Стоя спиной к выходу, я не сразу поняла, что уже на месте. В глаза ударил поток света, еще более яркий, чем в коридорах остальных этажей. Все верно, я была в правом крыле девятого этажа.

Честно говоря, действие синего воздуха даже порадовало меня той ночью: никто из медперсонала и словом не обмолвился о том, что же со мной произошло. Никаких изумленных или сочувствующих взглядов, никаких расспросов, они лишь делали свою работу. Меня привели в порядок, а после и заштопали довольно быстро, наложив на перелом гипсовую повязку.

– Сейчас будет больно, – спокойно произнесла медсестра прежде чем вправить мне кость. – Всего на пару секунд.

По обыкновению, я прикрыла глаза, но так ничего и не почувствовала. Наверное, потому что мне было больно и прежде. Я вся обратилась сплошной болью.

Приняв две таблетки обезболивающего, я направилась обратно к себе. Не знаю, начали ли они действовать так быстро, но в сон меня теперь клонило сильнее. Уже вернувшись в комнату, я пожалела о том, что не прихватила с собой из госпиталя еще и успокоительного. Хотя я сомневаюсь, что подобное лекарство в принципе могло быть здесь. К тому же лишнее беспокойство мне также не было нужно. Раны на теле объяснить несложно, а вот душевные – куда трудней.

Я пыталась абстрагироваться от мыслей о смерти Старлайта, но с каждой попыткой они все туже затягивали петлю вокруг моей шеи, мешая думать, или хотя бы дышать.

Войдя в свою комнату, я поспешно закрыла за собой дверь, и тут же опустилась прямиком на пол. У стены валялось одеяло, которое я второпях отбросила, опаздывая на встречу со Старлайтом всего несколько часов назад. Нет, в этот момент меня не преследовало чувство, словно это было так давно. Напротив, было сложно поверить в произошедшее после. Казалось, разум просто отказывался воспринимать тот факт, что моей путеводной звезды больше не было рядом со мной, и я не смогу отыскать его ни в одном из уголков Вселенной, насколько бы бесконечной она не была.

Притянув одеяло ближе к себе, я укуталась в него и, прислонившись к стене, уронила голову, прикрыв руками лицо, а когда опустила их, мельком взглянула на собственные ладони. Удивительно, но они были мокрыми. Я не роняла слез так давно, что уже практически не помнила, каково это. Но на протяжении всей этой ночи слезы непрерывно струились по моим щекам, а я просто не знала, как остановить их. Я лишь неподвижно лежала лицом к стене, слегка прикрыв глаза.

*

Случившееся минувшей ночью не было кошмарным сном. Я поняла это по холодной постели и ноющему запястью. Как оказалось, спала я всего два часа, а ощущала себя так, словно провела без сознания несколько суток.

Привстав, я потянулась, и окончательно убедилась в том, что больше не хочу спать. Тупая боль пронзала каждый сантиметр моего тела. Тогда я осторожно поднялась с постели. Привычной кружки холодного кофе сегодня не было на месте: вчера я так и не взялась за то, чтобы сварить его. Можно было сделать это и сейчас, но мне совсем не хотелось кофе. Ничего не хотелось.

С чувством глубокой тоски в сердце, я стояла посреди комнаты, медленно обводя ее взглядом. Меня одолевало безразличие ко всем тем ценностям и правилам, что еще недавно были так важны. Сейчас они уже не имели никакого значения и казались мне глупым миражем. Практически забытым.

Я сделала несколько неуверенных шагов к зеркалу. Взглянув в него, я даже не узнала себя, настолько потрепанной и безжизненной я была этим утром.

Вместе с тем, я видела напротив другую Отем. Семнадцатилетнюю, одинокую и депрессивную. Границы последних десяти лет растаяли, отбросив меня далеко назад, в самые мрачные времена моей жизни на Земле. Теперь они казались мне ближе, чем вчерашний день. Бессонница вновь смотрела на меня из зеркала покрасневшими от слез глазами. Я помнила этот взгляд, не смотря на то, что так долго пыталась забыть о нем. Как и о губительном чувстве одиночества.

Осознав, что слезы вот-вот подступят, я отвела взгляд.

С самого момента пробуждения я чувствовала на себе холод, растекающийся по всему телу, и ни повышение температуры в комнате, ни несколько одеял никак не могли унять его. Сильней всего мерзли руки. Я отошла от зеркала и осторожно потерла их одну о другую, пытаясь согреться. Пальцы коснулись чего-то круглого, и тут мое сердце замерло. Кольцо. Ведь я и забыла о нем.

Я вытянула перед собой левую руку. Те крупинцы света, что еще ютились в комнате, блестящими искрами отображались на темной поверхности камня, что находился в центре кольца. Сейчас он был таким темным, практически черным, хотя еще вчера казался мне ясно синим. Может, все дело была в освещении, а, может, в моем расположении духа – не знаю.

В конечном счете, мне, все-таки, пришлось приготовить себе кофе, дабы хоть немного согреться. Наполнив чашку обжигающим напитком, я подошла к окну. Странно. Я совсем не чувствовала боли, несмотря на то, что мои пальцы уже с полминуты соприкасались с горячей поверхностью. Все мысли (если таковым еще оставалось место в моей голове) были заняты совершенно иным.

Как же слепа я была прежде. Все то, во что я так беспрекословно верила на протяжении этих долгих десяти лет, обернулось лишь пустым миражем. Рассыпалось, как и все те макеты, установленные на лунной поверхности. Такие ошибки неисправимы.

Эти мысли вызвали в моей голове другие – воспоминания о записке Корнуэлла, оставленной на одной из страниц «Листьев Травы». Той самой, где свое начало брала поэма под названием «О, Капитан мой, Капитан».

Мне не понадобилось много времени для того, чтоб найти томик Уитмена, а вот поиски зажигалки, или какого-нибудь еще источника огня, продолжались куда дольше. Кухонное оборудование уже давненько изготовлялось по иному принципу, да и я с восемнадцати лет не держала в руках сигарету.

– Сигареты! – горячо вскрикнула я, и, накинув поверх рубашки теплую кофту, чуть ли не помчалась в комнату Старлайта.

Прибывая на м83, многие бросали курение, даже если прежде этого и не было в их планах. Я могла перечислить на пальцах одной руки тех, кто все еще продолжал появляться на базе с сигаретой в руках. Само собой разумеется, в их число не входили военные, как и сотрудники, находящиеся на темной стороне Луны. В основном, это были люди, работающие в ИИЛП: доктора и инженеры.

Старлайт говорил, что, живя на Земле, курил уже очень давно. Здесь же ему (как им мне) пришлось оставить эту привычку: в штабе курение было запрещено. Однако, несколько раз он позволял себе выкурить сигарету-две, прогуливаясь улочками коттеджного городка.

Войдя в комнату Стара, я на пару секунд задержалась на пороге. Как же непривычно было находиться одной в этом месте, зная, что он уже никогда не появится в дверном проеме. Я закрыла глаза и тряхнула головой, словно стараясь выкинуть из нее все отвлекающие меня мысли.

Пачка сигарет лежала там же, где я видела ее несколько месяцев назад – в верхнем ящике комода, что стоял около окна. Внутри еще оставалось несколько сигарет. Зажигалки рядом не нашлось: сигареты оказались самоподжигающимися, но это тоже подойдет. Взяв их, я поспешно вернулась в свою комнату, и дважды проверила, закрылась ли за мной дверь.

Внутри меня проснулся интерес, смешавшийся с неким опасением. Конечно, сейчас мне всего лишь предстояло узнать пароль, который поможет мне открыть ячейку с последним посланием Корнуэлла, но, зная его не первый год, я отлично понимала, что и в этот момент он непременно вложит свой смысл.

Я подождала еще немного, и, убедившись, что готова узнать правду, нажала на край сигареты. Она тут же зашуршала, а на конце появились небольшие искорки. Тогда я взяла с бара бутылку абсента и наполнила бокал. После чего опустила в него сигарету так, чтоб она слегка касалась поверхности напитка.

С первого раза ничего не вышло, потому мне пришлось проделать все снова. Вот, еще минута, и над бокалом заиграло пламя. Стоило этому произойти, и я тут же схватила со стола заблаговременно вырванную из книги страницу и поднесла ее к огню.

Прошло всего секунд тридцать, которые обернулись для меня вечностью. Затем, увидев проступающую на бумаге надпись, я затаила дыхание. Еще немного и ее можно будет прочесть.

Вдруг мой браслет издал короткий сигнал, оповещающий о новом входящем сообщении. Я отвлеклась всего на мгновение, а когда вновь взглянула на книжную страницу, увидела в центре нее всего три слова.

«Целься в Луну» – гласило послание.

*

Сейчас я даже не помнила, как прошлой ночью добралась до постели. Это было неважно. Не знаю, в котором часу я покинула свою комнату, но коридоры здания штаба все еще пустовали, когда я спускалась в холл. Увидев меня, дежурный, как и полагается, отдал честь. Кивнув ему в ответ, я направилась к выходу.

На улице оказалось прохладно и даже сыро, если дорогу, окруженную мрачными сооружениями из стекла и стали, можно было назвать улицей. На протяжении всего пути меня окутывало чувство невообразимого одиночества, но сейчас я всеми силами старалась сосредоточиться на послании Корнуэлла, так что даже мысли о Старлайте отступили на задний план (конечно, я не смогла бы полностью избавиться от них даже перед лицом собственной смерти).

Соприкоснувшись с пламенем, пожелтевшая страница «Листьев Травы» явила мне всего три слова – совсем ничего для того, чтобы прочесть, но так много для размышлений. Целься в Луну. В памяти застыла проступающая на бумаге надпись, и тогда я представила, как сидя в своем излюбленном плетеном кресле, Джуд Корнуэлл бережно наносил на книжную страницу лимонный сок. Так, словно это было не здесь и сейчас, а многие столетия назад, в каком-то другом практически забытом всеми мире. Эти мысли вызвали на моем лице мрачную улыбку. Ненадолго. Нужно было действовать как можно скорей.

Убедившись в том, что поблизости нет никого, способного остановить на мне свой любопытный взгляд, я поспешно вошла в здание пятого сектора, и быстрыми шагами поднялась в квартиру Корнуэлла.

В нос тут же ударил знакомый запах винила и красного дерева. Я бы смогла узнать это место даже с закрытыми глазами. Впереди мне предстояло завершить уйму дел, ко многим из которых я еще и не преступала, однако сейчас мне хотелось иного. Я просто знала, что должна придти именно сюда.

Вздохнув, я подняла темную крышку рояля и присела на небольшое кресло с замшевой обивкой, что стояло перед инструментом. Поставила руки на клавиши так, как учил меня Старлайт... и, все-таки, невероятно сложным для меня оказалось сдержать слезы. Они тут же подступили, стоило лишь прозвучать первой ноте. Пришлось остановиться, дабы убрать стекающие по щекам слезы. Я провела по ним просторным рукавом кофты, и начала мелодию заново.

22

шеренга солдат уже заполнила весь холл, когда я спустилась на первый этаж.

Не произнеся ни слова, я миновала ее, поначалу не замечая удивленных, а кое-где и смущенных взглядов. Лишь пройдя треть своего пути, я обратила на это внимание.

22 Подвесная Терраса

Приведя нервы в порядок, я отправилась на космодром и отыскала среди камер хранения предназначенную для меня ячейку. В ней оказался очередной конверт. Он был толстым – внутри находилось страниц с десять, не меньше. Открывать его прямо здесь было бы крайне опрометчиво. Даже пребывая в затуманенном состоянии, я понимала это. Нужно было найти пустующее место и заглянуть в конверт вдали от всех. Коттеджный городок оказался первым, что пришло мне в голову, да и сейчас он как раз находился под рукой, так что я не стала долго раздумывать над своим решением, и отправилась напрямик туда.

По пути в городок я заметила, что иду медленней обычного. Видимо, после случившегося накануне, двух часов сна оказалось недостаточно для того, чтобы хоть немного придти в себя. Хотя, честно говоря, я не верила в то, что мне вообще когда-либо удастся оправиться. Все что я делала, я делала для своей любви. Старлайта больше не было со мной, но я не могла позволить стать его смерти напрасной. Человечество нужно предупредить об опасности и оградить от нее. Корнуэлл был прав всегда и во всем, и сейчас я собиралась взорвать эту гребанную Луну. Уничтожить все, что может поспособствовать посещению человеком этого места.

Только эти мысли и намерения заставляли меня все еще держаться на ногах. Возможно, я еще не раз пожалею о том, что не позволила себе погибнуть прошлой ночью. Просто остаться лежать на холодной земле в ожидании конца. Может быть, так было бы для меня лучше, но я уже никогда этого не узнаю. Еще было что разрешить.

В городке все было заперто, а сам он пустовал. Можно было бы войти в один из коттеджей, или любое другое здание, но я предпочла остаться снаружи. Мне нравилось находиться здесь: так я чувствовала себя менее одинокой, чем являлась на самом деле. Казалось, Корнуэлл был где-то рядом. Сидел в своем кресле, готовый утешить меня в любую минуту.

Не в силах больше ждать, я присела на обочине пустующей дороги и достала торчащий из кармана конверт. Новая волна боли отозвалась в запястье, когда я разворачивала письмо. Странная штука – самовнушение, ведь еще пару часов назад, касаясь мелодичных клавиш рояля, я не чувствовала этой боли. Несмотря ни на что, мне казалось, что даже когда кости полностью срастутся, рука все равно не перестанет болеть. И я не ошибалась. Спустя полгода я все так же чувствовала эту боль, напоминающую мне о событиях той злосчастной ночи.

Я скрестила под собой ноги, и развернула письмо.

Моя дорогая Отем,

Я не буду вдаваться в описания душевных метаний глупого старика, тем самым тревожа твое, должно быть, и без того обеспокоенное сердце, а посему сразу же перехожу к делу.

Как ты можешь увидеть, эти страницы далеко не первой свежести, а значит, написал я их задолго до того, как отдал тебе, хотя, надеюсь, что до этого так и не дошло.

Сегодня двенадцатое октября 25... года – день когда ты стала капитаном, чему лично я несомненно рад, но теперь, пока есть время и возможность, я хочу передать бумаге все свои тревоги и подозрения, что, возможно, поможет тебе в будущем.

Уже долгое время меня терзают сомнения насчет безопасности мира, созданию которого я способствовал. Все началось девятнадцать лет тому назад, когда по завершению рабочего дня, я привычно прогуливался по вишневым садам и их окрестностям. Не знаю, была ли это внезапно очнувшаяся ото сна интуиция, или сама Вселенная благосклонно решила подать мне знак, но я вдруг почувствовал, что нахожусь не один в этом месте. Как сейчас помню тот вечер: по спине скользнул холодок, а в сердце закралось тревожное чувство. Я сразу же огляделся по сторонам, но, естественно, ничего не увидел. В тот день я ушел домой ни с чем, но это необъяснимое волнение продолжало преследовать меня на протяжении всех грядущих лет.

Признаюсь, я привык доверять своей интуиции. Однажды я уже ослушался ее, и это стоило мне семьи.

Я оторвалась от чтения, и удивленно подняла брови. Семьи? Корнуэлл никогда не упоминал о них. Мне казалось, что он такой же одиночка, какой всю жизнь была я... и вот сейчас вновь стала.

Отогнав от себя унылые мысли, я вернулась к письму.

В следующий раз это повторилось только спустя восемь лет. Тогда я отправился провести своего старого знакомого, работавшего в пятом пункте бурения. Напевая какую-то забытую мелодию, я шел по тоннелю, ведущему от базы на темную сторону Луны.

Тогда еще все было обустроено иначе, сотрудникам приходилось использовать луноходы и тяжеленные скафандры, дабы перемещаться по территории. Но главное оставалось неизменным: надземный стеклянный тоннель был уже тогда, разве что тянулся он на несколько десятков метров меньше, достигая лишь первого пункта. Далее приходилось добираться с помощью лунного транспорта.

Я уже почти достиг двери, ведущей в бурильный пункт, как вдруг краем глаза заметил какое-то движение за толстой стеной коридора. Остановившись, я повернулся и вплотную подошел к стеклу. За ним было тихо. На меня смотрела лишь темнота, но я был уверен, что еще несколько секунд назад уловил что-то по ту сторону стекла. Для этого отрезка Луны еще не был спроектирован макет, так что и ветра здесь быть не могло.

Позже я указал на это место своему товарищу, Теодору Эриксону. Тот сказал, что участок, о котором я спрашиваю, как раз был занят под бурение, и, скорей всего, я просто видел камни, вылетающие из-под оборудования. Должен заметить, что самого Теда мои сомнения нисколько не озадачили, а вот мне интуиция подсказывала обратное. Но в этот раз у меня вновь не оказалось доказательств, что смогли бы хоть сколько-нибудь подтвердить мои опасения.

Мне стали видеться сны. Ужасные кошмары, очнувшись от которых, я еще долгое время сидел на кровати, будучи не в силах прийти в себя. Я дрожал от страха, словно был не

стариком, а по-прежнему оставался мальчишкой, и ничего не мог с этим поделать. Спасало лишь чтение, помогавшее мне собраться с мыслями и сосредоточиться на работе.

В своих снах я шел по тоннелю, или ягодному полю, а иногда просто сидел в своем кабинете... Место действия не имело значения, потому что кошмары мои всегда заканчивались одинаково: все то, над чем я трудился более семидесяти лет, и что успел немало полюбить за эти годы, рушилось прямоком на моих глазах, унося с собой жизни ни в чем не повинных людей. Это ужасало меня.

Отдышавшись после кошмаров, я размышлял о незавершившихся гештальтах, но так и не мог понять, к чему все это приведет.

Я не боюсь собственной смерти. Откровенно говоря, я давненько мечтаю о ней. Жизнь становится в тягость, когда знаешь, что уже отходил свое. Особенно жизнь в одиночестве. Но я опасюсь за человечество. Уровень желающих посетить окрестности Луны растет с каждым днем, и это не остановить.

Каждое живое существо имеет особую значимость и предназначение. Неважно, сколько людей может погибнуть из-за неосмотрительности других – один или тысяча – это все равно станет трагедией.

Тогда я не мог поделиться своими кошмарами ни с тобой, ни с действующим капитаном, но одним из давно минувших ноябрьских вечеров, я, все же, рассказал о них, сидя за кружкой бренди в узком кругу своих приятелей из нескольких пунктов бурения. Выслушав меня, они поведали о недавно переведшемся к ним Ките Терренсе. Безумец – так они его называли. Этот молчаливый малый вел себя так, словно был не от мира сего и постоянно невесть чего страшился. Не знаю, было ли это вызвано моим преклонным возрастом, или роль здесь сыграла солидарность, появившаяся из-за моих собственных опасений, но я пропитался к бедняге немалым состраданием.

Я решил лично переговорить с Терренсом, и как-то, встретив его у входа в туристический космодром, не смог упустить такую возможность.

Стоит ли говорить, что эта оказалась далеко не лучшей из моих идей? Возраст ничего не значит, когда дело касается ума. На самом деле я просто недооценил уровень страха, пленившего Терренса, а впоследствии и паники.

Тем утром я подошел к нему, и, представившись, предложил выпить кофе. Увидев, что к нему идут, Кит что было сил схватился за ручку стеклянной двери. Поразмыслив несколько секунд, он наконец оставил ее в покое, и, не сказав мне ни слова, направился в сторону кафе, что находилось в центре зала, прямоком за постаментом падающей звезды. Я пропустил вперед веселую парочку туристов, оживленно обсуждающих проведенные на Луне выходные, и последовал за Терренсом.

Я заметил, как идущая передо мной рыжеволосая девушка повернулась к своему спутнику, и с немного печальной улыбкой произнесла: «Как же не хочется возвращаться в Пасадену. Здесь так спокойно...». Эта ненароком подслушанная фраза только предала мне решимости.

Я догнал Терренса и мы присели за самый дальний столик. Не стану описывать последующий разговор с официанткой и прочие мелочи. Перейду сразу к тому моменту, когда я склонился к Киту и еле слышно рассказал свою историю. Он слушал меня со стеклянным взглядом, а

когда я закончил, то предложил ему взять луноходы и проехаться к тому самому месту, где на днях заметил какое-то движение.

Пойми меня правильно, Отем, я и подумать не мог, что собеседник мой был **настолько** подвержен собственным фобиям: парни из блока порой любили приукрасить. В общем, я надеялся, что Терренс поможет мне добраться до нужного бурильного участка (ведь сам я не привык управляться с подобным транспортом и оборудованием в одиночку). Уже спустя мгновение я осознал, как глупо поступил.

Услышав о возможном визите темной местности за пределами пункта, Терренс резко подскочил на ноги и закрыл лицо руками. Он вертел головой так, словно пытался вытрясти из нее какие-то ужасные воспоминания, известные лишь ему одному, и постепенно отступал назад, при этом повторяя лишь одно слово – «Нет». Растерявшись, я не знал, что и поделать, а голос Терренса тем временем звучал все громче, превращаясь в крик. Наконец, я пришел в себя и тоже поднялся на ноги, желая успокоить беднягу. Завидев мое приближение, тот вдруг начал пятиться быстрее и вскоре завалился на пол, споткнувшись о ножку стоявшего позади него стола. На шум сбежались удивленные туристы и встревоженные работники космодрома, а Терренс упал на пол и продолжал биться в истерике.

Медики прибыли быстро. Они дали ему лошадиную долю транквилизаторов и поспешно увезли в госпиталь, подальше от глаз всполошившейся толпы. Именно после этого случая работникам темной стороны Луны было запрещено покидать ее пределы вплоть до истечения сроков их контрактов. Сенатор Куинн полагал, что такая выходка может повториться, так как, в отличие от базы и светлой стороны Луны, другая ее часть не находилась под колпаком, а значит, работавшие там люди (к большому, с его слов, сожалению) не подвергались воздействию синего воздуха, и оттого больше остальных были склонны к подобной эмоциональности.

Когда я узнал, что после выписки из госпиталя Кит Терренс не только не был уволен компанией, а к тому же еще и переведен работать подальше от внушавшего ему страх места, то восхитился добротой сенатора, в очередной раз проявив глупость. Кто бы мог подумать, что я с такой легкостью смогу спутать расчетливость с милосердием?

Прошло еще какое-то время. Сейчас я убежден в том, что действующая власть все знала и попросту хотела держать Терренса под рукой, боясь что его поведение отпугнет посетителей, в разы сократив прибыль, получаемую ЭСКМО от туристических поездок. Мне хочется думать, что виной этому было влияние Луны... да что угодно, затмившее разум нашего руководства, ведь так сложно поверить в то, что человеческое сердце способно на подобную жестокость.

Вчера я встретил почтенного капитана Хилла. Полагаю, теперь принято говорить, покинувшего службу капитана Хилла. Тот выглядел до невозможности изнеможенным. Еще не зная о его уходе, я счел, что виной его усталости послужила операция «Алый Орион».

– С добрым утром, капитан Хилл, – протянул руку я, и мы обменялись приветственными рукопожатиями.

– Сожалею, что не могу поговорить дольше, мистер Корнуэлл, – сказал тогда Хилл.

Я отмахнулся.

– Уйма забот, я все понимаю, – ответил я. – Особенно в такие времена.

Он многозначительно кивнул.

– Надеюсь, Вы заглянете в городок на этих выходных, – продолжал я. – Хэллоуин на носу, так что предвидится море гостей. Мы с ребятами планируем устроить настоящий фестиваль ужасов.

Я улыбнулся.

– Вряд ли я смогу, – негромко проговорил капитан. – Я так устал, Джуд.

Что-то насторожило меня в его печальном взгляде.

– Что ж, тогда, конечно, лучше отдохнуть как следует, – ответил я.

На том мы и распрощались.

Здесь письмо обрывалось. За ним последовало еще несколько листов, написанных беглым, менее аккуратным почерком, по которому было заметно, что Корнуэлл спешил.

Прошло практически три года с того дня, когда я сел писать предыдущее письмо, но так и не смог его закончить. Меня прервали. По иронии судьбы, это была ты, Отем. Ты зашла ко мне, желая поделиться новостью о твоём повышении, про которое я, конечно же, уже знал. Честно говоря, я все это время откладывал написание письма, не желая вспоминать то, что и так непрестанно будоражит мою душу. А сегодня я узнал, что в скором будущем должен буду покинуть м83, а потому решил закончить свое послание.

Итак, Винсент Хилл не мог больше жить со знанием того, что сотни людей ежедневно подверглись опасности, находясь здесь. Как тебе известно, он покинул службу и пустил себе пулю в лоб, только лишь добравшись до дома. Я же ни на минуту не верю в то, что это было самоубийство. Идти против действующих властей более чем опасно. Сделав такой шаг, лучше убраться с орбиты подальше, пока они не убрали тебя.

Так вот, когда Хилл собрался с духом и дал отпор сенатору, тот сразу же принялся подыскивать на пост капитана кого-то менее опытного. Человека, который не смог бы возразить ему. Выбор пал на тебя. Ввиду того, как самоотверженно ты повела себя в ту кровавую ночь, твое повышение казалось вполне логичным, а сам Куинн был убежден в том, что ты-то уж точно не стала бы ему противоречить. И он ошибался.

Мне же приходилось молчать, дабы не быть постигнутым той же печальной участью, что и капитан Хилл. Но я всегда знал, что в свое время ты обязательно придешь к разгадке, и был несказанно рад этой мысли.

Со временем тревожные сны не прекратились, а лишь обрушились на меня с новой силой. Говоря о кошмарах, ты никогда не задумывалась о том, для чего кому-то понадобилось захватывать Луну? Вот я не раз спрашивал себя об этом. Воспользовавшись помощью нескольких своих друзей (чьи имена я не стану упоминать, опасаясь, что это письмо может попасть не в те руки) я нарушил ряд правил, но узнал, что репутация всех людей, участвовавших в захвате коттеджного городка, вплоть до той кровавой ночи была кристально чистой. Я также узнал, что главарь той банды – Дэвид Норрингтон – приходился сыном Уильяму Норрингтону, поступившему служить на м83 шестнадцать лет назад.

Одной злосчастной ночью Уильям Норрингтон пропал, а спустя несколько часов был объявлен дезертиром после десяти лет безукоризненной работы. Как оказалось, на Землю он так и не прибыл. Думаю, ты уже догадалась, к чему я веду. В планы Давида Норрингтона едва ли входили убийства, за которые он был казнен. Наоборот, он всего лишь хотел уберечь человечество от грядущей катастрофы.

Что ж, теперь я рассказал все, что хотел. Не знаю, что именно подстерегает нас за стенами стеклянного тоннеля и как долго оно будет там оставаться, но понимаю, что узнав правду, ты наверняка не согласишься быть равнодушной к происходящему, а потому прошу тебя, Отем, будь осторожна.

С пожеланиями скорейшего наступления

лучших для всех нас времен и бесконечной

любвью,

твой друг, Дж. К.

P.S. Сегодня, стоя у окна гостиной, я запаковывал некоторые вещи, что решил забрать с собой на Землю, когда увидел молодого человека, несущегося над трассой на луноходе. Удивительно, как же сильно он напомнил мне тебя, впервые прибывшую на м83. «Наверное, новенький» – подумал я. И, все же, порой так приятно увидеть искреннюю улыбку в этом замерзшем стальном мире.

Я сложила письмо в конверт и спрятала его подальше в карман своей кофты. Там же я нашла сигареты Старлайта, и, не раздумывая, закурила, растянувшись прямиком посреди дороги.

*

Открыв глаза, я обнаружила, что по-прежнему лежу на трассе, сжимая в пальцах здоровой руки давно погаснувший окурок. Судя по количеству снега, образовавшегося на моей одежде, я пробыла здесь довольно долгое время. Не смотря на это, мне все еще жутко хотелось спать.

Отряхнув свою одежду, я (с немалыми усилиями) поднялась и неспешно зашагала обратно по заснеженной дороге.

Когда я вернулась в штаб, шеренга солдат уже заполнила весь холл таким образом, что миновать их, оставаясь незамеченной, было просто невозможно. Шагая вдоль нее, я поначалу и не замечала удивленных, а то и смущенных взглядов, направленных на меня. Я поняла это, пройдя уже четверть своего пути, и уже хотела осведомиться, в чем тут дело, но, повернувшись, увидела в стекле свое замученное отражение, и вопрос отпал сам собой.

Кто-то позади коснулся моего плеча. Обернувшись, я увидела Сириуса встревоженного как никогда. Я даже не заметила его приближения, но мне не показалось это странным: сейчас я вообще медленно соображала.

– Отем, на пару слов, – произнес он.

Я ничего не ответила и последовала за старпомом по холлу.

Оставив десант позади, мы вошли в просторный конференц-зал, что находился в самом конце коридора.

–Присядешь? – предложил Сириус.

Я отрицательно покачала головой. К этому моменту навалившая на меня усталость сказывалась ярче прежнего. Я ощущала небывалую слабость и побоялась, что стоит мне присесть, и я вновь тут же погружусь в сон, а это могло бы стоить мне жизни.

– Хорошо, тогда я начну, – Сириус закрыл за нами дверь и подступил ближе. – Мне не хочется говорить тебе это, но ты не можешь появляться перед солдатами в таком виде.

Я машинально окинула взглядом свою одежду и лишь пожала плечами.

– Дело даже не в этом... – продолжал Сириус. – Черт возьми! Да ты ведь смотришься так, словно даже не знаешь, какой сегодня день.

– Вторник? – неуверенно предположила я.

– Почти, – ответил старпом. – Сегодня среда.

Я вздохнула.

– Я встревожен. Ты отсутствовала на базе больше суток, пропустила три построения, но, что еще хуже, не была на вчерашнем заседании Совета.

– Оно состоялось? – удивилась я. Этого я уж точно никак не ожидала.

– Да. Было перенесено на третью четверть. Разве ты не получила уведомление?

– Наверное. Я не проверяла.

– А должна была проверить, Отем! – он слегка повысил голос, но тут же опомнился и продолжил говорить свойственным ему ровным тоном. – Вот это как раз то, о чем я сейчас говорю. Складывается такое впечатление, что тебе стали совершенно безразличны внутренние дела нашей компании.

Я не нашлась, что ответить.

– Послушай, я не могу понять, как такое возможно на м83, но вижу, как много Старлайт Рок значил для тебя, но сейчас очень неподходящее время для того, чтобы опускать руки.

Я видела, что Сириусу этот разговор давался куда тяжелей, чем мне, и, наконец, жестом остановила его. Старпом тут же замолчал, и теперь в ожидании смотрел на меня.

– А сейчас присядь и выслушай меня очень внимательно, Сириус, – произнесла я.

Говоря о старпome, я всегда могла быть в нем уверена, а потому и рассказала Сириусу все, что знала сама и то, о чем могла только догадываться. Он ни разу не прервал меня, но я видела, как по ходу рассказа менялось его выражение лица. С каждым моим словом Сириус Уайт все больше погружался в то, что одни зовут катастрофой, другие же — мыслями.

*

Однажды мне посчастливилось провести неделю в Париже. Было это практически за год до окончания моей учебы в Космической Академии. Я прибыла туда ранним весенним утром и провела целые сутки без сна, гуляя по старинным улочкам Страны Садов, а с наступлением темноты поднялась на Эйфелеву башню. Восхищение всецело охватило меня, когда я оказалась

на самом верху: таким чарующим был открывающийся впереди меня вид. Пейзаж, застывший у меня перед глазами и чувства, что я испытывала в тот самый момент, были прекрасны, но, что еще важнее, я была не одна. Неважно, чем закончился этот роман и какой он меня сделал, ведь в итоге, спустя столько лет, значение имел лишь этот миг, когда, стоя у мостика обзорной площадки с широко раскрытыми глазами и чувством умиротворения, я, не замечая ветра, наслаждалась картиной вечернего города.

Подобные ощущения я испытала, впервые увидев окрестности Луны. Еще более волшебным оказался тот вечер, проведенный со Старлайтом на лавандовых полях. Возможно, прежде я не осознавала этого, но я любила м83, любила Луну с ее восхитительными садами и парками. Но сильнее всего я любила Старлайта, и теперь его не было со мной, как и былого волшебства на лунной поверхности. Она обернулась для меня лишь очередным дремлющим небесным телом, чей холод окутывал все вокруг. Теперь здесь стало небезопасно. С каждым новым днем все то, что с таким трудом создавалось на протяжении многих десятилетий, разрушалось, поспешно исчезая во мраке.

Стояла глубокая ночь когда, пробравшись сквозь мрачные тени своего кабинета, я вышла на подвесную террасу. До этого момента все делалось в ужасной спешке, и вот теперь я остановилась, решив насладиться моментом (насколько мне позволяло время). Уже через несколько часов я буду на Земле, сидеть, глядя на Луну, где-то там, в одной из круглосуточных забегаловок у дороги. Скорей всего, это последний раз, когда я так смотрю на м83, по крайней мере, я вряд ли еще увижу базу такой, какая она сейчас.

Капитан покидает корабль — так неправильно и несвоевременно, но другого выхода попросту нет. Глупо геройствовать, оставаясь здесь в ожидании ареста, а то и смерти. Мне нужно, нет, я обязана двигаться дальше, дабы предотвратить катастрофу.

«Я спасаю мир, но не могу спасти тебя», — скользнула в голове мысль.

Пока вокруг все было тихо, но к утру меня тут же хватят, так что нельзя рисковать, надеясь на лучшее. Важно, чтоб меня не перехватили по дороге на Землю, потому маршрутами компании я пользоваться не могла. К счастью, у меня оставался тестовый корабль Старлайта с его звездными картами. На нем я должна буду обогнуть Луну и, выйдя в открытый космос, взять курс на Землю. Времени это займет дольше, но так я могу быть уверена, что мне не помешают.

По привычке смахнув упавшую на глаза прядь волос, я в последний раз взглянула на коттеджный городок, стараясь как можно лучше запомнить этот момент. В свете луча его огни выглядели особенно завораживающими. Словно время здесь остановилось и событий последних сорока восьми часов не существовало и вовсе. Все было так же, как и в мой первый день на м83. Корнуэлл показал мне это место, а спустя десять лет я показала его Старлайту.

Меня вновь охватила тоска. В голове звучали строки «Печальной Луны» Элвиса, и я перевела взгляд.

Я направлялась к «Рокстару», а над м83 все так же возвышалась голубая Луна. Казалось, ей было все равно.

23 Голубая Луна

Холодное дуло пистолета было приставлено к виску Джуда Корнуэлла, но, полностью поглощенный своими мыслями, он практически не замечал этого. Мартин взвел курок и повторил свой вопрос.

– Куда направляется Отем Раст?

Они пробыли здесь уже двенадцать часов, парни в черных костюмах, представившиеся ФБР-овцами. Хотя Корнуэлл прекрасно знал кто они, он все же впустил их: он не хотел лишней шумихи вокруг своего дома, а эти ребята все равно бы вошли.

Все это время они донимали Корнуэлла бесконечными расспросами, вновь и вновь задавая все те же вопросы, на которые он не смог бы ответить даже если бы захотел.

– Не имею ни малейшего понятия, – в который раз повторил Корнуэлл. – Я не говорил с Капитаном с самого своего отъезда. Это запрещено, вы ведь знаете.

Правой рукой он провел над верхней губой – нос был разбит еще пару часов назад и никак не прекращал кровоточить. На руке теперь не доставало двух пальцев, но это не волновало Корнуэлла, он мог держать сигарету и в левой руке.

От ярости на лбу Мартина вздулась вена, его приводил в бешенство спокойный тон старика. Он уже замахнулся кастетом, намереваясь нанести очередной удар по лицу Корнуэлла, когда услышал голос Фреда Девенпорта.

– Оставь его, Джонни! Надоели уже твои крики! – раздраженно бросил тот.

Фред листал электронные страницы отчетов, присланных сенатором Куинном. Отчеты были за десять лет, последние три года их составляла Отем Раст, а до этого ее предшественник – капитан Винсент Хилл. Все страницы были заполнены идеально прагматично и невероятно нудно. Ничего личного, а потому – ни единой зацепки.

– Не доверяю я ему, – ответил Мартин, опуская руку. – Старик определенно что-то знает. Не зря же он ей те коробки слал.

Затем он повернулся к Гансу Браунингу – третьему и самому молодому из пришедших тем вечером в дом Корнуэлла мужчин. Тот дежурил около телефона, периодически меряя шагами расстояние от окна до журнального столика и назад.

– Сделай мне еще кофе, – бросил ему Мартин. – И на этот раз разбавь коньяком как следует!

– Я тебе не нанимался, – еле слышно буркнул Ганс, но, встретившись взглядом с Марином, послушно отправился на кухню.

Хотя в документах и сообщалось, что Корнуэлл вернулся на Землю около пяти месяцев назад, по всей его квартире по-прежнему были расставлены коробки с вещами, и неуклюжий Ганс тут же споткнулся через одну из них. Он громко выругался и потянулся за виски.

– Осторожно на обратном пути, мистер Браунинг, – послышался голос Корнуэлла. – Джонни не из тех, кто любит, когда его *кофе* проливают, – предпоследнее слово он произнес особенно ярко.

Никто ему не ответил, и Корнуэлл закурил очередную сигарету – ему нужно было подумать. Он действительно не знал о планах Капитана, зато уже давно догадывался об опасности, таившейся на темной стороне Луны. Он наблюдал за этим многие годы, и, как только его опасения начали подтверждаться, Корнуэлл сразу же открыл этот вопрос. Но не в зале совета. Он хотел поговорить с сенатором с глазу на глаз, что оказалось неверным решением. Стоило лишь сделать это, и он тут же был отослан с м83 под липовым предлогом.

И, все же, Корнуэлл был рад, что говорил тем утром именно с Отем Раст. Тогда он не врал ей, а действительно боялся, но не смерти. По крайней мере, не своей собственной. Старлайт Рок погиб – он услышал об этом от Мартина. Корнуэлл не знал, в действительности ли это было случайностью, но понимал, что впереди еще много смертей. Главным вопросом был: удастся ли остановить катастрофу прежде, чем она коснется Земли?

Но сейчас ему нужно было думать не об этом. Что если Капитан сразу же явится к нему, или, еще хуже, прямо к властям? Как сейчас предупредить ее? Стоило бы отправить послание, но каким образом? За ним следили каждую минуту, да и местонахождение Капитана уже никому не известно.

Корнуэлл перебирал в голове всевозможные варианты, но никак не мог найти ответа, хотя и чувствовал, что тот находится где-то совсем рядом, на поверхности.

Так он просидел еще часа полтора, погруженный в собственные размышления, не заметив, что сигарета в руке давно потухла.

Тишину прервал телефонный звонок. Пронзительный и резкий он словно рассекал пространство вокруг Корнуэлла. Сердце старика забилось сильнее, но Джуд не подал виду, а лишь вопросительно взглянул на Мартина. Тот криво ухмыльнулся и схватил телефон, стоило лишь звонку повториться.

– Слушаю.

– Джонни, твою мать! Какого черта ты снимаешь трубку? – он услышал знакомый голос того, кто никогда не называл своего имени. Между собой они называли его Тихоня Билл. Но сейчас звонивший был явно недоволен. Сенатор Куинн давил на него каждую свободную минуту. – Я же ясно выразился: к телефону подходит только Корнуэлл.

Мартин заметно потускнел.

– Простите, сер, он...

– Вам удалось что-то найти? – перебил его звонивший.

– Пока что ничего, сер, но мы не прекращаем поиски.

– Ясно. Ищите дальше. Я перезвоню позже, и, не приведи небеса, я услышу, что ты снова подскочил к телефону.

Джонни хотел еще что-то сказать, но связь уже оборвалась. Он положил трубку на место и бросил раздраженный взгляд на телефон. Аппарат был старше всех их вместе взятых. Корнуэлл приобрел его много лет назад в Голливуде, на аукционе, посвященном предметам из черно-белого кино. Этому телефону удалось засветиться в летне «Некоторые любят погорячее». Корнуэлл хранил его в память о старых временах, в которые никогда не жил, но коими был очарован с самого детства. Сейчас можно было запросить целое состояние за такой предмет.

– Где ты только берешь это старье? – прошипел Джонни. – Весь дом им набит.

Корнуэлл ему не ответил. Он в очередной раз стер с верхней губы кровь, и подумал, что стоит попросить Ганса заварить ему чай.

– Тихоня Билл звонил, – продолжал говорить Мартин. – Спрашивал, не нашли ли мы чего полезного в этом захолустье.

– Да, я уже понял, – ответил Девенпорт, который все так же копался в документах.

– Не там ищите, – вдруг сказал Корнуэлл.

Все трое повернулись к нему. Первым среагировал Мартин. Он достал из внутреннего кармана револьвер, и быстрым шагом направился к старику.

– Тогда, может, уже скажешь нам, где искать?! – с нетерпением крикнул он. – Или мне отстрелить тебе оставшиеся пальцы?

Корнуэлл устало выдохнул.

– Отем Раст незачем здесь появляться, – начал он, но тут телефон вновь зазвонил.

– Это Тихоня Билл, – бросил своим парням Мартин. Он мигом повернулся обратно к Корнуэллу.

– Поднимайся и сними трубку.

Старик сделал попытку встать, но ноги онемели от многочасового сидения в одной и той же позе. В итоге, кое-как ему удалось дойти до журнального столика. Он поднес к уху трубку.

– Джуд Корнуэлл.

– Как хорошо, что я застала Вас дома, – послышался в трубке низкий женский голос. Уже не такой монотонный, как прежде, но Корнуэлл сразу же узнал его, и на этот раз ему не удалось скрыть волнение.

– Это она, – прошептал Девенпорт. Он обратился к Гансу. – Проверь, идет ли запись.

Браунинг кивнул.

– У меня большие проблемы, мистер Корнуэлл, – говорила Отем. – Я вынуждена просить Вас об услуге.

Теперь ее слышали все четверо.

– Что угодно, дорогая, – ответил Корнуэлл.

Холодное дуло револьвера вернулось к его виску.

– Узнай, где она, – требовательно произнес Мартин, понизив голос.

Джуд понимал, что сейчас ему придется послушаться Джонни, но этого не понадобилось.

– Я уже сутки как в открытом космосе, – произнесла Отем. – Не могу найти дороги домой. Связь только появилась и может пропасть в любую минуту. Мне нужны координаты какой-нибудь пустоши, или космодрома. Любые. Только бы выбраться из этой темноты.

– Одну минуту, Капитан.

Корнуэлл опустил трубку. Все трое уставились на него.

– Чего ты ждешь? – спросил Мартин и взвел курок. – Дай координаты своего дома. Возьмем ее прямо здесь.

– И узнай, где она сейчас находится, – добавил Девенпорт.

Ганс молчал.

Корнуэлл медленно кивнул. Он поднес аппарат обратно к уху.

– Сколько на твоём циферблате? – спросил он.

– Данные все время меняются, – последовал ответ. – Сейчас посмотрю.

– Хорошо. Сейчас я продиктую координаты своего дома в Кентуки. Но прежде ответь мне, теперь-то ты разобралась в себе, Капитан?

– Определенно, – отрезала Отем. – Кстати, координаты: все по нулям.

– Что? – удивился Корнуэлл. – Но это ведь похоже на... – он вовремя замолчал.

Взгляд старика упал на одну из валявшихся в коридоре коробок, из которой виднелся край выцветшей пластинки Элвиса. Кажется, это была «Голубая Луна».

Корнуэлл улыбнулся. Он знал, что делать.